

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА

Лингвистика креатива 2023 №1

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА

№ 1 / 2023

Екатеринбург 2023

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FOUNDER: FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL ORGANIZATION
OF HIGHER EDUCATION
«URAL STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY»
INSTITUTE OF PHILOLOGY AND INTERCULTURAL EDUCATION

LINGUISTICS OF CREATIVITY
№ 1 / 2023

Yekaterinburg 2023

Главный редактор:

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка УрГПУ (Екатеринбург, Россия);

Члены редколлегии:

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент (ОГПУ, Оренбург, Россия);

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор (МГПУ, Москва, Россия);

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор (ОГУ, Омск, Россия);

Ван Цзиньлин, доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков Чанчуньского университета (Чанчунь, КНР);

Вепрева Ирина Трофимовна, доктор филологических наук, профессор (УрФУ, Екатеринбург, Россия)

Гаярски Лукаш, кандидат филологических наук, доцент (ун-т им. св. Кирилла и Мефодия, г. Трнава, Словакия);

Доброва Галина Радмировна, доктор филологических наук, профессор (РГПУ им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург, Россия);

Жунусова Жаныл Ныгизбаевна, доктор филологических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан);

Искандери Махнуш, кандидат филологических наук, доцент (университет им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран);

Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор – выпускающий редактор (УрГПУ, Екатеринбург, Россия);

Кубасов Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор (УрГПУ, Екатеринбург, Россия);

Лапто Марина Александровна, доктор филологических наук, профессор (НГПУ, Новосибирск, Россия);

Литовская Мария Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор (Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань);

Ружицкий Игорь Васильевич, доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия);

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор (ВГСПУ, Волгоград, Россия);

Соболева Елена Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент (УрФУ, Екатеринбург, Россия);

Устинова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент – редактор перевода (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия);

Цонева Лиляна Михайловна, доктор филологических наук, профессор (Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария);

Черняк Валентина Даниловна, доктор филологических наук, профессор (РГПУ им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург, Россия);

Шмелева Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор (НовГУ, Великий Новгород, Россия);

Щербакова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор (ОГПУ, Омск, Россия).

Ответственный секретарь журнала, администратор сайта – ***Красноперова Евгения Сергеевна***, ассистент кафедры общего языкознания и русского языка УрГПУ (Екатеринбург, Россия);

Chief Editor:

Gridina T. A., Dr. of Philology, prof. (Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia)

Editorial board:

Bekasova E.N., Doctor of Philology, Professor (Orenburg, Russia);

Bubnova I.A. Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia);

Butakova L.O., Doctor of Philology, Professor (Omsk, Russia);

Wang Jinling, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China);

Veprava I.T. Doctor of Philology, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Gajarski L., Candidate of Philology, Associate Professor (Trnava, Slovakia);

Dobrova G.R., Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);

Zhunusova Zh.N., Doctor of Philology, Professor (Astana, Kazakhstan);

Iskanderi Makhnoush, Candidate of Philology, Associate Professor (Tehran, Iran);

Konovalova N. I. Dr. of Philology science, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Kubasov A.V., Doctor of Philology, Professor (Yekaterinburg, Russia);

Lappo M.A. Doctor of Philology, Professor (Novosibirsk, Russia);

Litovskaya M.A., Doctor of Philology, Professor (Taipei, Taiwan);

Ruzhitsky I.V., Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia);

Suprun V.I., Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia);

Soboleva E.G., candidate of Philology, Associate professor (Yekaterinburg, Russia);

Ustinova T.V., Doctor of Philology, Associate Professor (Moscow, Russia);

Tsoneva L.M., Doctor of Philology, Professor (Veliko Tarnovo, Bulgaria);

Chernyak V.D., Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);

Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor (Veliky Novgorod, Russia);

Shcherbakova N.N., Doctor of Philology, Professor (Omsk, Russia).

Responsible secretary of the journal, site administrator –
Krasnoperova E.S., postgraduate (Yekaterinburg, Russia)

Содержание

Раздел I. МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

<i>Гридина Т.А.</i> Психолингвистические методы как основа организации тренингов вербальной креативности	10
<i>Доброва Г.Р., Ерегина А.А.</i> О процессе перехода компенсаторной вербальной креативности в креативность осознанную: на материале обратного словообразования в детской речи	32

Раздел II. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ПОЛЕ КРЕАТИВА

<i>Лаппо М.А.</i> Семантико-прагматический потенциал курсива в романе Е. Водолазкина «Чагин»	56
<i>Ружецкий И.В.</i> Точка случайности в возможных мирах Ф.М. Достоевского	71

Раздел III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

<i>Бубнова И.А.</i> Эмодзи: креативность современных «жителей интернета» или новый «эффект собаки Павлова»?	93
<i>Муль И.Л.</i> Медицина в зеркале языковой игры (из наблюдений за «Честным словарём К. Караваева»)	105
<i>Харченко В.К.</i> Креатив тонкого юмора в университетской среде	124

TABLE OF CONTENTS

Part I. MECHANISMS OF DEVELOPMENT OF LINGUOCREATIVE THINKING

<i>Gridina T.A.</i> Psycholinguistic methods as a basis for organizing verbal creativity trainings	10
<i>Dobrova G.R., Eregina A.A.</i> On the process of transition of compensatory verbal creativity into conscious creativity: on the material of reversed derivation in children's speech	32

Part II. ARTISTIC TEXT AS A CREATIVE FIELD

<i>Lappo M.A.</i> Semantic and pragmatic potential of italics in the novel of E. Vodolazkin "Chagin"	56
<i>Ruzhitsky I.V.</i> Eventuality point in possible worlds Fyodor M. Dostoyevsky	71

Part III. SOCIOCULTURAL ASPECTS OF LINGUOCREATIVITY

<i>Bubnova I.A.</i> Emoji: the creativity of modern "internet residents" or a new "Pavlov's dog effect"?	93
<i>Mul I.L.</i> Medicine in the mirror of the language game (from observations of the "Honest dictionary of Karavaev")	105
<i>Kharchenko V.K.</i> Creative subtle humor in the university environment	124

Раздел I. МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

Т.А. ГРИДИНА

г. Екатеринбург, Россия

tatyana_gridina@mail.ru

SPIN-код: 9100-3240

УДК 81'23

ББК Ш100.6

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ КАК ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ ТРЕНИНГОВ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Аннотация. Проблемное поле статьи определяется исследованием феномена вербальной креативности в свете игровых тренинговых технологий. Автор исходит из постулата о конгруэнтности таких тренингов природе языковой игры как форме лингвокреативного мышления, основанной на актуализации ассоциативного потенциала словесных знаков. Механизмы языковой игры, связанные с осознанным нарушением языкового канона, создают зону языковой свободы, не предполагающей алгоритмизированного, заранее известного решения поставленной задачи. Для организации таких тренингов могут быть использованы процедуры психолингвистического эксперимента, которые стимулируют эвристические возможности реализации потенциала языковых форм и значений. Данные процедуры обнаруживают психологически релевантный для каждого участника лингвокреативный регистр «манипулирования» словесными

знаками. В статье описываются разработанные на основе метода вероятностного прогнозирования тренинги рецепции и порождения текста в игровом ключе: восприятие и интерпретация лакунаризованного текста в зависимости от расстановки в нем знаков препинания; порождение текстов на базе заданных буквенных «наборов»; процедура свободного толкования и направленного ассоциативного эксперимента как диагностика и развитие способности респондентов (участников тренинга) к считыванию эмоционально-экспрессивного и семантического функционала частиц (с последующим созданием игровых текстов на их основе).

Ключевые слова: вербальная креативность, тренинги вербальной креативности, экспериментальные методы психолингвистических исследований.

GRIDINA TATIANA A.

Yekaterinburg, Russia

PSYCHOLINGUISTIC METHODS AS A BASIS FOR ORGANIZING VERBAL CREATIVITY TRAININGS

Abstract. The problem field of the article is determined by the study of the phenomenon of verbal creativity in the light of game technologies for the diagnosis and development of creative abilities of a linguistic personality. The author proceeds from the postulate that such trainings correspond to the nature of language play as a form of linguocreative thinking based on the actualization of the associative potential of verbal signs. The mechanisms of the language game associated with the conscious violation of the language canon create a zone of linguistic freedom that does not imply an algorithmic, previously known solution to the problem. To organize such trainings, psycholinguistic experiment procedures can be used, which stimulate heuristic possibilities of realizing the potential of language forms and meanings. These procedures reveal the linguistic and creative register of "manipulation" of verbal signs, which is psychologically relevant for each participant. The article describes the trainings of perception and generation of text in a

playful form, developed on the basis of the method of probabilistic forecasting: perception and interpretation of lacunarized text depending on the location of punctuation marks in it; generation of texts based on given letter "sets"; procedure of free interpretation and directed associative experiment as diagnostics and development of the ability of respondents (training participants) to read the emotional-expressive and semantic functionality of particles (with subsequent creation of game texts based on them).

Keywords: verbal creativity, verbal creativity training, experimental methods of psycholinguistic research.

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Gridina Tatyana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and the Russian Language. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

Предварительные замечания

Вербальная креативность – одна из важнейших составляющих языковых способностей личности, определяющая не только результат речевой деятельности, но и собственно «процесс, который приводит к этому результату» [Рубинштейн 1989:133]. Креативное мышление как проявление способности к созданию нового на базе уже существующего основано на ассоциативных механизмах, что применительно к языковой реальности связано с обновлением канонических форм номинации и коммуникации. Психологическим «субстратом» этого процесса является ассоциативный потенциал единиц вербального кода как вся «совокупность реакций, которые они могут вызывать в сознании говорящих – с учетом профессиональных, возрастных, гендерных, социально-статусных и индивидуальных психофизиологических особенностей конкретной языковой личности. При этом в зону ассоциативной динамики, определяющей «бесконечную

интерпретационную валентность» [Лосев 1993] словесного знака, может попадать любой из компонентов его формальной и/или смысловой структуры (от восприятия звуковой оболочки до соотнесения значения с конкретным референтом). Особой формой лингвокреативного мышления, основанного на механизмах актуализации и одновременной ломки, переключения ассоциативных стереотипов порождения, восприятия и употребления языковых знаков, выступает *языковая игра*. Субстанциональная природа данного феномена обращена одновременно к языку и речи, обнаруживая потенциальные аспекты актуализации ассоциативного потенциала вербальных знаков в соответствии с **намеренной интенцией говорящих к нарушению языкового стандарта** (см. подробнее [Гридина 1996]). В игровом лингвокреативном регистре происходит выход говорящего из «зоны языкового принуждения» в «зону языковой свободы» [Ажеж 2003]. В этом отношении показательны, в частности, формы вербальной креативности в онтогенезе – *компенсаторная* (восполняющая лексический дефицит или недостаточность существующих языковых средств для выражения актуальных коммуникативных потребностей ребенка) и *осознанная* креативность (в форме языковой игры – при понимании ребенком условности собственной инновации) [Гридина 2018]. Подчеркнем особо тот факт, что компенсаторная и преднамеренная формы вербальной креативности в основе своей имеют одинаковые механизмы, различаясь лишь преднамеренностью или произвольностью нарушения нормы (в широком смысле этого слова). Спонтанное развитие способности ребенка к языковой игре, имея индивидуальный характер, тем не менее, обнаруживает зависимость данной способности от речевого и языкового базиса личности (в соответствии с возрастными стадиями развития, влиянием речевой среды, особенностями латерального профиля конкретной личности – см. [Доброва 2018, Коновалова 2015]). Данный момент является триггером для организации тренингов вербальной креативности как технологии развития языковых способностей при решении нестандартной задачи в регистре языковой игры. Языковая игра в этом смысле есть

лингвистический эксперимент, нарушающий «границы дозволенного» [Норман 2013] и в то же время открывающий не реализованный языком потенциал. Операциональную основу успешной интеракции коммуникантов в данном случае составляет способность адресанта к моделированию нестандартного ассоциативного контекста игровой трансформы и способность адресата к ее декодированию в соотношении с опознанным прототипом. Таким образом, игровой «консенсус» достигается с учетом взаимообратимости процессов порождения и восприятия «игремы» (термин наш. – *Т.Г.*) при конгруэнтности когнитивного базиса и лингвистической компетенции адресата и адресанта, достаточной для дешифровки игрового кода.

Языковая игра как тренинговая процедура предполагает **погружение ее участников в ситуацию эксперимента с языковыми знаками при отсутствии заданного алгоритма выполнения нестандартной задачи.** Соответственно для организации таких тренингов могут быть использованы процедуры психолингвистического эксперимента, которые стимулируют эвристические возможности реализации потенциала языковых форм и значений, обнаруживая релевантный для каждого участника лингвокреативный регистр.

Экспериментальный психолингвистический ресурс организации тренингов вербальной креативности.

Современная психолингвистика располагает целым арсеналом методов и методик, которые могут быть адаптированы к задачам развития лингвокреативных способностей личности. Сущность психолингвистических экспериментов любого типа состоит в их ориентации на показания языкового сознания респондентов и верификации модели языковой способности [Леонтьев 1999] как отраженной в сознании говорящих операциональной системы использования языка. Методологическое сходство психолингвистических и тренинговых технологий лежит в области их эвристической сущности, проявляя разные аспекты уникальности языковой личности.

Организация тренинга креативности предполагает создание ситуации, требующей от участников принятия нестандартных решений. И в этом отношении экспериментальные методики оказываются весьма продуктивным способом вовлечения респондентов в креативный процесс. Так, свободный и направленный ассоциативные эксперименты позволяют создать первичный базис для актуализации формально-смысловых проекций слова-стимула (сам набор получаемых реакций дает возможность диагностировать степень лингвокреативности конкретного респондента по критериям *беглости*, *гибкости*, *оригинальности*, характеризующих его способность к тому или иному виду словесного творчества).

Развитие креативного процесса в рамках тренинга (в том числе тренинга языковых способностей) предполагает ряд этапов, первым из которых является *преодоление фрустрации* (при осознании субъектом невозможности выполнения творческого задания привычными, известными ему из речевой практики способами). Наступающий после фрустрации *этап инкубации* (временного отвлечения от проблемы и спонтанного погружения респондента в поток подсознательной «ревизии» собственного перцептивного опыта) обнаруживает возможности соединения логики левополушарного мышления и образного, гештальтного кода правого полушария. Наступающий после этапа инкубации *инсайт* (внезапно «всплывающий» ответ) фиксирует момент «ломки», «переключения» ассоциативных стереотипов первичного восприятия вербального стимула. *Разработка найденной креативной идеи* «запускает» данный процесс по кругу, возвращая участника тренинга к решению поставленной задачи на уже новом, «продвинутом» уровне. Таким образом, главный принцип тренинга состоит в организации креативной среды, пребывая в которой – при переходе от простого к более сложному уровню предъявления вариантов выполняемого задания, участники реализуют свой личностный потенциал в области владения языком и экспериментирования с вербальными знаками. Основные критерии креативности (*беглость*, *гибкость*, *оригинальность*) соотносятся в предлагаемом тренинге с определенными типами

(видами) языковых способностей, диагностируемых и развиваемых в регистре языковой игры. В числе факторов, которые могут способствовать проявлениям лингвокреативности при решении нестандартной задачи, учитываются такие, как «особенности памяти, характер вербального прогнозирования, быстрота реакций, фонетический слух, способность к переносу языковых элементов, ... уровень речевого развития, грамматическое чутье, способность устанавливать языковые закономерности» [Кабардов 2013: 127]. При этом в соответствии с психолингвистической направленностью тренинговых процедур «...основное внимание уделяется экспериментальной разработке проблемы избирательности (индивидуальной предпочтительности) в отношении языковых и речевых явлений, лежащей в основе индивидуальных стратегий освоения действительности» [Там же: 127].

Продемонстрируем в свете сказанного некоторые игровые тренинговые технологии в области текстопорождения и текстовосприятия.

Тренинг «Рецепция и порождение текста»

Цель данного тренинга заключалась в актуализации (диагностике и стимулировании) аспектов вариативной интерпретации текста и обработке процедур текстопорождения в игровом ключе.

За основу разработки тренинговых процедур был взят *метод вероятностного прогнозирования* (включающий в себя две методики – завершение / «дистраивание» высказывания по его началу и восстановление намеренно лакунаризованного текста). В основе этого метода лежит теоретический постулат об известной предсказуемости рецепции (смысловой интерпретации) и продуцирования текста в опоре на закон семантического согласования звеньев речевой цепи и закрепленные в сознании говорящих типовые контексты употребления словесных знаков, соотносительные с актуальными для индивидуумов представлениями о предмете речи и внеязыковой ситуации.

Процедура проведения тренинга включала в себя несколько этапов.

На первом этапе тренинга была использована технология «восстановления» (произвольной расстановки) исключенных из текста знаков препинания в соответствии с пониманием его смысла респондентами.

Исходные постулаты:

А. Процессы текстопорождения и текстовосприятия в известной степени взаимообратимы, но нетождественны.

Б. Членение текста на значимые сегменты в процессе текстопорождения и в процессе текстовосприятия может не совпадать.

В. Характер членения текста на смысловые сегменты отражает его интерпретацию адресатом.

Г. Понимание текста опирается на внетекстовые и собственно текстовые пресуппозиции, культурный фон говорящего и т.п.

В качестве задания участникам тренинга (студентам-филологам) было предложено расчленить незнакомый текст на смысловые сегменты, расставив в нем знаки препинания. При этом аутентичный текст был представлен в виде последовательности составляющих его фрагментов без знаков препинания (указывалось только, что это стихотворный текст):

*Благодарить благодарить за боль за боль еще важнее
простить обидчика простить он слаб и в страхе ты сильнее
принять скорбящего принять все его скорби и тревоги поднять
упавшего поднять он твой собрат один из многих благословить
благословить и проклинающих их тоже любить жестокий мир
любить его спасти любовь лишь может...*

Данная тренинговая процедура рассматривалась одновременно как стимуляция рецептивной и продуктивной (текстопорождающей) креативности респондентов, связанной с выделением и пунктуационным оформлением смысловых блоков стихотворного текста.

Рассмотрим несколько вариантов «прочтения» и структурирования данного текста, полученных от респондентов:

(1) Благодарить, благодарить за боль, за боль...

Еще важнее простить обидчика,

простить – он слаб, и в страхе ты сильнее!

Принять скорбящего, принять все его

скорби и тревоги, поднять упавшего,

поднять: он твой собрат один из многих.

Благословить, благословить и проклинаящих,

их тоже любить. Жестокий мир!

Любить его, спасти любовь лишь может...

Комментарий. Заглавные буквы и знаки препинания (здесь и далее) фиксируют начало каждого смыслового фрагмента, определяя членение текста с позиций респондента. В расстановке знаков препинания в целом реализована стратегия градационного акцентирования глаголов, которые несут в себе лейтмотив снисхождения к слабому и спасения жестокого мира и всех скорбящих любовью. Выделенные предложения маркированы *многоточием* (как выражением неопределенности, раздумья, осмысления сказанного) и *восклицательными знаками* (как выражением эмоциональной оценки и присоединения к авторскому послы). Ключевой текстовый фрагмент «Принять скорбящего...» имеет констатирующую модальность. С помощью *тире* и *двоеточия* респондентом обозначены транслирующие авторскую позицию аргументы (см.: *он слаб...* и *он твой собрат*).

(2) Благодарить... Благодарить за боль,

за боль еще важнее! Простить обидчика,

простить! Он слаб и в страхе, ты сильнее!

Принять скорбящего! Принять все его

скорби и тревоги. Поднять! Упавшего

поднять! Он твой собрат, один из многих!

Благословить! Благословить! И

проклинаящих, их тоже! Любить! Жестокий

мир любить! Его спасти любовь лишь может!

Комментарий. В данном варианте (за исключением первого сегмента, оформленного многоточием, побуждающим к размышлению над заданной темой) пунктуационное членение текста в целом характеризуется выделением парцеллированных

инфинитивных предложений императивной модальности, педалируя идею всепрощения, благословения и любви как спасительной доктрины жизни в жестоком мире. Объясняя такую расстановку знаков препинания, респондент указывает, что при первом прочтении предъявленного текста воспринял его как некий призыв, и, следуя законам жанра, использовал восклицательные знаки, выражающие эмоциональную солидарность с авторской позицией.

(3) Благодарить? Благодарить за боль?

За боль еще важнее? Простить обидчика?

Простить? Он слаб и в страхе?

Ты сильнее!

Принять скорбящего!

Принять все его скорби и тревоги!

Поднять упавшего, поднять:

он твой собрат, один из многих.

Благословить! Благословить и проклинающих?

Их тоже? Любить жестокий мир?

– Любить! Его спасти любовь лишь может...

Комментарий. Респондент реализует стратегию саморефлексии, ставя себя на место того, кто должен проявить милосердие одновременно и к слабым, и к обидчикам, сильным мира сего. Оценочные акценты выражены в соотношении вопросительных (выражающих, скорее, несогласие) и восклицательных (выражающих согласие, поддерживающих позицию автора) предложенческих сегментов членения текста. Такой тип рецепции текста соотносится с психологическим феноменом «инфиксации» – проекции восприятия текста в применении к собственному опыту и ценностным установкам.

(4) – Благодарить. /– Благодарить? За боль? / – За боль – еще важнее. / – Простить обидчика?! / – Простить: он слаб и в страхе – ты сильнее. / – Принять скорбящего?/ – Принять – все его скорби и тревоги. / – Поднять упавшего? / – Поднять: он твой собрат, один из многих. /– Благословить? /– Благословить! /– И проклинающих?! /– Их тоже! Любить жестокий мир... /– Любить?!/ – Его спасти любовь лишь может.

Комментарий. Респондентом использована диалоговая форма членения текста в виде вопросно-ответных реплик, последовательно развивающих аргументацию идеи спасения жестокого мира любовью перед лицом сомневающегося в таком выборе адресата. По форме данная версия членения текста ближе всего к авторской. Однако в исходном тексте этот диалог имеет «внутренний» характер, он обращен автором к самому себе, а не к собеседнику.

Ср. аутентичный авторский текст:

Благодарить? – Благодарить.

За боль? – За боль – еще важнее.

Простить обидчика? – Простить.

Он – слаб. И в страхе. Ты – сильнее.

Принять скорбящего? – Принять.

Все его скорби и тревоги.

Поднять упавшего? – Поднять.

Он твой собрат. Один из многих.

Благословить? – Благословить.

И проклинающих? – Их тоже.

Любить жестокий мир? – Любить.

Его спасти

Любовь

лишь

может... (Елена Туркка)

Рецепция данного текста в соотношении с авторским оригиналом обнаруживает индивидуальные аспекты его интерпретации, проявляя смыслопорождающий и экспрессивный потенциал пунктуационного оформления речи.

Восприятие и понимание текста участниками тренинга демонстрирует также стратегии лево- и правополушарного мышления: *конвергентную* и *дивергентную*. Первая характеризуется последовательной логической детализацией (разработкой) заданной темы, вторая – комбинированием текстового гештальта из разнонаправленных «пучков» ассоциаций на заданный стимул. Так, в приведенных примерах конвергентная, однонаправленная экспликация смыслового членения текста представлена вариантом (1), логически

развивающим тему через выделение ее аспектов; правополушарная стратегия представлена вариантом (2), где эмоционально эксплицирована императивная модальность в жанре призыва, и вариантами (3) и (4), где идея гештальтно подана в виде антитезы: чередования вопросительных и восклицательных предложений (выражающих неприятие, сомнение или эмоционально маркированное согласие с авторской позицией).

Проведенный тренинг был направлен на актуализацию способности респондентов к обнаружению версий смысловой интерпретации и «сборки» текста с учетом потенциальных возможностей варьирования его синтаксической структуры. Эта способность содержит в себе лингвокреативный потенциал не только текстовосприятия, но и текстопорождения (в том числе необходимый для создания игрового текста).

На втором этапе в качестве текстопорождающей тренинговой процедуры с **выходом в игровой регистр** был применен адаптированный вариант методики завершения (дополнения) высказывания с использованием **абстрактных буквенных последовательностей**, которые выступали стимульным материалом для создания предложений из произвольно подобранных слов на соответствующую букву.

В основе данной тренинговой технологии лежит идея предречевой заданности будущего высказывания [Караулов.1999] и возможности «запечатления» информации в буквенном коде (см. [Жинкин 1999]), который при «перевode» в высказывание может провоцировать ассоциации с определенным лексическим континуумом и выбор грамматической формы слов той или иной части речи. Соответственно описанная тренинговая процедура позволяет диагностировать количество и разнообразие вербальных реакций на соответствующий буквенный стимул, а также способность респондентов к созданию осмысленных предложений и текстов на их основе – с оценкой по критерию стереотипности или оригинальности. Задания, предлагаемые участникам тренинга на данном этапе, имеют характер

постепенного усложнения, стимулируя лингвокреативный поиск решения в вероятностном экспериментальном режиме.

Задание 1. Нужно придумать предложения из 4-х слов по заданному буквенному набору – **НДОП**: последовательность букв = последовательности слов на эти буквы в предложении.

При выполнении данного задания (несмотря на отсутствие тематических и частеречных ограничений в выборе слов на соответствующую букву) выявляются некие прогнозируемые ассоциативные стереотипы как в лексическом наполнении, так и в синтаксической структуре продуцируемых участниками тренинга предложений. В частности, одинаковые ассоциаты на предложенную последовательность буквенных стимулов проявляются и у разных респондентов, и у одного и того же респондента, повторяясь в целом ряде порождаемых высказываний. Стереотипными, наиболее частотными вероятностными ассоциатами на первый буквенный стимул **Н** являются слова *новый, наш, надо/нужно*, предлог *на*, отрицательная частица *не*, личные имена собственные; на букву **Д** – словоформы глагола *думать*, существительное *дом*, предлог *до*; **О** чаще всего ассоциируется с наречием *очень* и предлогом *о*; **П** в заданной последовательности буквенных стимулов ассоциируется со словами разных частей речи, достраивающими предикативную основу или занимающими позиции второстепенных членов предложения. Ср., например, следующий ряд полученных от респондентов предложений: *Новый* (вариант – *наш*) *дом очень прочный / Надежда думала о празднике / Не думай о прошлом / На дело он пошел / Надо до осени подождать* и т.п.

В качестве нестандартных (оригинальных) решений поставленной задачи нами выделены два предложения, первое из которых представляет собой игровую имитацию рекламного слогана, второе – имеет характер метафорической сентенции, иронически обыгрывающей тему «остывающего любовного чувства». *Нашел деньги – отдай прохожему / Нежность должна остывать постепенно.*

Задание 2. Из той же совокупности букв **НДОП** предлагается составить ряд предложений, образующих связный

текст; при этом число слов в каждом предложении не ограничивается, не регламентируется: НДОПНДОПНДОП ... (**границы между сегментами текста устанавливаются самими респондентами произвольно**). Кроме того, вводится жанрообразующий параметр создания текста – реклама, сказка, программа телепередач, меню и др. (по выбору респондента). Это усложняющее задачу «условие» стимулирует участников тренинга к использованию лингвокреативной техники речепорождения.

Для примера приведем вариант креативного текста, в котором реализован имитативный принцип языковой игры с использованием экспрессивного стилистического регистра молодежного сленга и рекламных клише.

НОВЫЕ духи «ОТОРВИСЬ!». Переверни надоевший до оскомины порядок. Надо думать о престиже на другой основе. Проверь на деле ощущение полета. Насладись духами «Оторвись!». Покупай новый дорогой образ.

Задание 3 (повышенной сложности). Создать текст по заданному набору букв, соблюдая предложенное пунктуационное членение: НД. ОПН – Д, О, П. Н Д О П Н Д О. ПНДО. ПНДОП. Н, Д! ОП! Н?! ДОП. НДОПНДОП!

Участникам тренинга (в числе одного из возможных вариантов) предлагалась написать шутивную инструкцию на тему: «Как запустить креативный речемыслительный процесс». Ср. удачный пример продуцирования такого текста, созданного студентом-филологом:

НАДО ДУМАТЬ! Очень просто нить – думать, однако, посложнее. Не делай отчаянных попыток найти детский ответ. Попробуй непонятное декодировать оригинально. Представь неожиданный дивергентный образ пространства. Ну, давай! Очень постарайся! Нашел?! Дополняй образ подробностями. Неординарность дерзким очень помогает над дуболомьем одержать победу.

Приведенный текст в полной мере соответствует представлениям о ходе креативного процесса, сложившемся у респондента в процессе выполнения прокомментированных выше тренинговых процедур. И это одно из свидетельств

постепенного приращения индекса креативности при последовательном усложнении заданий и введении жанровой специализации продуцируемого текста в виде игровой установки.

Описанные тренинговые процедуры могут служить исходным моментом вовлечения его участников в процесс рефлексии над структурно-смысловой организацией текста и креативным процессом его восприятия и порождения.

Особым типом диагностики и актуализации вербальной креативности выступает **тренинговая технология порождения игрового текста**.

К параметрам, позволяющими квалифицировать текст как игровой (в том числе создаваемый в тренинговом режиме) мы относим:

1) игровую установку, предполагающую осознание условности моделируемой текстовой реальности;

2) использование техники языковой игры как некоего основополагающего, сюжетообразующего начала, исключение которого из текста приводит к его «аннигиляции».

В качестве примера приведем разработанную нами процедуру такого тренинга с использованием адаптированных психолингвистических методик *направленного ассоциирования, свободного толкования и вероятностного прогнозирования*. Предлагаемый комплекс тренинговых заданий ориентирован на проявление респондентами «спонтанной семантической гибкости» как одного из важных критериев креативности, способствующих «продуцированию разнообразных идей в относительно не ограниченной ситуации» [Трик 1981] и актуализации разномодальных оттенков смысла и оценочных коннотаций передаваемого сообщения.

Цель тренинга состояла в диагностике и стимуляции способности респондентов к использованию **эмоционально-экспрессивного и семантического функционала частиц** как особого типа дискурсивных слов, проявляющих текстовую компетенцию говорящих.

Стимульный материал был представлен набором частиц русского языка, класс которых используется в функции

формообразования и/или выражения разнообразных коммуникативных характеристик сообщения (отношения/отнесённости действия, состояния либо целого сообщения к действительности, отношения говорящего к сообщаемому). Участникам тренинга (студентам-филологам) предъявлялись частицы разных разрядов (как формообразующие, так и модальные): **отрицательные** (*не, нет, вовсе не, далеко не, отнюдь не, никак*); **вопросительные** (*ли, неужели, разве*); **указательные** (*вон, вот*); **уточняющие** (*именно, как раз, прямо, точь-в-точь*); **выделительные и ограничительные** (*только, лишь, исключительно, почти что, единственно*); **восклицательные** (*что за, как*); **усилительные** (*даже, ни, же, ведь, уж, все-таки, всё*); **выражающие сомнение** (*вряд ли, едва ли*), **побудительные** (*давай/те, да, пусть, пускай*) и др. Априори принималось допущение, что модальные (оценочные, экспрессивные) значения в том или ином виде присутствуют в частицах всех разрядов.

За основу разработки тренинговых процедур был взят постулат, согласно которому за формальной структурой частиц, имеющих типовую грамматическую семантику, скрывается ассоциативный шлейф разнообразных индивидуальных смыслов, психологически релевантных для конкретных носителей языка.

На первом этапе тренинга в качестве игрового задания респондентам предлагалось представить, что стимульные слова – это имена (или прозвища) одушевленных персонажей; следовало дать краткую характеристику каждому из них (обозначив доминирующую черту характера, возможную профессию, возраст, привычки, особенности внешности). Предполагалось, что такая установка, связанная с введением возможных векторов описания свойств потенциального носителя имени, должна актуализировать семантику и ассоциативный потенциал лежащих в его основе частиц, обычно обнаруживаемый в коммуникативном контексте их употребления.

Приведем избирательно некоторые полученные от респондентов наиболее показательные примеры корреляций

значения частиц и их употребления в функции имени/прозвища: **НЕ** – безработный: не может никуда устроиться из-за собственных завышенных амбиций / конфликтная гардеробщица / нигилист **Базаров**; **ВСЕ-ТАКИ** – упрямец, не признающий ничьей правоты / **Коперник** / житель города **Всётаковск**; **ВСЁ** (БОЛЬШЕ, МЕНЬШЕ) – политик, рвущийся к власти на очередной срок; **ВРЯД ЛИ** – пессимист / **Хомо Сомнициенс**; **ДАВАЙТЕ** – инициативная оптимистка, все делает с большим энтузиазмом / преподаватель, у которого это любимое слово в диалоге со студентами / агитатор на выборах; **ПУСТЬ** – добрая бабушка, балующая своих внуков / начальник-бюрократ, издающий многочисленные указы / писатель-фантаст / человек-мечтатель; **НЕУЖЕЛИ** – непризнанный ученый, случайно совершивший открытие / писатель, последователь **Чернышевского**; **РАЗВЕ** – **Фома неверующий** / физик-испытатель / подозрительный человек; **ВОТ УЖ НЕТ** – кондукторша, которая борется с безбилетниками / отличник, который не дает списать / принципиальный судья; **ИМЕННО** – опытный врач-диагност, категоричен, не «щадит» чувства пациента; **КАК РАЗ** – аптекарь-фармацевт / человек, который никогда не опаздывает / врач скорой помощи / пожарник / «...ученый малый, но педант»; **НИ** – аскет-отшельник / китайский философ / человек «ни рыба ни мясо»; **ЖЕ** – адвокат / искусный оратор / резонер, педант, прав: его любимая фраза «Я же говорил!!!».

Практически все приведенные толкования частиц в роли имен / прозвищ получают заданную самой процедурой свободного толкования актуальную для респондентов оценочную экспликацию типовой семантики частиц в игровом ключе. Заметим, что среди приведенных ассоциатов представлены разного рода прецеденты – ономастические, фразеологические, цитатные. Отдельно выделим креативную цепочку ассоциатов на частицу **все-таки**, содержащую модальность утверждения (ср. характеристику упрямец через отсылку к имени *Коперник* и его знаменитой фразе «*А все-таки она вертится*»), и на частицу **вряд ли**, модальность которой

транслирована игровой трансформой **Хомо Сомнициенс** (ср. легко опознаваемый прототип *Homo sapiens*, частично модифицированный по сближению с созвучным мотиватором *сомнение* как способом характеристики пессимиста, ни во что хорошее не верящего).

На **втором этапе** применялась «игровая трениговая методика создания поля креативных номинаций» от самих стимульных слов или их ассоциатов: название места пребывания персонажа (страны, города, дома, улицы, планеты), рода деятельности, увлечений, болезней и лекарств от них, денежных средств, любых других атрибутов жизни персонажа, особенностей языка и т.п.

Например, **РАЗВЕ, НЕУЖЕЛИ** – жители села **УДИВЛЯЕВО**; **КАК БЫ, ВРЯД ЛИ** – жители деревни **СОМНИЛОВКА** и т.п.

Выходом в сферу речепорождения на данном этапе становится **толкование предложенных инноваций и создание текста на их основе**.

Например: **Всётаковцы** – жители города **Всётаковск**. В городе есть специальная школа **всётакилогии**, в которой **всётакитят** учат не пасовать перед любыми жизненными трудностями, избавляться от таких недостатков, как **всётакизнайство**, **всётакинедолюбие**, всемерно развивать знание их богатого **всётакиславянского** языка. (См. более подробное описание тренинга данного типа в [Гридина 2014, с.40-43]). В ходе описанной процедуры наблюдается сюжетно обусловленное «приращение» дериватов от стимульного слова.

На **третьем этапе** респондентам предлагалось создать игровой текст в любой жанровой форме с использованием выборочного набора частиц, интерпретированных как личные имена собственные на первом и втором этапах тренинга. При этом была дана установка использовать по возможности все слова из предложенного списка (при произвольной последовательности их комбинирования, распространения и предъявления в тексте).

Полученные результаты показывают, что заданная условиями тренинга игровая доминанта текстопорождения

(использование частиц в функции характеристических личных имен) выявляет как типовые, так и индивидуальные оценочно-смысловые модальности единиц данного грамматического класса. Приведем четыре показательных в этом отношении текста.

(1) На научном диспуте схлестнулись оппоненты **НЕУЖЕЛИ** и **РАЗВЕ**. **НЕУЖЕЛИ** приводил доводы, опираясь на концепцию **ДАЛЕКО НЕ**. **РАЗВЕ** не соглашался, пытаясь перетянуть на свою сторону пассивных слушателей **НИКАК** и **ВОВСЕ НЕ**. Решительную точку в разгоревшейся дискуссии вовремя поставил заслуженный академик **КАК РАЗ**, горячо поддержанный аспирантом **ИМЕННО ТАК**.

(2) **ВЕДЬ** и **ЛИШЬ** – братья, старший **ВЕДЬ** – упрямец, всегда настаивающий не своём, младший **ЛИШЬ** – только ему во всем подражает. **НЕУЖЕЛИ** и **ВРЯД ЛИ** – их родители, озабоченные выбором правильной стратегии воспитания своих чад. **ПУСТЬ** – дедушка, балующий внуков. **УЖ ВОВСЕ НЕ** – их дядя, сторонник японской системы воспитания, где детям до определенного возраста не ставят никаких запретов. Его жена **КАК РАЗ ИМЕННО** не поддерживает эту позицию, считая, что детям, **еще как бы** маленьким, **ни** в коем случае, **даже** при большой к ним любви, нельзя давать полной свободы. **Так и** не могут родственники между собой договориться.

(3) **НЕУЖЕЛИ** родился в селе **Вопрошаево**. Его дедушка, большой фантазер, часто рассказывал внуку о неведомой стране **ДАЛЕКО НЕ**, где правила **КАК БЫ** и **ВРЯД ЛИ**. Здесь могли исполняться любые желания, но прежде нужно было пройти испытание. Местные мудрецы **ПУСКАЙ**, **КАК РАЗ** и **ИМЕННО** задавали пришедшим хитроумные вопросы. Ответить на них пробовали многие **вопрошаевцы**: философы **ЛИБО**, **НИБУДЬ**, **КОЕ**; учителя **ВЕДЬ**, **ДАЖЕ**; путешественники **ВОТ ЖЕ**, **ЛИШЬ ТОЛЬКО**. Ходила легенда о некоем гениальном математике **ПОЧТИ ЧТО**, который был близок к разгадке, однако главный судья **ВСЕ-ТАКИ** не принял его не вполне точный ответ. Но есть к чему стремиться: придут новые **ЕЩЕ НЕ**, **ДАВАЙТЕ**, **ДА БУДЕТ!!!**

(4) В галактической системе ЧАСТИЦ царит строгая социальная иерархия: железные правила поведения подданных устанавливаются элитарной верхушкой во главе с диктатором **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ТАК** и его сателлитами **ИМЕННО, КАК РАЗ, ПУСТЬ**. Есть, однако, в этом сообществе группы оппозиционеров: **НЕ, ВОВСЕ НЕ, ОТНЮДЬ НЕ, НЕТ**, которые всё отрицают; группа сомневающихся **ЛИБО, НИБУДЬ, КОЕ** и группа, призывающая к решительным действиям **ПУСКАЙ, НУ ДАВАЙТЕ, ДА БУДЕТ!**

Приведенные тексты демонстрируют тот факт, что актуализация значений частиц в игровом ключе сопряжена с опорой респондентов на типовые контексты и ситуации их употребления в речи (что в полной мере соответствует особенностям репрезентации словесных знаков в ассоциативно-вербальной сети и организации ментального лексикона в его предречевой готовности). При этом наряду с ономастически осмысленными частицами респонденты используют и частицы в их прямом значении (см., например, выделенные в тексте (2) частицы типа *еще как бы, ни, даже*).

Создание игрового текста с использованием предложенных тренинговых методик проявляет не только лингвокреативные способности респондентов, но и **ассоциативный потенциал частиц как лексем, нагруженных модальными смыслами**.

Заключение

Методы психолингвистических экспериментов – эффективный ресурс организации тренингов вербальной креативности, позволяющий актуализировать ассоциативные проекции языковых знаков в сознании индивидуума при решении нестандартной задачи в игровом регистре.

В целом игровая интенция стимулирует эвристики, сопряженные с лингвокреативным потенциалом номинации и текстопорождения.

«Эвристический принцип, лежащий в основе восприятия, порождения и усвоения речи» [Леонтьев 1974] определяет необходимость применения текстопорождающих тренинговых

технологий в сочетании с продуктивными экспериментальными технологиями рецепции текста, в том числе игрового.

Литература

Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М., 2003.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.

Гридина Т.А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива-3 / Под общей редакцией Т.А. Гридиной. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – С. 14-75.

Гридина Т.А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре: моногр., 2-е изд., испр. и доп.: - Екатеринбург: Урал. гос. пед ун-т, 2018. – 272 с.

Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2018. – 262 с.

Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. – С. 26-38.

Кабардов М.К. Языковые способности: психология, психофизиология, педагогика. – М.: Смысл, 2013. – 400с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: Ин-т русского языка им. В.В.Виноградова РАН, 1999. – 180 с.

Коновалова Н.И. Ресурсы речевой психодиагностики в образовательном процессе // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 11. – С. 195-202.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 2003.

Леонтьев А.А. Эвристический принцип в восприятии, порождении и усвоении речи // Вопросы психологии. – 1974. – №5. – С.53-62.

Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос /Сост и ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. – М., Флинта, 2023. – 344 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб, 1999.

Трик Х.Е. Основные направления экспериментального измерения творчества // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления/ Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. – М. , 1981

©Гридина Т.А., 2023

Г. Р. ДОБРОВА

г. Санкт-Петербург, Россия

galdobr@peterlink.ru

SPIN-код: 5025-4952

А.А. ЕРЕГИНА

г. Санкт-Петербург, Россия

nastena-eregina@mail.ru

УДК 81'23:811.161.1'373.611

ББК Ш100.6+Ш141.12-20

О ПРОЦЕССЕ ПЕРЕХОДА КОМПЕНСАТОРНОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ В КРЕАТИВНОСТЬ ОСОЗНАННУЮ: НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье на материале обратного словообразования в детской речи анализируется процесс перехода компенсаторной вербальной креативности в креативность осознанную. Обсуждаются общие проблемы, связанные с обратным словообразованием в русском языке; осуществляется попытка доказать, что в речевой деятельности не только детей, но и взрослых носителей языка обратная деривация играет существенно более значимую роль, чем это принято считать. Рассматриваются различные примеры обратного словообразования в спонтанной речи детей. На материале эксперимента (80 детей 4-8 лет) демонстрируется соотношение вербальной креативности компенсаторного и осознанного характера при обратном словообразовании. В результате делается вывод о том, что процесс перехода от компенсаторной к осознанной вербальной креативности происходит постепенно, иногда на протяжении нескольких лет. Проходящее между проявлением компенсаторной вербальной креативности и проявлением осознанной креативности в области словообразования время определяется тем, когда осваивается та или иная конкретная словообразовательная

модель, скорость же этого перехода зависит от индивидуальной языковой способности ребенка. Проявления процесса перехода от компенсаторной к осознанной вербальной креативности – это сначала эксплицирование ребенком сомнений в существовании созданной им языковой единицы, а затем – сознательный отказ от языковой нормы, проявляющийся либо в виде языкового протеста, либо (чаще) в виде шутки, игры со словом.

Ключевые слова: детская речь, развитие речи, лингвокреативность, словообразовательные инновации, обратное словообразование, компенсаторная вербальная креативность, осознанная вербальная креативность.

DOBROVA GALINA R.

Saint Petersburg, Russia

EREGINA ANASTASIA A.

Saint Petersburg, Russia

ON THE PROCESS OF TRANSITION OF COMPENSATORY VERBAL CREATIVITY INTO CONSCIOUS CREATIVITY: ON THE MATERIAL OF REVERSED DERIVATION IN CHILDREN'S SPEECH

Abstract. The article analyzes the process of transition of compensatory verbal creativity into conscious creativity based on the material of reverse word formation in children's speech. The general problems connected with reverse word formation in Russian are discussed; an attempt is being made to prove that in the speech activity of not only children, but also adult native speakers, reverse derivation plays a noticeably more significant role than is commonly believed. Various examples of reverse word formation in children's spontaneous speech are considered. Based on the material of the experiment (80 children aged 4-8 years), the ratio of verbal creativity of a compensatory and conscious nature during reverse word formation is demonstrated. As a result, it is concluded that the process of transition from compensatory to conscious verbal creativity occurs gradually, sometimes over several years. The time between the manifestation of compensatory verbal creativity and the

manifestation of conscious creativity in the field of word formation is determined by the time of mastering a particular word-formation model, while the speed of this transition depends on the individual language ability of the child. Manifestations of the process of transition from compensatory to conscious verbal creativity are first the child's explication of doubts about the existence of the language unit he created, and then a conscious rejection of the language norm, which manifests itself either in the form of a linguistic protest, or (more often) in the form of a joke, a game with a word.

Keywords: child language, language acquisition, language creativity, derivational innovations in child language, reverse word formation, compensatory verbal creativity, conscious verbal creativity

Доброва Галина Радмировна – профессор кафедры языкового и литературного образования ребенка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). Адрес: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки 48
galdobr@peterlink.ru

Dobrova Galina Radmirovna – Professor of the Department of Language and Literary Education. Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia)

Ерегина Анастасия Андреевна – магистрант кафедры языкового и литературного образования ребенка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). Адрес: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки 48
nastena-eregina@mail.ru

Eregina Anastasia Андреевна – undergraduate of the Department of Language and Literary Education. Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia)

В своих трудах Т.А. Гридина выделяет два типа детской вербальной креативности: 1) компенсаторную креативность, которая обусловлена дефицитом языковых средств (ребенок вынужденно создает инновацию, поскольку не знаком еще с узуальным языковым знаком), 2) осознанную креативность, обусловленную желанием пошутить, поиграть со словом (см., например, [Гридина 2018: 14-15]).

В данном исследовании мы попытаемся проследить, как

связаны между собой эти две разновидности детской вербальной креативности, как в ходе речевого онтогенеза первая из них (компенсаторная) постепенно замещается креативностью осознанной.

Данная проблема будет рассмотрена на материале обратного словообразования в детской речи. Обратное словообразование – это явление, при котором слово образуется от другого не путём прибавления словообразовательных аффиксов, а, напротив, путём их устранения. Осуществляется обратная деривация по тем же словообразовательным моделям, что и прямая деривация, однако слово, являющееся результатом деривационного процесса, занимает место не производного слова, а производящего в словообразовательной модели [Цейтлин 2009: 414]. Как отмечает И.С. Улуханов, «всякое соотношение мотивирующего и мотивированного может быть прочитано не только слева направо, но и справа налево, т.е. потенциально может быть моделью для обратного словообразовательного процесса.

Обратный словообразовательный процесс – это окказиональное заполнение пустующей клетки, предназначенной в неполной словообразовательной цепочке для отсутствующего в ней слова» [Улуханов 2008: 39].

Традиционно считается, что в русском языке в узусе обратное словообразование практически не представлено. В качестве исключений (своего рода языковых казусов) всегда рассматриваются буквально два-три примера, когда слова в русском языке возникли в результате обратной деривации. Так, слово «зонт» возникло из нидерландского «zonedoek» («zondek»), где оно имело значение ‘тент’, ‘навес от солнца над палубой корабля’. Когда это слово вошло в русский язык, нидерландское «zonedoek» стало произноситься как «зонтик», в котором финаль была воспринята носителями русского языка как (якобы) суффикс -ик-. Поскольку же суффикс -ик- имеет в русском языке уменьшительно-ласкательное значение, слово «зонтик» воспринималось как обозначение предмета небольшого размера, вследствие чего в русском языке к нему возникла пара для обозначения того же, что названо

мотивирующим словом, но без (кажущегося носителям языка таковым) значения уменьшительности – «зонт». Суффикс в этом случае не прибавляется, а, напротив, отсекается (в данном случае, разумеется, не суффикс, а то, что воспринималось носителями языка как суффикс), т.е. слово «зонт» возникает в результате обратной деривации. Примерно аналогична и судьба слов «фляга» и «дояр» в русском языке – они образовались вследствие обратного словообразования. Такие примеры рассматриваются как своего рода языковые казусы: считается, что обратное словообразование не типично для русского языка.

Однако так ли это? Действительно ли для русского языка процесс обратной деривации нетипичен и представляет собой всего лишь исключение из языковой системы? Мы не стали бы утверждать это столь категорично.

Для того чтобы пояснить свои аргументы, мы предлагаем задуматься над тем, что вообще понимается под словообразованием. Под словообразованием, как известно, традиционно понимают образование в языке производных слов по существующим в языке словообразовательным моделям. В данном и ему подобных определениях ключевым словом является слово «язык» – «в языке», «образование в языке». Однако в таком случае возникает вопрос: чем же тогда словообразование отличается от этимологии? Ведь именно этимология занимается историей происхождения и образования слов в языке, базируется на диахроническом подходе к словам и их происхождению и образованию. Словообразование же, в отличие от этимологии, в принципе основано на синхроническом подходе: слово считается производным, если в языке у него есть производящее (мотивирующее). Так, вряд ли кто-то будет утверждать, что в современном русском языке слово, например, «воздух» мотивируется словом «дух» и образовано префиксальным способом (приставка воз-). В таких случаях, даже если этимология слова достаточно прозрачна (что, кстати, бывает, конечно, не всегда), мы не ищем производящее для таких слов, не считаем их производными в рамках современного русского языка и говорим, что отношения словообразовательной производности не сохранились, т.е. не

относим подобные случаи к словообразованию как синхроническому процессу. Следовательно, для установления факта производности слова мы смотрим не на историю его происхождения/образования (весьма давнюю в одних случаях, и относительно недавнюю – в других, как, например, со словами «зонтик» или «дояр»), а на то, каким словом данное слово мотивируется в современном русском языке. Иными словами, получается, что мы декларируем, что словообразование занимается образованием слов в языке, не говоря при этом прямо о синхроническом подходе, хотя имеем в виду именно синхронический подход (поскольку четко разводим понятие «словообразование» и «этимология»).

Кроме того, для пояснения нашей дальнейшей аргументации нам придется обратиться, как ни парадоксально это звучит, и к понятиям «язык» и «лингвистика». Под языком (как объектом изучения лингвистики) понимается не просто набор языковых знаков, а под лингвистикой – не только раздел науки, изучающий эти языковые знаки. Так, например, когнитивная лингвистика изучает проблемы соотношения языка и сознания; из современной лингвистики уже давно невозможно «выкинуть» человека, его восприятие языка и его речь. Именно на это и хочется обратить внимание – на то, как человек, носитель языка, воспринимает и использует языковые знаки. В частности, имеет смысл задуматься не только над тем, как (с точки зрения диахронического подхода) образовались те или иные слова в русском языке, но и над тем, как носитель языка воспринимает отношения словообразовательной производности в этом языке.

Принято считать, что взрослый человек (в отличие от ребенка) слова почти не конструирует, а извлекает их в готовом виде из ментального лексикона. В известной степени это утверждение справедливо. Между тем, как нам представляется, носители языка (взрослые) много чаще не извлекают слова в готовом виде из ментального лексикона, а конструируют их. К примеру, если для человека (взрослого) актуально слово «фрезеровщик» (применительно к лицу мужского пола), то в случае необходимости обозначения лица женского пола той же профессии, он, естественно, произнесет «фрезеровщица».

Однако откуда этот носитель языка взял данный женский родовой коррелят к существительному «фрезеровщик»? Извлек из ментального лексикона? Или же мгновенно сам сконструировал на основе существующей в языке словообразовательной модели (ср., например, с «старьевщик – старьевщица»)? Разумеется, ответ на это вопрос нельзя дать без серьезных психолингвистических экспериментов, однако косвенные доказательства того, что в случаях нечастотности женского родového коррелята к слову, обозначающему лицо мужского пола, мы его не извлекаем из ментального лексикона, а конструируем, всё же имеются. Так, обратим внимание, что, например, словарь С.И. Ожегова [Ожегов, Шведова 1997] чаще всего не дает отдельных словарных статей для женских родových коррелятов: в словаре нет слов «таксистка», «гитаристка», «велосипедистка» и т.п., хотя мужские родové корреляты этих слов («таксист», «гитарист», «велосипедист») в словаре представлены. Вряд ли причина заключается в том, что во времена С.И. Ожегова не было женщин-таксистов, женщин-гитаристов или женщин-велосипедистов. Скорее всего, причина заключается в другом: эти женские родové корреляты воспринимались (по крайней мере – во времена С.И. Ожегова) как разговорные слова. Видимо, предполагалось, что носитель языка, зная слово «таксист» при необходимости обозначить женщину данной профессии, либо, строго следуя жесткой языковой норме, скажет «женщина – водитель такси» или «женщина-таксист», либо сам в своей разговорной речи просто сконструирует (подчеркнем это слово «skonструирует») женский родовой коррелят. Разумеется, в более современных словарях многие из подобных слов женского рода уже отражаются как отдельные языковые единицы: так, в словаре Т.Ф. Ефремовой [Ефремова 2000] уже есть «гитаристка» или «велосипедистка», но слова «таксистка», кстати, и в словаре Т.Ф. Ефремовой нет. Иными словами, набор женских родových коррелятов к словам, обозначающим лиц мужского пола, в словарях со временем может расширяться, но принцип остается неизменным: носителю языка в подобных случаях предлагается либо воспользоваться словом, обозначающим лицо мужского

пола, и добавить к нему с помощью лексических средств некое обозначение женскости, либо – при необходимости – самому сконструировать этот женский родовой коррелят. Таким образом, представляется, что даже составители словарей предполагают, что при необходимости носитель языка и сам «доконструирует» нужное ему слово. Не говорим уже о таких (возникающих в последние годы) словах, как «актерка» или «режиссерка»: представляется, что эти слова пока еще не являются фактами языка, но, будучи продуктом изначально окказионального словообразования, они могут в дальнейшем войти в язык (а могут и не войти, но это уже другой вопрос).

Следовательно, словообразование – это живой процесс, и ограничиваться при анализе лишь тем, что является бесспорным фактом собственно языка, не затрагивая проблемы речи, вряд ли целесообразно. Не случайно, кстати, что, например, в «Русской грамматике» [Русская грамматика 1980] на многие словообразовательные модели приводятся примеры не только языковых (устоявшихся) единиц, но и примеры авторских окказионализмов.

Нечто подобное можно наблюдать и в отношении обратного словообразования. Начнем с примера, который мы фиксировали в «докомпьютерную» эпоху, когда тексты печатали машинистки. У нас был один знакомый, который профессионально занимался именно этим видом деятельности – печатал тексты на машинке. И нам неоднократно приходилось обращать внимание, что клиенты не понимали, как следует называть этого человека: ведь слово «машинист» явно не является мужским родовым коррелятом к существительному «машинистка», а обозначает лицо совсем иной профессии. Почему же носители языка выражали недоумение, почему они вообще пытались назвать этого человека машинистом (и понимали, что это слово не подходит)? Именно потому, что пытались образовать мужской родовой коррелят с помощью обратного словообразования. А почему они это делали? Скорее всего, потому, что на самом деле мы пользуемся не только прямым, но и обратным словообразованием гораздо чаще, чем это принято считать. Человеку проще и быстрее не извлекать

слово из ментального лексикона, если оно само быстро не актуализируется, а сконструировать его по существующим в языке моделям – пусть и направив процесс словообразования в обратную сторону, как бы переставив местами производящее и производное. Однако (в отличие от детей, о чем речь пойдет далее) у взрослых носителей языка при самостоятельном конструировании слова включается механизм контроля – взрослый, произнося сконструированное им слово, как бы сверяет его с нормой, которая ему, взрослому, известна. Именно поэтому ни один человек не назвал упоминавшегося выше профессионально печатавшего на машинке мужчину машинистом: благодаря знанию человеком нормы, включался контроль, и носитель языка понимал, что в норме слово «машинист» обозначает лицо совсем другой профессии.

Можно рассмотреть и другие примеры обратного словообразования в современном русском языке. Например, слово «лягуха». Это слово для обозначения лягушки используется в некоторых диалектах русского языка, но обратим внимание не на местные особенности лексикона, а на случаи, когда это «лягуха» произносят люди, не являющиеся носителями какого-то диалекта. Они произносят «лягуха» обычно для обозначения лягушки большого размера (*Смотри, какая лягуха огромная), создавая окказиональную оппозицию по аналогии с примерами типа «рука – (маленькая) ручка», распространяя область использования суффикса -к- для обозначения предмета небольшой величины на употребленные в качестве производящих слова с суффиксом -ух-, которые обычно не имеют такой пары с суффиксом -к-. Интересно отметить, что в разговорной речи постоянно встречаются такие примеры обратного словообразования от слов с суффиксом -ушк- (от которого отбрасывается элемент – как бы суффикс -к-): от грибников можно услышать, что они нашли огромную зеленуху (от названия гриба «зеленушка»), при покупке ребенку большой погремушки можно услышать, как взрослые говорят об огромной погремухе, говоря о двухкомнатной квартире большого размера могут сказать об огромной «двухе» (от разговорного «двушка») и т.п.

Таким образом, по-видимому, можно констатировать следующее: если мы говорим о том, как образовывались в языке слова, то следует признать, что обратное словообразование играло в русском языке достаточно скромную роль; однако если говорить о месте обратного словообразования в речевой деятельности носителей русского языка, то придется признать, что оно играет достаточно важную роль. Недаром, кстати, в приведенной в начале статьи цитате из работы одного из самых авторитетных отечественных специалистов в области словообразования И.С.Улуханова говорится о потенциальной возможности «прочтения» любого соотношения производящего и производного не только слева направо, но и справа налево, т.е. о наличии потенциальной возможности для любого такого соотношения стать моделью для обратного словообразовательного процесса. При этом И.С. Улуханов подчеркивает, что обратное словообразование приводит к заполнению пустующих клеток (абсолютных лакун), мы же подчеркнем, что в процессе речевой деятельности носители языка обращаются к обратному словообразованию не только для заполнения абсолютных лакун (см. приведенные выше примеры типа «лягуха», «зеленуха» и т.п.), но и, по-видимому, для индивидуальной «реконструкции» существующего в языке, но по какой-то причине быстро не актуализировавшегося слова – «законного владельца» этой клетки. Так, если мы слышим какое-то производное слово и нам надо извлечь из ментального лексикона его производящее, которое по какой-то причине (например, из-за его меньшей частотности) само по себе быстро не извлекается, мы нередко прибегаем к обратному конструированию. Например, мы обсуждаем, кто является в учреждении табельщицей, и выясняется, что это человек – мужчина; в таком случае мы вовсе не обязательно должны извлекать из ментального лексикона слово «табельщик» (скорее всего, менее частотное, чем «табельщица»), мы можем его просто быстро сконструировать за счет обратной деривации. То, что на самом деле мы действительно совсем не редко прибегаем к обратному словообразованию, могут доказать и оговорки. Так, недавно нам пришлось услышать рекомендацию взрослого

ребенку заглянуть в салфетницу и взять там «салфету», после чего взрослый быстро поправился – «то есть салфетку». Используя слово «салфетница» (не отраженное, кстати, в словарях, но нередко звучащее в разговорной речи), взрослый явно воспользовался им как производящим, образовав от него в качестве производного «салфета», но знание нормы («салфетка») заставило его быстро исправить свою ошибку, назвав соответствующее узусу слово «салфетка». Такие примеры демонстрируют, как в реальности действует обратное словообразование в речевой деятельности взрослого носителя языка.

Что же касается обратного словообразования в детской речи, то начнем с того, что в этом случае мы говорим именно о речевой деятельности (детей). Свою речевую деятельность ребенок реализует) благодаря знакомству с речевой деятельностью взрослых, б) в виде самостоятельных речевых действий, в том числе конструирования, возникающих на основе потребности осуществлять речевую коммуникацию. Соответственно, нет никаких преград для того, чтобы ребенок использовал обратное словообразование при конструировании слов: в языке имеется потенциальная возможность обратного словообразования, и взрослые, как отмечалось выше, в своей речевой деятельности тоже им пользуются.

Действительно, обратное словообразование в детской речи достаточно распространено. Об этом явлении много писала в своих работах, например, С.Н. Цейтлин [Цейтлин 1978, 2009, 2013 и т.д.]. Как и в случаях прямого словообразования, мы замечаем, что ребенок не воспользовался готовой языковой единицей, а самостоятельно ее сконструировал, лишь в тех случаях, когда он не «попал в точку», т.е. когда он произнес такое слово, которого в языке нет, создал словообразовательную инновацию. Наверняка в реальности дети прибегают к обратному словообразованию гораздо чаще, чем мы это фиксируем, мы просто не замечаем этого в очень многих случаях.

Известна масса примеров детских словообразовательных инноваций, созданных с помощью обратного словообразования

(«*бела» вместо «белка», «*ложа» вместо «ложка», «*льзя» от «нельзя» вместо «можно», «*сучить» вместо «засучивать» от «засучить», «*драть» от «драться» вместо «бить» и т.д. – все эти примеры взяты из многочисленных работ С.Н. Цейтлин). Отметим, что обилие таких инноваций в детской речи, в отличие от речи взрослых, обусловлено тем, что взрослый, в силу своего речевого опыта, не должен конструировать слова столь часто, как это делает ребенок: имея гораздо больший, чем у ребенка, речевой запас, взрослый просто чаще, чем ребенок, извлекает готовую единицу из своего ментального лексикона. Однако есть и еще одна причина. В силу опять же своего речевого опыта и гораздо лучшего, чем у ребенка, знания языковой нормы, взрослый, даже (возможно) мысленно образовав некое слово, подвергает его контролю и не станет его произносить, если это образованное им слово не совпало с существующим в норме. Т.е. взрослый, даже если и создал инновацию (например, на основе обратного словообразования), как бы сверяет ее с нормой и чаще всего не «выпускает ее наружу», а если по случайности и произнес это не соответствующее норме слово вслух, быстро поправляет себя (оговорки, о которых речь шла выше).

Ребенок же норму не знает, поэтому ничто не мешает ему озвучить окказиональное производное слово, образованное, в частности, за счет обратной деривации.

В детской речи обычно выделяют такие виды обратного словообразования, как депрефиксация, десуффиксация, депостфиксация и реадвербиализация (последнее – достаточно редкое явление, поэтому далее будем говорить только о первых трех видах обратного словообразования в детской речи). Т.А.Гридина выделяет еще дефлексию (см., например, ее трактовку детских инноваций типа «*шуб» о шубе мальчика – в отличие от шубы девочки, «*дядь» вместо «дядя» для маркирования того, что речь идет о лице мужского пола, «белк» о самце белки [Гридина 2012]). Мы же скорее склонны считать это разновидностью десуффиксации: если считать, что в словообразовательной модели типа кум – кума. супруг – супруга и т.п. имеет место нулевая суффиксация (именно такую

трактовку см., например, в параграфе 467 Русской грамматики [Русская грамматика 1980]), то в случаях типа «*шуб» от «шуба» имеет место десуффиксация с отбрасыванием (воспринимаемого ребенком как такового) нулевого суффикса. Впрочем, разница в подходах к трактовке подобных примеров имеет скорее чисто «академическое» значение, поскольку никак не влияет на факт признания таких примеров детского словотворчества разновидностью обратного словообразования.

В данном исследовании нас интересует вопрос о том, насколько образование словообразовательных окказионализмов детьми относится к компенсаторной креативности и насколько – к осознанной. Как пишет Т.А. Гридина (о детском словообразовании вообще), «...важно разграничивать случаи, когда отступление от языкового канона происходит *стихийно, непреднамеренно* (из-за незнания нормы или из-за «недостаточности» существующих в языке слов для выражения актуального для ребенка содержания), и те случаи, когда ребенок *осознанно* идет «в обход» нормы, производя своего рода лингвистический эксперимент с целью пошутить, поиграть с языковой формой и значением (понимая, что созданные им слова или значения не существуют в языке взрослых)» [Гридина 2003: 48-49]. К последнему (к осознанной креативности), кроме цели пошутить, мы бы, кстати, добавили и еще одну цель – выразить языковой протест против отсутствия в языке соответствующей языковой единицы, например: «Она теперь не настольная, а настульная» – о лампе, которую переставили со стола на стул [Детские словообразовательные инновации 1986: 36]. Разумеется в этом и подобных случаях достаточно сложно разграничить, когда у ребенка цель – пошутить, а когда цель – выразить протест против отсутствия в языке соответствующей единицы (доказательством может служить разве что смех, улыбка ребенка, сопровождающие высказывание, но они отнюдь не всегда фиксируются теми, кто записывает детские примеры), хотя в некоторых случаях превалирование не шутки, а именно языкового протеста достаточно очевидно: «Не толкучка надо говорить, а толпучка» [Там же: 55], тем более что произнес это ребенок всего лишь трех с половиной лет.

В отношении обратного словообразования справедливо всё то, что выше мы отмечали в отношении детского словообразования вообще: при обратном словообразовании, естественно, тоже важно разграничивать компенсаторную и осознанную креативность.

Представляется, что на более ранних этапах речевого онтогенеза имеет место креативность компенсаторного характера, а на более поздних – осознанного. «В общем виде» это, действительно, так. Однако если мы рассматриваем конкретные примеры, то можно видеть, что примеры как компенсаторной креативности при детском словообразовании, так и осознанной встречаются в самом разном (в основном дошкольном) возрасте. Так, мы выписали из [Детские словообразовательные инновации 1986] все примеры, которые с уверенностью отнесли к осознанной детской креативности. Их, кстати, оказалось в этой книге немного – всего 8 из более чем 500 примеров детских словообразовательных окказионализмов; в каких-то других словарях детской речи, например в словаре Т.А. Гридиной [Гридина 2012], их пропорция наверняка существенно больше, поскольку автор в течение многих лет собирает примеры именно осознанной детской креативности. Перечислим возраст детей – авторов этих осознанных отступлений от нормы (по [Детские словообразовательные инновации 1986]): 5 лет, 4 года, 3 года, 6 лет, 4 года, 3,5 года, 4 года, 4 года, 7 лет. Как можно видеть, сознательное словообразование встречается в речи детей самого разного возраста.

Возможно, многое зависит от индивидуальной языковой способности ребенка: разные дети в разном возрасте и в разной степени становятся склонны к метаязыковой деятельности и тем более к языковой рефлексии. Например, Алеша Д., спонтанную речь которого мы записывали в течение ряда лет, проявлял склонность к сознательному словообразованию крайне рано. Так, уже в 2,3 в его речи зафиксирован следующий монолог: (рассматривает рыбу на тарелке) «Это кость. Вейнее – костик. У рыбы есть хвостик, есть и костик» (ребенок как бы хочет сказать ‘если есть оппозиция хвост – хвостик, то должна быть и

оппозиция кость – костик’). У данного ребенка с самого раннего возраста вообще было много проявлений языкового протеста (подробнее см. [Доброва 2012, 2017]), и это же касается и области словообразования: едва начав создавать словообразовательные инновации, данный ребенок, по-видимому, стал сравнивать эти единицы с нормой и, не найдя в своем лексическом запасе такой единицы, начал настаивать на том, что такая единица должна существовать, соответственно очень рано (а главное – очень быстро) начав отходить от собственно компенсаторной креативности к креативности сознательной. Например, если говорить об обратном словообразовании, то в 4.7 он настаивает на существовании слова, образованного им с помощью депрефиксации: Алеша: *Множко. – Бабушка: Немножко, а много. – Алеша: *Нет, раз есть немножко – значит, есть и *множко.*

Кроме того, по-видимому, важную роль играет и сама словообразовательная модель: какие-то модели дети осваивают раньше, и потому логично ожидать, что в отношении этих моделей они раньше перейдут от стадии, когда креативность носит компенсаторный характер, к креативности сознательной; какие-то модели, напротив, осваиваются позднее, и вполне естественно, что дети позднее смогут перейти к осознанной креативности. Так, по-видимому, словообразовательная модель, при которой существительное мотивируется прилагательным и образуется с помощью суффикса -к-, осваивается достаточно рано, и потому примеры осознанного словообразования типа «Белку неправильно назвали, надо ее рыжкой звать» [Детские словообразовательные инновации 1986: 50] встречается уже у четырехлетних детей; обратное же словообразования, вероятно, осваивается позднее, и потому примеры осознанного обратного словообразования в спонтанной речи детей возникают позднее, в 6 лет: «Русалка – это тетенька с рыбьим хвостом, а если дяденька – то русал!» [Там же] (хотя прямое словообразование, где производное существительное отличается от производящего существительного наличием суффикса -к- – типа капитан – *капитанка – осваивается детьми значительно раньше).

Что же может служить доказательством того, что ребенок

переходит от стадии компенсаторной креативности в области словообразования к стадии осознанной креативности? Представляется, что доказательствами этого можно считать такие показатели, как улыбка (смех) ребенка при произнесении словообразовательной инновации, эксплицированное выражение языкового протеста по поводу отсутствия соответствующей единицы в языке, сопровождающее создание словообразовательной инновации, а также всяческие способы выражения сомнения в существовании подобного слова (если речь идет об условиях эксперимента).

В 2022 г. мы проводили эксперимент в ГБДОУ № 51 Калининского района Санкт-Петербурга и в ГБОУ СОШ № 341 Невского района Санкт-Петербурга. В эксперименте участвовали 80 детей: 16 детей 4 лет, 16 – 5 лет, 16 – 6 лет, 16 – 7 лет и 16 – 8 лет. Мальчиков и девочек было равное количество в каждой возрастной группе – по 8 мальчиков и 8 девочек.

Эксперимент состоял из заданий на депрефиксацию (3 задания), заданий на десуффиксацию (5 заданий) и задания на депостфиксацию (1 задание).

Разумеется, во всех заданиях дети давали ответы разных типов – и называли нормативные слова, и отказывались от ответа, и создавали словообразовательные инновации с помощью не обратного, а прямого словообразования, но мы в данном случае сосредоточимся именно на обратном словообразовании.

В первом из заданий на депрефиксацию детям предлагалось прослушать диалог двух игровых персонажей – Незнайки и Знайки, а затем помочь Незнайке подобрать антонимы к предложенным словам, типа «негодяй», «непутёвый», «непоседа» и т.д. Как показал эксперимент, к обратной деривации в этом случае обращались дети всех возрастных групп. Словообразовательные инновации, образованные с помощью обратной деривации, были получены в качестве ответов в следующем количестве: дети 4-х лет – 50 таких ответов, дети 5-ти лет – 73 таких ответа, дети 6-ти лет – 91 такой ответ, дети 7-ми лет – 77 таких ответов, дети 8-ми лет – 27 таких ответов. Следовательно, дети 4-х лет только начинают давать

такие ответы, а дети 8-ми лет – уже начинают отказываться от такого типа ответов; больше всего таких ответов у детей 5-7 лет, при этом «пик» тенденции создавать словообразовательные инновации с помощью обратного словообразования применительно к данной словообразовательной модели (создание антонима путём отбрасывания отрицательной приставки НЕ-) приходится на 6 лет.

Во втором задании на депрефиксацию использовались те же два игровых персонажа. Задача ребёнка – помочь Незнайке подобрать к предложенным словосочетаниям (типа «небрежный почерк», «беззащитный котёнок», «ненастный день» и т.д.) словосочетания, противоположные по смыслу. Результаты оказались похожи на результаты выполнения предыдущего задания: воспользовались обратной деривацией дети всех участвовавших в эксперименте возрастных групп, при этом дети 4 лет дали 37 таких ответов, дети 5 лет – 74, дети 6 лет – 55, дети 7 лет – 65, дети 8 лет – 25. Вновь можно видеть, что меньше всего таких ответов у детей 4 лет (видимо, они еще только начинают пользоваться обратной деривацией) и у детей 8 лет (эти дети уже начинают отказываться от обратной деривации). Больше всего таких ответов – у детей 5-7 лет. «Пик» в этом задании пришелся на детей 5 лет.

Третье задание на депрефиксацию представляло собой обыгрываемый экспериментатором диалог Незнайки и Знайки. Ребёнку нужно было помочь Незнайке подобрать к глаголу совершенного вида (типа «засучить», «повесить», «похитить» и т.д.) глагол несовершенного вида. Как выяснилось в эксперименте, к имперфективации за счёт депрефиксации больше склонны дети дошкольного возраста (4-6 лет): дети 4 лет дали 12 таких ответов, 5 лет – 14, 6 лет – 26. Дети же младшего школьного возраста таких ответов давали существенно меньше: дети 7 лет дали 2 таких ответа, 8 лет – 4. «Пик» в этом задании пришелся на детей 6 лет.

Суть первого задания на десуффиксацию заключалась в том, что ребёнку показывались две рядом расположенные картинки: на одной из них был изображен предмет или животное маленького размера, а на второй, соответственно, большого

(например, маленький торт и большой торт, маленькая мышка и большая мышь и т.д.). Экспериментатор проговаривал название маленького предмета на первой картинке, а ребенок должен был дать наименование предмету большого размера. Как показали результаты, к десуффиксации в данном случае дети обращаются крайне редко. Из 4-летних испытуемых лишь трое отбросили суффикс, вследствие восприятия его как уменьшительного: мышка – **мыша* (Даша Б.), косточка – **коста* (Алиса В., Тимур Д.). Также два случая зафиксировано у одного 5-летнего дошкольника: мышка – **мыша*, косточка – **коста* (Костя С.). Дети более старшего возраста таких ответов не дали вообще.

Во втором задании на десуффиксацию перед детьми стояла такая же задача, как и в предыдущем, однако данное задание выполнялось в игровой форме. Сначала экспериментатор показывал ребёнку картинки с двумя персонажами: маленьким Гномиком и большим Великаном. Затем детям демонстрировалось несколько картинок, на которых также были изображены по два рядом расположенных предмета: на одной – предмет маленького размера, который принадлежит Гномику, а на второй – большого, принадлежащий Великану (например, домик и дом, столик и стол). Экспериментатор проговаривал название маленьких вещей Гномика, а ребёнок должен был сказать, как называется такая же вещь, принадлежащая Великану. Обращений к обратному словообразованию в данном задании, по сравнению с предыдущим заданием, у испытуемых всех возрастных групп оказалось больше. Например, у 4-летних детей зафиксировано 7 случаев десуффиксации: подушка – **подуша* (Саша Л.), одуванчики – **одуваны* (Тимур Д., Фёдор Б., Даша Б.) и кузнечики – **кузнецы* (Сергей Б., Фёдор Б.). Интересно также, что один ребёнок (Полина К.), пытаясь дать название мышке большого размера, не только устранил суффикс –К-, но и «перевел» существительное в мужской род, образовав словосочетание «большой мыш». В целом при выполнении данного задания дети 4-х лет дали 7 ответов, образовав инновацию с помощью обратного словообразования, дети 5-ти лет – 14, дети 6-ти лет – 10, дети 7-ми лет – 8, дети 8-ми лет – 7.

Вновь больше всего случаев обратного словообразования – у детей 5-7 лет, «пик» приходится на детей 5-ти лет.

В третьем задании на десуффиксацию перед детьми стояла следующая задача: подумать над тем, как можно назвать *овчарку* и *кошку* сначала так, чтобы получилось ласково, а затем таким образом, чтобы вышло и не ласково, но при этом и не грубо. Уже в ходе проведения эксперимента стало очевидно, что в словах *овчарка* и *кошка* дети не склонны ошибочно воспринимать суффикс -к- как пейоративный. Соответственно, у испытуемых не было необходимости обращаться к обратной деривации для образования нейтральной формы данных слов. Ответы **овчара* и **коша* встретились только у детей 5-ти и 6-ти лет, причем таких ответов было очевидно мало: 1 ответ у ребенка 5-ти лет и 3 ответа у детей 6-ти лет.

Четвертое задание на десуффиксацию проводилось следующим образом: экспериментатор давал в руки ребёнку игрушку (собаку, курицу, лягушку и т.д.), называя самку животного, и при этом, для более доступного понимания, добавлял в начале слово «мама», к примеру: «мама – кошка». Ребёнок же должен был вернуть игрушку обратно и, соответственно, назвать самца данного животного, т.е. сказать «папа – кот». Дети 4-х лет дали 5 ответов с обратной деривацией, дети 5-ти лет – 24, дети 6-ти лет – 29, дети 7-ми лет – 11, дети 8 лет – 3. Вновь оказалось, что обратным словообразованием склонны в большей степени пользоваться дети 5-7 лет, «пик» при этом приходится на детей 6 лет.

В пятом задании на десуффиксацию детям демонстрировалось несколько картинок, на которых были изображены по два человека – лицо женского и лицо мужского пола. Экспериментатор называл лицо женского пола, к примеру: девочка – ученица. Задача ребёнка – назвать, соответственно, лицо мужского пола, т.е. сказать: «мальчик – ученик». Ответы типа **татар*, **кокет*, **негритян* давали дети всех возрастных групп: дети 4-х лет дали 12 ответов, воспользовавшись обратным словообразованием, дети 5-ти лет – 55, дети 6-ти лет – 60, дети 7-ми лет – 53, дети 8-ми лет – 38. Таким образом, к созданию мужского родового коррелята от существительных

женского и общего рода путём отбрасывания суффикса оказались в большей степени склонны дети 5-7 лет (вновь получены аналогичные результаты, показывающие, что дети именно 5-7 лет активно пользуются обратным словообразованием), «пик» приходится на детей 6 лет. Интересно, что, в отличие от предыдущих случаев, к 8 годам, хотя тенденция к обратному словообразованию и начинает идти на спад, в данном случае она еще достаточно активна.

В задании на депостфиксацию экспериментатор читал детям небольшие тексты, в которых были представлены различные ситуации. К примеру: «Дима неожиданно подошёл к Васе и что-то крикнул. Вася сильно *испугался*. Почему Вася испугался? Потому что Дима Васю *испугал*». Задача испытуемых – подобрать к первому глаголу каузативную пару. Каузативную оппозицию путём отбрасывания постфикса (**проснуть* кого-то, **рассмеять* кого-то и т.п.) создавали дети всех возрастных групп: было получено 2 таких ответа у детей 4-х лет, 6 – у детей 5-ти лет, 5 – у детей 6-ти лет, 6 – у детей 7-ми лет и 2 – у детей 8-ми лет. Вновь более склонны к обратному словообразованию оказались дети 5-7 лет.

Таким образом, результаты эксперимента показали, что к обратному словообразованию более всего склонны дети 5-7 лет. Дети 4-х лет, по-видимому, еще только начинают осваивать возможности обратной деривации, а к 8-ми годам склонность к ней у детей уже начинает идти на спад. При этом к депрефиксации и десуффиксации более всего склонны дети 5-6 лет, к депостфиксации – дети 5-7 лет.

Посмотрим теперь, как соотносится склонность детей к созданию словообразовательных инноваций путем обратного словообразования с тем, насколько эта вербальная креативность носит у них компенсаторный характер, а насколько – сознательный. Отметим, что нами не зафиксировано ни одного случая, когда дети 4-х и даже 5-ти лет демонстрировали бы, что они осознают, что такого слова в языке нет и что они просто вынуждены (по каким-либо причинам) это слово создать. Разумеется, сказанное вовсе не означает, что вообще никто из детей в 4-5 лет не способен к вербальной креативности в

области обратного словообразования, которая имела бы сознательный характер; такие дети, конечно, есть, такие примеры могут встретиться (см., например, приведенный выше пример из речи Алеши Д. в возрасте 4,7); однако в нашем эксперименте их не было.

Ситуация начинает незначительно меняться к 6-ти годам. Так, в процессе проведения эксперимента у некоторых 6-летних детей были замечены реакции, выражающие сомнения по поводу существования слов, образованных с помощью отбрасывания префикса: «Годяй, что ли?», «Путёвый?» (Рома Д.), «Годяй?» (Даня Т.). Следовательно, эти два ребёнка догадываются, что сконструированные ими антонимы к словам «негодяй» и «непутевый» в норме не существуют. При этом подавляющее большинство испытуемых этого возраста произносило слова, образованные с помощью депрефиксации, чётко, уверенно и практически сразу же давало ответ, даже не задумываясь над его правильностью.

Кардинально ситуация меняется лишь к 7-ми годам. Многие дети 7 лет уже тщательно обдумывали свой ответ, не произносили его сразу же. Некоторые испытуемые, конструируя с помощью депрефиксации антонимы, сопровождали это выражением удивления или смехом.

У детей 8-ми лет подбор антонимов к некоторым словам по-прежнему вызывает затруднения (непоседа, непутёвый и невежа). В таком случае дети 8-ми лет либо отказываются от ответа, либо всё-таки отбрасывают приставку, но сопровождают это смехом или улыбкой. Кстати, отказы от ответов у 8-летних детей также в преобладающем большинстве случаев сопровождались смехом или улыбкой. Это свидетельствует о том, что дети 8-ми лет, даже если и создают словообразовательные окказионализмы с помощью обратного словообразования, делают это уже осознанно. Отметим, кстати, что вряд ли можно говорить, что у 8-летних детей в условиях эксперимента обратная деривация не имеет компенсаторного характера: поскольку это эксперимент, ребенок поставлен в ситуацию, когда он вынужден дать какой-то ответ, и самый простой, сразу приходящий в голову путь – отбросить аффикс,

однако к этому, компенсаторному (в силу экспериментальных условий) характеру креативности добавляется сознательность; получается такая «компенсаторно-сознательная» креативность.

Обратимся теперь к определению возраста, когда обратное словообразование у детей носит «собственно-компенсаторный» характер, а когда – становится сознательным. Получается, что в среднем проходит примерно 2 года от момента, когда какая-то разновидность обратного словообразования активно включается в речевую деятельность ребенка (выполняя вначале исключительно компенсаторную функцию) до момента, когда ребенок, даже если и создает словообразовательные инновации за счет обратного словообразования, делает это уже осознанно. Для этого перехода от собственно-компенсаторной вербальной креативности к креативности осознанной должны, по-видимому, быть выполнены 2 условия: во-первых, естественно, словарь ребенка должен расширяться в такой степени, что в лексиконе ребенка должны появиться в достаточном количестве соответствующие узусу языковые единицы, а во-вторых, данный конкретный способ словообразования должен быть освоен в достаточной степени. При этом осознанность вербальной креативности сначала проявляется в выражении некоторого сомнения в существовании подобного слова в языке, и лишь позже осознанность начинает выражаться в своей основной форме – в виде улыбки и смеха при создании инновации.

Таким образом, в ходе речевого онтогенеза компенсаторная вербальная креативность, обусловленная незнанием узусального языкового знака, замещается креативностью осознанной постепенно, в среднем – на протяжении нескольких лет; время перехода от компенсаторной креативности к креативности осознанной в области словообразования определяется временем освоения ребенком той или иной словообразовательной модели, а скорость этого перехода – индивидуальными особенностями детей; процесс перехода от компенсаторной вербальной креативности к креативности сознательной проявляется сначала в появлении и вербализации сомнений в существовании окказиональной единицы, а затем – в сознательном отказе от

языковой нормы, осуществляемом с целью пошутить, поиграть со словом, сознательно проявить вербальную креативность.

Литература

Гридина Т. А. Онтолингвистика: Язык в зеркале детской речи. М.: Флинта, 2013. – 152 с.

Гридина Т. А. Объяснительный словарь детских инноваций. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – 202 с.

Гридина Т. А. Метафоры детской речи как феномен лингвокреативного мышления и поэтической одаренности // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / Под ред. Т.А.Гридиной. – Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2018. – С.11-39.

Детские словообразовательные инновации. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1986.

Доброва Г. Р. Детские высказывания о языке в динамике: на примере одного ребенка // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2017. № 15. С. 17-32.

Доброва Г. Р. Языковой протест как одно из проявлений метаязыковой деятельности – почему не у всех детей? // Проблемы онтолингвистики-2012. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 130-летию со дня рождения К. И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А. Н. Гвоздева. 2012.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., М., 1997.

Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т.1.

Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2008.

Цейтлин С. Н. Обратное словообразование в детской речи // Психолингвистические исследования (речевое развитие и теория обучения языку). М.: АН СССР, Институт языкознания, 1978. С. 61-66.

Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и

формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.

Цейтлин С. Н. Лингвистические этюды. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2013.

©Доброва Г.Р., 2023

©Ерегина А.А., 2023

Раздел II. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ПОЛЕ КРЕАТИВА

М. А. ЛАППО

г. Новосибирск, Россия

marine.lappo@yandex.ru

SPIN-код: 5779-8056

УДК 811.161.1'42:821.161.1-31

ББК Ш105.51+Ш33(2Рос=Рус)63-444

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУРСИВА В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН»

Аннотация. Анализируется система функций курсива в тексте романа Е. Водолазкина «Чажин». Выявляется общая, генеральная функция выделения курсивом элементов различных типов (актуализация отдельных участков текста, приводящая к нарушению линейного характера речи) и частные, тесно связанные с главной (обозначение интонационного смыслового ударения и дихотомии «свое / чужое»). Кроме того, функции курсива исследуются с точки зрения типичности / атипичности для художественного текста: так, функция обозначения психологического предиката является традиционной (при этом выдвижение определенного элемента создает «неповторимый рисунок текста»), а функция ремарки в тексте пьесы для романа нетривиальна. Делается вывод о том, что все выявленные функции, независимо от того, насколько они традиционны, работают на выявление подтекста и создание смысловой доминанты текста.

Ключевые слова: курсив, графическое выделение, логическое ударение, смысловая доминанта текста, чужое слово, художественный дискурс, художественные тексты, романы,

русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, лингвопрагматика, лексическая семантика.

LAPPO MARINA A.

Novosibirsk, Russia

SEMANTIC AND PRAGMATIC POTENTIAL OF ITALICS IN THE NOVEL OF E. VODOLAZKIN "CHAGIN"

Abstract. The paper analyzes the system of italics functions in the text of E.Vodolazkin's novel "Chagin". We reveal a common, general function of italicizing elements of various types (actualization of individual sections of the text, which breaks the linear character of speech), and particular functions which are closely connected with the main one (italics marks intonation accentuation and "its own/foreign" dichotomy). Besides, the functions of italics are studied from the point of view of their typical/atypical character for a fiction text. Thus, the function of a psychological predicate is traditional (in this case the advancement of a certain element creates «a unique text pattern»), and the function of the remark in the text of a play is non-trivial for a novel. The author concludes that all the identified functions, regardless of how traditional they are, work to reveal the subtext and create the semantic dominance of the text.

Keywords: italics, graphic emphasis, logical emphasis, semantic dominant of the text, "alien word", E. Vodolazkin, "Chagin".

Лаппо Марина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания. Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия). E-mail: marine.lappo@yandex.ru

Lappo Marina Aleksandrovna – Doctor of Philology Sciences, Department of Modern Russian Language and Methods of Its Teaching. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Курсив, или наклонное начертание печатного шрифта со скругленными формами, – одно из распространенных средств графического выделения, акцентуации и/или специального

обозначения тех или других словесных элементов в текстах разных типов. Художественные функции курсива и – шире – графически выделенного слова не раз становились предметом изучения литературоведческих и лингвистических исследований. Например, в работе Н. Е. Меднис в центре внимания оказывается курсив как графическое средство обозначения «чужого» в контексте многоголосия, поскольку «при всем разнообразии функций курсива в русской прозе XIX века чаще всего он служит маркером “чужого слова”» [Меднис 2011: 168]. Т. А. Трипольская анализирует выделенное слово в лексической организации художественного текста Юрия Трифонова, устанавливая его связи с лексическими текстовыми парадигмами, стилистическими характеристиками языковых единиц, внутритекстовым комментарием и метатекстовыми элементами, а также типами нарраторов («голосов») [Трипольская 2008]. В указанной работе выявляются функции, характерные для любого художественного и нехудожественного текста (обозначение интонационного смыслового центра и выдвигание определенных смыслов), и функции, составляющие «неповторимый рисунок трифоновского текста» (организация подтекстовой информации, обеспечение связанности и целостности текста, роль ключевых слов, механизм «организации диалога между персонажами, повествователем и персонажем, автором и читателем» и др.) [Там же: 341, 348]. Н. П. Перфильева относит курсив и другие графические средства выделения к невербальным метапоказателям [Перфильева 2006]. А. П. Сковородников считает курсив видом графона, «стилистического приема, представляющего собой стилистически значимое отклонение от графического стандарта и/или орфографической нормы» [Сковородников 2011: 106]. Назовем также диссертационное исследование А. Г. Василенко, посвященное развитию приема графического выделенного слова в прозе Ю. Трифонова и анализу этого приема в аспекте идиостиля писателя [Василенко 2017].

Следует предположить, что в современной художественной прозе функции курсива могут модифицироваться или усложняться в связи с появлением более развернутой системы

графического выделения: прямое, то есть обычное, начертание, курсив, наклонный шрифт, разрядка, подчеркивание, капитализация (набор прописными буквами), дефисация (разделение слова на слоги), жирный шрифт, цветной шрифт, знак ударения (акута) в актуализационной функции и др. Кроме того, поскольку художественный текст претерпевает изменения в нарративной структуре, художественная наррация развивается [Тюпа 2021; Жиличева 2022], что ведет к усложнению диалога автора, повествователей и читателя, кавычки в нем могут нагружаться более сложными, чем в прозе XIX или XX века, задачами.

Цель настоящего исследования заключается в описании системы функций курсива в романе Е. Водолазкина «Чагин» (2022 г.). Текст романа о феноменальной памяти Исидора Чагина, сотрудника Архива и мнемониста, состоит из четырех частей: «*Часть первая. Дневник Чагина*», «*Часть вторая. Операция “Биг-Бен”*», «*Часть третья. Незабываемое*», «*Часть четвертая. Лета и Эвноя*». Первые три из них представляют собой повествования о Чагине: пересказ утраченного Дневника Чагина от лица единственного его читателя, молодого коллегиярхивиста Павла Мещерского (ч. 1); рассказ сотрудника КГБ Николая Ивановича Печникова об операции «Биг-Бен», участником которой был, по его мнению, Чагин (ч. 2); воспоминания Эдуарда Григоренко, конференсье Театра эстрады и миниатюр, о работавшем в этом театре Чагине (ч. 3). Последняя часть содержит переписку Павла Мещерского и его возлюбленной Ники, которая хорошо знала Чагина. Во всех четырех частях романа было найдено около 220 фрагментов, в которых курсивом выделены слова, фразы или текстовые фрагменты.

На наш взгляд, любые частные функции курсива в художественной речи подчиняются основной и общей цели выделения какого-либо элемента текста из линейного ряда и разрушения этого линейного восприятия текста. Поскольку выделенный элемент становится «штучным», более заметным, курсив в прозе согласуется с понятием сукцессивности в поэзии. Так, в книге Ю. Н. Тынянова «Проблема стихотворного языка»

определяется специфика поэзии как особого вида искусства: членение на стиховые ряды делает речевой процесс сукцессивным, в отличие от симультанного характера прозы [Тынянов 1924: 40–41]. Л. М. Гаспаров, комментируя эту работу, пишет, что «достаточно подчеркнуть слово любым способом, чтобы слова воспринимались не «симультанно», а «поштучно». Слова в стихе как бы отрываются друг от друга и дефилируют перед читателем каждое поодиночке, демонстрируя свои семантические возможности» [Гаспаров 1997: 460]. Аналогично в прозаическом тексте курсив выделяет, подчеркивает какое-либо слово, что делает его особенным и более значимым по сравнению со своими соседями.

Курсивное выделение можно считать и нарушением линейного, плавного характера речи, обязательного условия связности текста. К средствам, маркирующим линейно-деструктивные отношения (термин Н. П. Перфильевой) относятся, например, вербальные метапоказатели, вставки [Перфильева 2006: 181–214]. Курсив является действенным средством привлечения внимания, настраивающим читателя на усиленное осмысление выделенного элемента текста, что разрушает, прерывает указанную плавность речи. Рассмотрим, к чему именно таким образом Е. Водолазкин привлекает внимание читателя.

К самым простыми типичным для русской литературы XIX века случаям, как пишет Н. Е. Меднис, относится указание курсивом на психологический предикат (логическое ударение). В романе «Чагин» так же, как и в трифоновском тексте (о последнем см. [Трипольская 2008: 341]), обозначение интонационного смыслового центра встречается довольно редко. Такие психологические предикаты могут быть либо во внешней (см. фрагменты 1–3), либо внутренней (фрагмент 4) речи персонажа:

(1) Замечу кратко, что эпизодическое упоминание о *хорошей* памяти Пантелея Чагина позволяет дать феномену Исидора генетическое объяснение;

(2) При чтении чагинского Дневника впечатление складывается неоднозначное. С одной стороны, конечно,

понимал, потому что не может этого не понимать человек в здравом уме и трезвой памяти (тем более – *такой* памяти);

(3) Я тупо водил глазами по строкам Исидорова Дневника. Да, Чагин использует мнемотехнические средства. Да, он запоминает цифры на каком-то фоне. Я вот чего не понимаю: а как он *запоминает* их – пусть даже и на фоне? Я, скажем, на любом фоне ничего не запомню;

(4) Исидор хотел сказать, что *всё* прочитанное им знает назубок, но решил, что это было бы хвастовством.

Мы видим, что интонационный смысловой центр связан с темой необычной памяти Исидора Чагина. В дальнейшем, когда развитие сюжета переходит от идеи феноменального запоминания к не менее экстраординарной способности воображения, фантазирования, логическое ударение падает на слова, маркирующие и этот когнитивный аспект:

(5) Раневская говорит, что если во всей губернии есть что-нибудь интересное, то это вишневый сад. Режиссер Спицын прерывает игру и поясняет господам актерам, что у Чехова здесь вышла ошибка. Чехов, купеческий сын, не знал дворянского быта и *придумал* этот сад.

Довольно часто выделенное курсивом слово поддерживается в контексте другими способами выдвижения (о способах и средствах выдвижения см. [Копнина 2011: 89]). В романе «Чагин» распространенным вариантом усиления внимания является его контактный повтор, например:

(6) На лестничной площадке профессора Исидор перевел дыхание. Ну, во-первых: Спицын мало похож на отца. Во-вторых: ничего такого, собственно, не произошло. *Такого* в Дневнике жирно подчеркнуто;

(7) В конце концов Исидор набрел на станцию «Площадь Ленина» и встретил рассвет в метро. Около полудня Чагин проснулся в своей квартире. Не отказав себе в удовольствии еще раз произнести слово *своей*, он обратил внимание на то, что перед сном успел снять только туфли.

Рассказчик (Павел Мещерский) фиксирует внимание на том, что Чагину свойственно акцентирование отдельных слов в

своем Дневнике, появляющихся во внутренней (фрагмент 6) или внешней речи (фрагмент 7). В первом случае используется такой прием графического выдвигания, как подчеркивание, во втором – лексический повтор («еще раз произнести слово *своей*»). Таким образом, текст рассказчика, его манера письма вступают в переключку с манерой устной и письменной речи главного героя романа.

Другой ведущей функцией курсива в художественной речи является «подчеркивание дистанции между «чужим» и «своим», установление четкой границы и определенных отношений» [Меднис 2006: 160-161]. В общем смысле в этой роли курсив заменяет кавычки, поэтому курсив используется не только для маркирования цитаты, но и – как правило – для выражения особого эмоционального отношения к тому или иному «чужому» слову/выражению.

В анализируемом романе курсивом выделены цитируемые части «одного художественного произведения» Николая Ивановича (см. фрагмент 8) и поэмы «Одиссей» Исидора Чагина (фрагмент 9):

(8) *Тягу дал печник со страху,*

Кривоног, сутол и хил.

Он слышал, что черепаху

Не сумел догнать Ахилл;

(9) *День исчезает за днем, превращаясь немедленно в память,*

Багажной квитанции род, по которой едва ли получишь

То, что сдавалось в багаж. Но малые эти остатки

Как ока зеницу хранишь, поскольку другим не решишься

Вещи оставить свои – не понять никому красоты их:

Созданы лишь для тебя, другим они будут не в пору.

Хотя текст Николая Ивановича написан в манере известного стихотворения А. Твардовского «Ленин и печник», а поэма Чагина – гекзаметром, они тематически объединены Троянской войной. Данная переключка текстов двух персонажей-сочинителей в романе на уровне подтекста актуализирует его смысловую доминанту: фантазия / выдумка / заблуждение

может необычайным образом повлиять на преобразование жизни отдельного человека или человечества в целом.

Как правило, цитирование строк известного автора (см. фрагмент 10) или «чужого» слова в диалоге (фрагмент 11) маркирует эмоционально окрашенную ситуацию для говорящего:

(10) С течением времени невозможность запомнить стала сопровождаться у Исидора забыванием. *Я забыл то, чего не хотел бы забыть*, – как-то спел он вслед за Вертинским. Каждый такой случай приводил его в восторг – так глубока, оказывается, была его нелюбовь к памяти;

(11) Маргарита поджала хвост еще тогда, когда узнала, что ты ушла. Сказала:

– Ну, хочешь, я перед ней извинюсь?

Я ответил:

– Эти твои *ну* никому теперь нафиг не нужны!

Во фрагменте 10 чувство восторга Исидора эксплицитовано лексемой *восторг*, а во фрагменте 11 контекст позволяет определить состояние героя как чувство гнева.

Безусловно, «чужое слово» идентифицируется в тексте романа не только в качестве цитаты из речи другого, но и как чуждая по смыслу вербальная единица. Приведем пример:

(12) И всё же произнесенное *согласен* родило у него сомнения, которых поначалу не было.

Контекст показывает, что слово *согласен* диссонирует с появившимися у Исидора Чагина (в том числе и после произнесения самого слова) чувства сомнения. См. также другой важный фрагмент:

(13) Его приняли хорошо, а он будет на них доносить. Слово *доносить* в отношении сотрудничества с Николаями употребляется им впервые. Чагин пишет, что у него *сжалось сердце* – таких выражений прежде он также не использовал. Тон Дневника ощутимо меняется. Исидор, по его собственному выражению, начинает *рассуждать* – он, не любитель рассуждений. Описатель предметов и событий. В конце концов, записи Чагин ведет не для памяти.

Здесь также «чужое слово» (*доносить*) сопровождается сильной негативной эмоцией душевной боли (*сжалось сердце*). Эти и подобные фрагменты романа помогают выйти на определенную подтекстовую информацию: предать можно не столько другого (в «Чагине» главный герой предает и Вельского, и Веру), сколько самого себя, начав пользоваться чуждыми для себя словами, концептами.

Как «чужое слово» можно рассматривать и свое слово, но неточное, выбранное неверно. Так, юный Исидор Чагин, мучаясь от неразделенной любви к Лене Царевой, оценивает первое пришедшее ему в голову слово как неудачное (в тексте романа эти слова выделены курсивом):

(14) Затем следует подробное описание раздумий Исидора о том, правильно ли он ответил. Может быть, нужно было сказать: *конечно*. Или даже: *а то!* Немудреное *есть* кажется автору ответом банальным и неспособным вызвать ответное чувство.

Передатчик содержания Дневника, Павел Мещерский, в свою очередь, также оценивает выбор слов Исидора. Прежде всего, со стилистической точки зрения, как в следующем фрагменте:

(15) Характерный для покойного старомодно-канцелярский стиль: *как представляется, коль скоро, следует признать*. Слабость к церковно-славянскому: *притча во языцех, паче чаяния*.

Эта стилистическая оценка весьма значима, так как намекает читателю на житийную жанровую подоплеку романа «Чагин». Жанр жития актуализирует и последний абзац текста, включающий группу лексем христианской тематики (*жизнеописатель, многострадальный, возносить* и др.):

(16) Тебе, художнице. Не знаю, как бегут с умирающим. Но вот это Варварино *на руках* рождает во мне такой образ. Прохор, ладони-лопаты, Прохор, разбойник, пьяница и жизнеописатель, на этих самых ладонях несет многострадального Исидора. Может быть, даже возносит. Нарисуй.

Стоит отметить, что курсив используется не только для характеристики речи главного героя, но и описания речевых действий лиц, связанных с ним диалогически. Рассмотрим следующие фрагменты:

(17) Наш Исидор, похоже, ничего не выбрасывал, всегда был архивистом. Школьные дневники: четверки и пятерки. Имеются учительские замечания. *Болтал на уроке русского языка. Или: забыл дома пенал. Исидор болтал, и уж совсем невероятно: забыл.*

(18) Со временем (откровенность за откровенность) Исидор стал читать Прохору отрывки из «Одиссея». Поэму тот в целом одобрял, но советовал убрать *вот это* (стук огромной ладони по столу). Чагин понял, что речь о гекзаметре, которого рецензент не умел назвать. Он призывал автора к простоте изложения.

Фрагмент 17 обращает внимание читателя на то, что дар Чагина в детстве еще не был проявлен, а фрагмент 18 – что Прохор, единственный слушатель поэмы «Одиссей», был простым, малообразованным человеком.

Еще одна частная функция курсива в сфере «чужого слова» – отделить речь Исидора от речи, манеры включения других персонажей. Поскольку Павел Мещерский восстанавливает дневник Чагина по памяти, он использует авторизационные показатели *называли его, по словам, использует выражение*, которые предваряют выделенное курсивом слово, например:

(19) Такая творческая манера определила и прозвище портретиста: коллеги-живописцы называли его не иначе как *Леша Черномордец*;

(20) Вопреки намекам двух Николаев, Исидору показалось, что кружок вполне соответствует своему имени. Начали с чтения одной из глав «Илиады» (по словам Вельского, *для разминки*), а потом перешли к Шлиману;

(21) Здесь Исидор использует выражение солдата срочной службы: *она его не дождалась*.

В отмеченных выше исследованиях о функциях выделенного слова упоминается его полифункциональный характер. Н. Е. Меднис пишет: «Иногда курсив как бы заменяет кавычки и вместе с тем (это главное) указывает на особую содержательность выделенного слова, которое является знаком обширного культурного или бытового контекста, во многом определяющего психологию героя» [Меднис 2006: 160].

Нередко подобное совмещение, наложение функций встречается и в романе «Чагин»:

(22) Тут произошла интересная история. Через пару недель после твоего ухода в Архив пришло письмо из Тотьмы. Помнишь Варвару Феодосьевну, к которой мы заходили? Она написала. Сообщила, что в неожиданном месте нашла поэму «Одиссей». Спрашивала, нужна ли она нам – *Одиссей. Поэма*.

Здесь курсив не только заменяет кавычки при имени собственном, названии поэмы, но и является знаком логического ударения, смысловым центром высказывания, выражает интенсивность эмоции удивления (*как нам может быть не нужна поэма «Одиссей»?!*). Кроме того, можно отметить даже некоторую избыточность совмещенных средств выдвигания: это и курсив, и отсутствие нормативных кавычек, и конец фразы (что совпадает с типичным логическим ударением в русском языке), и парцелляция, и инверсия.

Уникальность исследуемого текста заключается в том, что все выделенные курсивом элементы, работая на создание смысловой доминанты текста, «составляют неповторимый рисунок» (Т. А. Трипольская) романа «Чагин». Все, даже типичные для русской литературы XIX и XX века, функции курсива, приобретают особый смысл в контексте данного произведения. Дело в том, что дар Исидора Чагина заключается в абсолютном, дословном запоминании чужого текста, хотя бы раз прочитанного. С этой точки зрения любые отмеченные выше случаи соотнесения своей и чужой речи, своего и чужого слова так или иначе актуализируют идею его сверхспособностей.

Обратимся теперь к еще одной типичной функции курсива для драматического текста: традиционно курсив используется в тексте пьесы для ремарок, то есть замечаний, пояснений автора о невербальном поведении героя. В романе «Чагин» (в ч. 3) курсив в такой функции используется, но, однако, не совсем обычно. Во-первых, текст переписки Шлимана и фон Краузе преобразуется в драматический текст с типичными для него ремарками (см. фрагмент 23). Курсивом здесь также выделены имена действующих лиц:

(23) *Фон Краузе*. Видите ли, господин... (*Нацеливает на Шлимана монокль.*)

Шлиман. Шлиман.

Фон Краузе. Видите ли, господин Шлиман... (*Встает и, заложив руки за спину, несколько раз проходится туда и сюда по комнате.*) Меня беспокоят ваши отношения с реальностью. (*Бросает на собеседника обеспокоенный взгляд.*) Вы считаете, что если Гомер описывает холм, то этот холм – непременно Гиссарлык.

Во-вторых, значимость выделенных ремарок усилится в ходе повествования тем, что профессор Спицын, работая с Чагиным над проблемой памяти (Чагина мучает его память, точнее, он, помня всё, не может избавиться от чувства вины перед Вельским и Верой), предлагает ему поработать с текстом особенным образом. Григоренко и Чагин должны были по ролям разыгрывать данный текст, при этом Спицын дает следующее указание:

(24) Он попросил Чагина вместо ремарки *зевает* и *потягивается* зевнуть и потянуться. На слове *досада* Исидору было предложено изобразить досаду. Произнося *читал вот книгу и ничего не понял*, он должен был изобразить усиленное непонимание, которое было состоянием и самого Исидора: в текст он не вникал.

Как мы знаем, этот и другие приемы профессора Спицына помогут Чагину «стать обычным человеком», он постепенно будет утрачивать свою память. Кроме того, в конце жизни главный герой создаст свой текст, свою поэму. Знаком творческого преобразования – от запоминания чужого к созданию своего, причем не только для Чагина, но и для других героев, является также то, что выделенное курсивом незуальное слово появляется всего лишь четыре раза, по одному в каждой из четырех частей. Автор дает окказионализмы каждому из четырех основных повествователей: Чагину в первой части (фрагмент 25), Николаю Ивановичу во второй части (фрагмент 26); Эдуарду Григоренко в третьей части (фрагмент 27) и Павлу Мещерскому (фрагмент 28). См. данные контексты:

(25) Существовали слова, придуманные самим Чагиным. Скорее, может быть, даже явленные Чагину, потому что сознательным их конструированием он не занимался. Например, две сплюсненные трубы поливальной машины, из которых бьет вода, он про себя называл *ртучи*;

(26) Вне общежития побег был неошуществим... *Неошуществим?* В те дни я на нервной почве стал испытывать проблемы с этим словом – как в свое время испытывал их с *беспрецедентным*. <...> Так вот, кратные пяти, студенты безотлагательно разбивались на три группы и перемещались под неусыпным наблюдением спецсотрудников. Я же, в свою очередь, ошуществлял общее наблюдение за студентами и сотрудниками. Ошущест... Проверочное слово – *ошущение*?

(27) «Сайгон» был образцовым странным местом. Там *клубился* андеграунд;

(28) Перечитал сейчас эту фразу – первоклассный, в общем-то, китч. И я ее, знаешь, оставляю. У китча есть одно преимущество: он передает силу чувства, а хороший стиль с этим не справляется. Можно излить страсть в романсе, но это будет не страсть – *чувство*. А можно просто рычать. Это не так, может быть, эстетично, но отражает накал.

Все данные окказионализмы образованы различными способами контаминации. Так, слово *ртучи* – это соединение лексем *ртуть* и *тучи*, *неошуществим* – *неосуществим* и *ошущение*, *клубиться* – наложение метафорического переноса ‘скупиваться, тесниться, собираться’ и омонима *клуб* (от англ. *club*), лексема *чувство* вбирает в себя и манерное произношение, и детскую, ненормативную орфографию. И все эти слова подчеркивают важные черты психологического портрета персонажей – сверхчувствительное, «синестетическое» отношение к языку у Чагина, наивный взгляд на мир у Николая Ивановича, остроумие Эдуарда Григоренко и желание понравиться Нике, удержать ее внимание у Павла Мещерского.

Подведем итоги. Е. Водолазкин, интегрируя традиции курсивного выделения в романе «Чагин», творчески их преобразует. Каждое курсивное употребление подчиняется

смысловой доминанте текста, связанной с преобразованием личности, пути от фиксатора и передатчика чужих текстов к творческой самоактуализации. Курсив, маркируя линейно-деструктивные отношения в тексте, выполняет целый комплекс задач. Интонационный смысловой центр высказывания, выделенный курсивом, отражает темы феноменальной памяти главного героя и предательства. А выделение «чужого слова», обеспечивающее диалог автора и рассказчика, повествователей и читателя, героев романа друг с другом, «отвечает» за идею перерождения Чагина. Подтекстовый потенциал курсива наиболее ярко раскрывается в переключке сочиненных героями текстов и придуманных ими окказиональных лексем.

Литература

Василенко А. Г. Графически выделенное слово в лексической организации текста (на материале художественных и публицистических произведений Ю. В. Трифонова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017.

Водолазкин Е. Чагин: роман. М., 2022.

Гаспаров М.Л. Первочтение и перечтение: к тыняновскому понятию сукцессивности стихотворной речи // *Избранные труды*. М., 1997. Т. 2.

Жиличева Г. А. Неокумулятивная интрига в современной прозе (на материале романов А. Сальникова) // *Narratorium 2022* [электронный журнал]. Выпуск 16. URL: <https://narratorium.ru/2022/12/12/г-а-жиличева-новосибирск-нгпу-москва/>

Копнина Г. А. Выдвижение // *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник*. М., 2011. С. 89.

Меднис Н. Е. Функции курсива в русской прозе XIX века // *Меднис Н. Е. Поэтика и семиотика русской литературы*. М., 2011. С. 160–168.

Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий: монография. Новосибирск, 2006.

Сковородников А. П. Графон // *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник*. М., 2011. С. 106–109.

Трипольская Т. А. Выделенное слово в лексической организации текста // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: сб. ст. Новосибирск, 2008. С. 340–349.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л., 1924.

Тюпа В. И. Осевая нарратологическая категория в исторической перспективе // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 1. С. 10–31. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-10-31>

©Лаппо М.А., 2023

И. В. РУЖИЦКИЙ

г. Москва, Россия

konnitie@mail.ru

SPIN-код: 6340-2851

УДК 811.161.1'374:821.161.1-31(Достоевский Ф. М.)

ББК Ш141.12-4+Ш33(2Рос=Рус)5-4

ТОЧКА СЛУЧАЙНОСТИ В ВОЗМОЖНЫХ МИРАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В статье развивается идея о важности смысла 'порог, граница, предел' в тезаурусе Достоевского. Языковая игра рассматривается как сознательное нарушение языкового стандарта, при этом основное внимание уделяется её познавательной, или семантической, функции. Для Достоевского необходимо показать неопределённость, иллюзорность границ и пределов, им же самим устанавливаемых, что часто является главным мотивом использования языковой игры, частным случаем которой служит трансформация фразеологических единиц. Особое внимание уделяется функционированию в текстах Достоевского слова *точка*, в том числе и в составе игр. Точка и связанные с ней граница, предел – нечто одновременно определённое и в высшей степени неопределённое, между этими двумя полюсами и существует пространство возможных миров, создаваемых Достоевским. В качестве лексикографического источника используются материалы «Словаря языка Достоевского. Идиоглоссарий».

Ключевые слова: возможные миры, неопределённость, языковая игра, художественные тексты, предел, граница, точка, литературное творчество, тезаурусы, лексикография.

Ruzhitsky Igor V.

Moscow, Russia

EVENTUALITY POINT IN POSSIBLE WORLDS FYODOR M. DOSTOYEVSKY

Abstract. The article develops the idea of the importance of the meaning ‘threshold, boundary, limit’ in Dostoevsky's thesaurus. The play of words is considered as a conscious violation of the language standard, while the main attention is paid to its cognitive, or semantic, function. For Dostoevsky, it is necessary to show the indeterminacy, the illusiveness of boundaries and limits, which he himself establishes, that is often the main motive for play of words using – a special case of which is the transformation of phraseological units. Special attention is paid to the functioning of the word *point* in Dostoevsky's texts, including in words playing. A point and its associated boundary, limit, is something both definite and highly indefinite, and between these two poles there exists a space of possible worlds created by Dostoevsky. The materials of “Dostoevsky's Language Dictionary. Idioglossary” are used as a lexicographic source.

Keywords: Dostoevsky, possible worlds, indeterminacy, play of words, limits, borderline, point.

Ружицкий Игорь Васильевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия)
Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет
E-mail: konniti@mail.ru

Ruzhitsky Igor Vasilyevitch – doctor of philology, docent, professor of Russian language for foreign students department of philological faculty of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

В своей работе А.В. Павлова абсолютно справедливо

указывает на то, что классификации языковой игры следует строить на разных основаниях, учитывая такие параметры, как мотивы (цели) автора; производимый игрой эффект; жанры языковых игр или жанры текстов, в которых встречаются языковые игры; частотность и качество языковых игр по дискурсам; степень скрытости / ясности для восприятия; восприятие языковых игр разными социальными группами; степень органичности, вовлечённости в текст и др. (см. [Павлова 2014: 147–148]). Тем не менее вряд ли можно согласиться с критическим отношением автора статьи к классификации языковой игры по задействованным в ней языковым средствам (Б.Ю. Нормана и В.З. Санникова), с приводимыми аргументами, например, следующими: «...всегда существует опасность, что какие-либо языковые средства... окажутся в классификации подобного рода не включены – а значит, она будет неполной (см. [там же: 147]). Неполнота характерна практически для любой классификации, причём не только лингвистической, именно для этого при построении классификации и необходимо учитывать разноплановые параметры. Так, основание «мотивы (цели) автора», являющиеся предметом нашего внимания в настоящей статье, ни в коей мере не исключает ориентированности классификации языковой игры на используемые при её создании лингвистические средства.

Материалом для нашего исследования послужили тексты Ф.М. Достоевского, писателя и публициста, склонность которого к языковой игре достаточно широко известна (как и, например, аналогичная особенность идиостиля Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова, Н.С. Лескова и многих других писателей XIX века). Мотивом использования игровых приёмов может стать создание комического эффекта (такая функция языковой игры исследована в наибольшей степени); сильное влияние французской культуры и французского языка, где каламбурность стала обязательным элементом куртуазного поведения ещё с XVIII века на русскую культуру и русский язык (см. [Рут, Иванова 2013: 79]); большая значимость в середине и второй половине XIX века (расцвета языковой игры – см. [Рут, Цыплякова 2014: 207]) публицистического дискурса,

насыщенного, а подчас и перенасыщенного остроловием, стремлением разрушить существующие догматы и правила¹, любые нормы, в том числе и языковые, и его взаимодействие с художественной речью; литературные традиции и прямые заимствования и др.

В статье мы сосредоточим своё внимание на установлении возможных мотивов игрового употребления слова, имплицитно присутствующих в текстах Ф.М. Достоевского, – как в художественной прозе, так и в публицистике и в личных письмах (в деловых письмах языковой игры по понятным причинам нет). Мотивом является в первую очередь авторская интенция остановить внимание читателя на каком-нибудь месте, в какой-то «точке», нарушив тем самым автоматизм восприятия текста. Стандартизованность, шаблонность, заштампованность любого рода граничит у Достоевского с пониманием им пошлости.

В современном русском языке диапазон смыслов слова *пошлый* очень широкий, *пошлый* – это *заурядный, банальный, низкопробный, низкий в нравственном отношении, чуждый высших интересов и запросов, безвкусный, избитый, тривиальный, шаблонный, затасканный, самый обыкновенный, вульгарный, непристойный* и т. д. Можно было бы предположить, что у Достоевского *пошлый* встречается в основном как ‘низкий в нравственном отношении’, поскольку тема моральности и аморальности поступка является для писателя одной из основных. Однако из всех употреблений слова *пошлый* (61 раз) есть только один контекст, когда можно с уверенностью сказать о том, что раскрывается данное значение,

¹ Ф.М. Достоевский, вне всякого сомнения, относится к креативному типу языковой личности. Креативность – обязательная составляющая языковой игры как «особой формы адогматического речевого поведения»: «креативный процесс всегда содержит некое “зерно”, побудительный мотив к творческому поиску (в ситуации, когда обычный, стандартный речевой код невозможен или неприемлем для реализации интенции говорящего; собственно именно осознание проблемы запускает креативный процесс; поиск оригинального решения как второй этап этого процесса в случае языковой игры сопровождается созданием *игровых трансформ* (“игрем”) <...> в которых “просвечивает” некий прототип, представленный в свете новой интерпретации» [Гридина 2020: 14].

– в «Братьях Карамазовых». Все остальные контексты с *пошлый* связаны со значением ‘банальный, тривиальный, заурядный, ординарный’, т. е. как и в современном русском языке, но без реализации компонентов значения ‘неприличный, непристойный, скабрёзный’. Например, *пошлый дурак* – вовсе не тот, кто использует сниженную лексику, но слишком заурядный человек. Или *пошлейшая сплетня* – ‘заурядная, обычная, стандартная’. Подчинительные связи слова *пошлый* у Достоевского чрезвычайно интересные, повторы почти не встречаются (за исключением сочетания *пошлый дурак(-и)* – 3 раза, и *пошное слово* – 2 раза:

пошлый(-ая-ое-ые) аллегория, благоразумие, буквоедство, вежливость, выражение, дело, дорога, дура, дурак, дураки, души, заботы, значение, идеи, извиненья, интрига, лицо, мираж, наивности и пасторали, нечто, обвинение, обидчивость, ординарность, плантаторское мщение, порядок [вещей], пример, проза и скука, проявление, рабы, развлечения света, развратишко, размеры, размышления, расписание и календарь жизненный, самохвальство, смысл, сочинение, способ, чёрт, что-то; *пошлейший(-ая)* бездарность, глупость, мелочь, рифмоплёт, рутина, сплетня, французиска.

Что касается существительного *пошлость* (25 употреблений), то оно встречается исключительно в значении ‘банальность, тривиальность, заурядность’ (подробнее о слове *пошлость* у Достоевского см. в [Ружицкий 2019]).

Тот факт, что слово *пошлый* и его дериваты у Достоевского реализуются в подавляющем большинстве случаев в значении ‘банальный, тривиальный, заурядный, ординарный’, вовсе нельзя считать случайностью: писатель не принимал ничего стандартного, шаблонного, каких-либо готовых и не терпящих исключений формул, например, того, что дважды два непременно должно быть равно четырём.

Не следует, однако, думать, что такое отрицание Достоевским пошлости, т. е. ординарности, посредством языковой игры – одного из проявлений нарушения языкового стандарта в текстах писателя, является её единственной

функцией. В конце концов, если языковая игра слишком навязчиво используется в художественном или публицистическом творчестве, она сама становится пошлостью, что, в общем-то, довольно часто и происходит. Для Достоевского важно не просто нарушить стандарт, но сделать это в строго определённых случаях, в том месте, где осуществляется поиск вполне конкретного смысла. И здесь мы имеем дело уже с другой функцией языковой игры – познавательной, или семантической (о функциях языковой игры в текстах Достоевского см. также [Ружицкий 2015: 239–266]). В статье мы сфокусируемся в первую очередь на том, какую роль в текстах Достоевского выполняет языковая игра при передаче идеи границы, предела, занимающей в авторском тезаурусе ключевое место. На значимость установления Достоевским границ, пределов, идеи порога указывали многие учёные, начиная с М.М. Бахтина: «...пространство <во сне Раскольников> получает дополнительное осмысление в духе карнавальнoй символики. Верх, низ, лестница, порог, прихожая, площадка получают значение “точки”, где совершается кризис, радикальная смена, неожиданный перелом судьбы, где принимаются решения, переступают запретную черту, обновляются или гибнут. Действие в произведениях Достоевского и совершается преимущественно в этих “точках” <...>. Если мы теперь от сна Раскольникова обратимся к тому, что совершается в романе уже наяву, то убедимся, что порог и его заместители являются в нём основными “точками” действия» [Бахтин 1972: 291]. М.М. Бахтин обозначает «точки» порога, где совершается кризис, – комната Раскольникова, проходная комната Мармеладовых, пород старухи процентщицы и др. В сходном ключе значимость порога как идеи, мотива и понятия рассматривает Д. Арбан, заметив «частое употребление <Достоевским> этого символического образа <...> сложность и многозначность» данного понятия, «ибо в него входят значения, часто не отделимые одно от другого» [Арбан 1996: 19]. И далее: «...термин “порог” у Достоевского относится к трём уровням – уровням *мотива*, *темы* и *понятия* [здесь и далее в цитате курсив автора]. Как

мотив порог – часто возвращающийся элемент, нужный писателю для структуры романа и для его эстетики. Как *тема* порог являет собой переход, стык, пересечение, встречу – будь то встреча с другим человеком <...> или встреча с двойником. И наконец, порог представляет собой некую идеальную точку соединения прошлого и будущего и поддерживает у Достоевского *понятие* неосуществимого единения реальности и идеала» [там же]. Хотелось бы, однако, отметить, что само слово *порог* в текстах Достоевского особого интереса, на наш взгляд, не вызывает: ни довольно средняя частота его употребления (131 раз во всех текстах писателя, в основном в произведениях художественной прозы); ни значение – ‘брус, приступок под дверью; вход в какое-л. помещение’, полностью соответствующее дефинициям в современных толковых словарях. Гипотаксис тоже вполне традиционный:

порог высокий (3 употребления), скверный; *порог* гостиной, дома (3 употребления), кабинета, комнаты (5 употреблений), крокодильной, Разумихина, соприкосновения с природой; *порог* в комнату (2 употребления), в новую жизнь, в переднюю; *пороги* редакций (2 употребления), храмов; *до порога* доволочь, дойти, донести, допустить, не дойти, не доходить; *с порога* бросить, взглянуть, вскричать, повернуться, посмотреть (2 употребления), продолжать рассматривать, прокричать, спросить, указать; *у порога* лежать, оставить, остановиться, стать, сторожить, стоять (2 употребления); *порог* переступить; *за порог* войти, занести ногу, зацепиться, едва переступить, не переступать, не переходить, перейти, шагнуть; *через(чрез) порог* выскакивать, переступить (5 употреблений), ступить, шагнуть; *за порогом* держать ноги, устоять; *на пороге* встретить, выступить, завязнуть, лечь, обозначиться, обхватить, останавливаться, остановить (2 употребления), остановиться (12 употреблений), отрезать, отрясти прах с сапогов, показаться (14 употреблений), постоять (3 употребления), появиться (2 употребления), проговорить, промолвить, стать (10 употреблений), стоять (14 употреблений), ступить, торчать, увидеть, хвост обшлёпать, явиться (2 употребления); поскользнуться и чуть не упасть; *на порогах* литься.

Совершенно обычны и фразеологические сочетания со словом *порог*: *на пороге чего-л.* [‘в начале, на рубеже’], *обивать пороги* [‘настойчиво приходиться куда-л.’], *перейти / переступить(-ать) (через/чрез) порог чего-л. или чей-л., кого-л.* [в контексте о запрете или разрешении на посещение дома кого-л.]; *Вот бог, а вот порог*. Символическое значение порога в произведениях Достоевского укладывается в традиционные для русской культуры смыслы – ‘граница между своим и чужим’ и ‘начало пути, новой жизни’ (см. [СЯД 2017]). Большой интерес представляет не *порог*, а другие значимые для языковой картины мира Достоевского слова, идиоглоссы, выражающие идею разделение пространства на «своё» и «чужое», метонимически обозначающие в общем смысле идею границы и составляющие своего рода символическую парадигму, – *калитка, окно, крыльцо, дверь, ворота, забор, улица, тротуар, канава, стена, лестница, флигель, чердак, ширмы (ширма), угол* и др. Анализу некоторых из этих идиоглосс посвящена статья Н.Р. Конкиной, где, в частности, делается следующий вывод: «...группа слов со значением пространственного предела осмыслена Ф.М. Достоевским в близких для него понятиях биполярности *свой – чужой, открытый – закрытый, живой – мёртвый, пространство – граница, проницаемость – непроницаемость*, которые парадоксальным образом могут соединяться в одном текстовом ассоциативном поле» [Конкина 2019: 33].

Эта особенность тезауруса Достоевского – использование целой группы слов в символическом значении ‘предел, граница’, отмечается в примечаниях соответствующих словарных статей «Идиоглоссария Достоевского», например:

– для слова *тротуар*:

Тротуар можно также рассматривать как границу между двумя пространствами <...> а два тротуара по обеим сторонам дороги – как границу, оформляющую пространство проезжей части улицы и разделяющую персонажей [СЯД (рукопись)].

– для слова *ширмы*, *шарма*:

Обращает на себя внимание частотное употребление идиоглоссы *ширмы* в «Господине Прохарчине», где ширмы становятся символом ‘отъединения, отгораживания’ персонажа от жизни <...> При описании внутреннего состояния и событий в жизни некоторых персонажей слово *ширмы* используется в зн. ‘предмет, за которым что-либо скрывается’ и употребляется, когда речь идёт о чем-либо или о ком-либо в тайне желанном <...> В «Кроткой», помимо отгораживания, *ширмы* связаны с разрывом (брака), с разъединением, в противоположность кровати, соединению <...> [там же].

– для слова *флигель*:

Идиоглосса *флигель* в одном контексте со словами *чёрный*, *нечистый*, *мрачный*, *пожар* может выражать символическое значение некоего пограничного, «чёртового» пространства: во флигеле кончает жизнь самоубийством Кириллов; во флигеле в тринадцатой квартире живёт «незаконнорожденный» Аркадий; во флигеле лежит после припадка Смердяков <...> [там же].

Нет никакого сомнения в том, что Достоевский сознательно обращает внимание на создание в своих текстах различного рода границ, пределов, индикатором которых служит, например, очень частое (даже если иметь в виду относительную частоту употребления, которая намного выше, чем у других писателей, современников Достоевского – см. [Шайкевич и др. 2016]) использование слов *почти*, *слишком*, *даже*, *совершенно*, *совсем*, *чрезвычайно* и т. п. Как мы уже нами было отмечено, «анализ сочетаемости слова *почти* позволяет выявить те границы, те абсолюты, которые для Достоевского абсолютами не являются, и таким образом определить своего рода пространство существования “возможных миров”, создаваемых писателем» [Ружицкий 2020: 115]. Основными из таких границ являются пространственно-временной (хронотопический) предел; граница цвета; граница проявления чувств, эмоций; граница проявления болезни – припадка, сумасшествия и др.; граница случайности, неопределённости; ограничение какого-либо положительного

качества или свойства; ограничение синонимического или градационного ряда (подробнее см. [там же: 115–122]).

Своего рода конверсивом *почти*, отражающим недостижимость границы, предела, служит слово *слишком*, тоже высокочастотное у Достоевского, выполняющее в целом аналогичную с *почти* функцию, но фиксирующее уже то, что находится за пределом, за границей. Это отражено и в дефиниции идиоглоссы *слишком*: ‘чересчур, очень, в высшей степени; свыше меры, какого-л. предела, границы’ [СЯД 2021]. Переход за определённую границу в основном (но далеко не всегда) оценивается негативно:

[Парадоксалист] <...> *слишком* (за исключением специально оговоренных случаев курсив наш. – *И. Р.*) сознавать – это болезнь, настоящая, полная болезнь (Записки из подполья, 101)²; [Из рассказа генерала Иволгина] Женщина дикая; дикая женщина, так-таки совершенно из дикого состояния; а впрочем, дородная женщина, полная, высокая, блондинка, румяная (*слишком* даже), глаза на меня сверкают (Идиот, 93) [Д. Карамазов] Нет, широк человек, *слишком* даже широк, я бы сузил (Братья Карамазовы. Т. 14, 100); *Слишком* сильные духом и характером женщины, особенно если страстные, иначе и не могут любить, как деспотически, <и имеют даже особенную склонность к таким слабым, ребяческим характерам, как у артиста-дьячка.> (Дневник писателя. Т. 21, 85); [Н.Н. Страхову] Что *слишком* скоро и быстро понимается, – то не совсем прочно (Письма. Т. 29.1, 31).

В текстах Достоевского мы часто встречаем повторы слова *слишком*, выполняющие усилительную, аттракционную или людическую функции:

[Б. Ефимову] Но ты нетерпелив, ты болен своим нетерпением, у тебя мало простоты, ты *слишком* хитришь, *слишком* много думаешь <...> (Неточка Незванова, 152); [Иван Петрович] *Слишком* уж любишь ты его [Алешу], Наташа, *слишком*! (Униженные и оскорблённые, 199); [Изложение слов Келлера] Симпатии высоких

² Здесь и далее нумерация страниц в цитатах из текстов Ф.М. Достоевского даётся по [ПСС 1972–1990].

особ *слишком* известны, а князь *слишком* высок своим образованием, чтобы не быть высокою особой, говоря вообще! (Идиот, 486); Она [Хохлакова], может быть, гораздо достойнее, искуснее и натуральнее хотела бы выразить свою мысль, но вышло *слишком* поспешно и *слишком* обнажённо (Братья Карамазовы. Т. 14, 172); Зная это очень хорошо, плохие портретисты никак не могут справиться с обыкновенными лицами, в которых нос не *слишком* велик, однако не то чтобы и *слишком* мал, а рот и подбородок в самом деле умеренные (Публицистика. Т. 19, 162); [А.Г. Достоевской] *Слишком* привык к тебе и *слишком* стал семьянином (Письма. Т. 29.1, 333).

Обращает также на себя внимание нестандартность сочетаний наречия *слишком* с модальными словами и с глаголами мыслительной деятельности: *слишком* *понять/понимать*, *слишком* *знать*, *слишком* *видеть* (в зн. 'понимать'), *слишком* *видеть* и *понимать* и т. п., употребляемых в текстах всех жанров (за исключением деловых писем) в основном третьего периода творчества Достоевского и ярким образом характеризующих авторский идиостиль.

Не менее важным для Достоевского является показ неопределённости, иллюзорности границ и пределов, в том числе им же самим и устанавливаемых. Разрушение неопределённости пространственной и временной границы отражается как в частом использовании различных языковых средств для её создания, на что неоднократно обращали внимание исследователи языка Достоевского, так и в нарушении стандартной формы, например, типичных для русского литературного языка норм лексической и грамматической сочетаемости, в многочисленных новообразованиях и в такой характерной для идиостиля Достоевского черте, как модификация, или трансформация, фразеологических единиц.

На модификации устойчивых сочетаний, связанных, в частности, со значением границы, предела, нельзя не обратить отдельного внимания. Изучение модификаций (трансформаций) фразеологических единиц, а их, безусловно, можно рассматривать как игры (термин Т.А. Гридиной), – одна из самых популярных тем в лингвопоэтике и в лексикологии. Известно

множество классификаций такого рода модификаций – Н.М. Шанского, В.Н. Вакурова, В.В. Горлова, Т.С. Гусейнова, А.И. Молоткова и др. Среди способов трансформации выделяют перестановку слов, усечение фразеологизма, изменение его состава, в том числе вставка конкретизирующего определения и т.д.

Так, наречие *слишком* используется в одном контексте с фразеологическими сочетаниями и их модификациями, в состав которых входит идиоглосса *мерка*, тоже связанная со значением предела, границы – ‘то, что служит основанием, критерием для оценки чего-л., образцом’ (см. [СЯД 2012]):

[Горянчиков] Приходили в острог такие, которые уж *слишком* зарвались, *слишком* *выскочили из мерки* на воле, так что уж и преступления свои делали под конец как будто не сами собой, как будто сами не зная зачем, как будто в бреду, в чаду; часто из тщеславия, возбуждённого в высочайшей степени (Записки из Мёртвого дома, 13); Разговор, впрочем, скоро переменялся; но *слишком* особенное и всё ещё продолжавшееся беспокойство всё-таки *выходило*, по мнению наблюдавшего князя, *из мерки*, и что-то тут, наверно, было особенное (Идиот, 211); [Закладчик] Когда этакая забуйствует, то хотя бы и перескочила меру, а всё видно, что она сама себя только ломит <...>. Оттого-то этикие [кроткие] и *выскакивают* порой *слишком* уж не в мерку, так что но веришь собственному наблюдающему уму (Кроткая, 18) Они [поэты и романисты Запада] не приходились *под мерку* нашей *слишком* уже реальной критики того времени (Публицистика. Т. 19, 90); Как не согласиться, что многие явления даже прошедшей, отжившей жизни нашей мы *мерили слишком узкой меркой?* (Публицистика. Т. 19, 148); Наследовать же Константинополь одним грекам теперь уже совсем невозможно: нельзя отдать им такую важную точку земного шара, *слишком* уж было бы им *не по мерке* (Дневник писателя. Т. 23, 49); <...> с другого же краю, с высшего, тоже, думаю, земельная ошибка, но только уж другого рода ошибка, противоположная, а идёт, может быть, ещё с Хлодвига, покорителя Галлии: у этих уж *слишком* много земли на каждого, *слишком* уж велик захват, *не по мерке*, да и *слишком* уж сильно они им владеют, ничего не уступают, так что и там и тут ненормальность (Дневник писателя. Т. 23, 95).

Или фразеологические сочетания и их модификации с идиоглоссой *мера*:

[Алеша] Я хотел только сказать, что она [Наташа] меня уж *слишком* любит, так что уж *из меры выходит*, а от этого и мне и ей тяжело (Униженные и оскорблённые, 347); [Аркадий] С Версиловым, например, мы продолжали говорить, как самые добрые знакомые, но *до известной меры*: чуть *слишком* проскакивала экспансивность (а она проскакивала), и мы тотчас же сдерживались оба, как бы капельку стыдась чего-то (Подросток, 308); [Н.Н. Страхову] <...> я, давно уже зная Ваш характер лично, уверен, что Вы *слишком не в меру* обескураживаетесь после первой неудачи (Письма. Т. 30.1, 207).

Скажем подробнее ещё об одной идиоглоссе Достоевского, связанной со значением предела, границы, – слове *точка*.

Значения слова *точка* в текстах Достоевского (305 употреблений) в целом соответствуют предлагаемым в толковых словарях дефинициям (см. [СЯД (рукопись)]):

1. Определённое место в пространстве, внутри или на поверхности чего-л.

[Горянчиков] Тусклый ночник светит вдали у дверей яркой *точкой*, а в нашем конце полумрак (Записки из Мёртвого дома, 165); На обеих щеках его [Коли] показалось по красной *точке* румянца (Братья Карамазовы. Т. 14, 498); Боже, какая насмешливая улыбка явилась бы у какого-нибудь австрийца или англичанина, если б он <...> дочитался бы вдруг до такого *положительного* [курсив Достоевского] заключения: «Константинополь, Золотой Рог, первая политическая *точка* в мире – это ли не захват?» <...> Наследовать же Константинополь одним грекам теперь уже совсем невозможно: нельзя отдать им такую важную *точку* земного шара, слишком уж было бы им не по мерке (Дневник писателя. Т. 23, 49).

2. Что-л. очень маленькое, с трудом различимое.

[Горянчиков] Разглядишь какую-нибудь птицу в синем, прозрачном воздухе и долго, упорно следишь за её полётом: вон она всполоснулась над водой, вон исчезла в синеве, вон опять

показалась чуть мелькающей *точкой*... (Записки из Мёртвого дома, 178); [Ставрогин] Я поскорее закрыл опять глаза, как бы жаждая возвратить миновавший сон, но вдруг как бы среди яркого-яркого света я увидел какую-то крошечную *точку*. Она принимала какой-то образ, и вдруг мне явственно представился крошечный красненький паучок. Мне сразу припомнился он на листке герани, когда так же лились косые лучи заходящего солнца (У Тихона, 22).

3. Момент в развитии, течении, ходе чего-л.; основание для какого-л. действия.

[Пётр Александрович Александре Михайловне] Мне было тяжело видеть её [Неточку] подле вас, в ваших объятиях, за одним столом вместе с нами, в доме моем, наконец. Меня возмущала слепота ваша. Вот почему, и только поэтому, я обращал на неё внимание, следил за нею; это-то внимание бросилось вам в глаза, и, взяв бог знает какое подозрение за исходную *точку*, вы бог знает что заплели по этой канве (Неточка Незванова, 264); [Д. Карамазов А. Карамазову]Ты ещё и несовершеннолетний вдобавок, а надо непременно, непременно, чтобы ты сегодня уже ей [Катерине Ивановне] откланялся, с деньгами или без денег, потому что я дальше тянуть не могу, дело на такой *точке* стало (Братья Карамазовы. Т. 14, 111); И пусть не смеются надо мной, что я верю, что такая черта у нас преобладает [курсив Достоевского]; я убеждён, что не преувеличиваю и что мы стоим теперь на этой именно *точке* развития, так сказать, в массе нашей (Дневник писателя. Т. 25, 128); [А.Г. Достоевской] Милый мой друг, вчерашний день опять ничего не решил, я всё ещё на одной *точке* и леплюсь кое-как и не добился, покамест, ни до какого результата, так что и опять не выезжаю; что-то скажет сегодняшний день? <...> Во всяком случае, завтра получишь от меня точное известие, то есть выезжаю ли я или нет? (Письма. Т. 28.2, 188)

4. Общее в чертах характера, мнениях, взглядах и т. п.

[Закладчик о Кроткой] Я великодушен, она тоже – вот и точка соединения! (Кроткая, 34); В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во всё вживается. <...> Он инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях

других народов; тотчас же соглашает, примиряет их в своей идее, находит им место в своём умозаключении и нередко открывает *точку* соединения и примирения в совершенно противоположных, сопернических идеях двух различных европейских наций, – в идеях, которые сами собою, у себя дома, ещё до сих пор, к несчастью, не находят способа примириться между собою, а может быть, и никогда не примирятся (Публицистика. Т. 18, 55).

5. Черта, свойство характера; чьё-л. слабое место.

[Ставрогин Шатову] Есть такая *точка*, где он [П. Верховенский] перестаёт быть шутком и обращается в... полупомешанного. <...> Пожалуйста, не смейтесь, он очень в состоянии спустить курок (Бесы, 193); Возьмите наше пространство и наши границы (заселённые инородцами и чужеземцами, из года в год всё более и более крепчающими в индивидуальности своих собственных инородческих, а отчасти и иноземных соседских элементов), возьмите и сообразите: во скольких *точках* мы стратегически уязвимы? (Дневник писателя. Т. 21, 92)

6. Знак препинания, разделяющий предложения.

Вы зло посмеялись надо мною, г-н Наблюдатель, за одну фразу в статье моей об оправдании подсудимой Корниловой <...>. Мне кажется, что я не могу написать такой глупости. Правда, вы цитуете мою фразу точно, но вы что сделали: вы перерезали её пополам и там, где ничего не стояло, поставили *точку*. <...> У меня *точки* на этом месте нет, фраза продолжается, есть и другая половина её, и думаю, что вместе с этой другой, вами отброшенной половиной, фраза вовсе не так бестолкова и «трогательна», как она представляется (Дневник писателя. Т. 26, 109).

В подавляющем большинстве случаев в употреблении слова *точка* Достоевский абсолютно «геометричен». Кстати сказать, геометрия была одним из самых любимых предметов писателя во время его учёбы в Главном инженерном училище. Согласно положениям евклидовой геометрии, точка – это самая простая фигура, из которой состоят все остальные геометрические фигуры, не имеющая размера и формы и неделимая на части.

Любая более сложная фигура – не что иное, как множество точек, обладающих определённым свойством, характерным только для данной фигуры. Собственно говоря, тот же порог есть отрезок, кратчайшее расстояние между двумя точками. И упомянутые выше лексические единицы со значением предела, границы, несомненно важные для Достоевского, вполне укладываются в евклидово пространство, создаваемое пересечением трёх линий в одной точке.

Тем не менее не следует считать, что точка – исключительно пространственная категория, *миг, мгновение, полсекунды, четверть секунды (до самой последней четверти секунды), десятая доля секунды, окончательная секунда, та самая секунда, в ту же секунду, в эту самую секунду* (это только в одном романе – «Идиот», что, конечно, не случайно в связи со значимостью языковой репрезентации концепта ‘время’ в тексте данного произведения) и другие подобные идиоглоссы – точки минимального, почти полного укорачивания времени, в момент которых у Достоевского и совершается какое-то важное действие. Отсюда и повышенный интерес писателя к словам *тотчас (тотчас же)* (2445 употреблений) и *вдруг* (5867 употреблений), регулярно встречающихся в одном со словом *точка* контексте.

Частое употребление слова *тотчас* может объясняться стремлением Достоевского отразить сокращение, вплоть до полного исчезновения, отрезка времени между двумя действиями, событиями или состояниями. Что касается слова *вдруг*, которому исследователи языка Достоевского (М.М. Бахтин, А.А. Белкин, В.В. Виноградов, Е.Л. Гинзбург, В.Н. Топоров, А.Л. Слонимский и другие) посвятили, пожалуй, больше всего работ, то анализ его функционирования в текстах писателя разных жанров «позволяет предположить, что во *вдруг* сконцентрировано отношение писателя ко времени вообще и к любому человеческому поступку в этом времени, в том числе и в диалоге с кем-либо или с самим собой. В нём – случайность, неожиданность, а главное – неподчинённость поступка и мысли объективным причинно-следственным законам. *Вдруг*, реализуя такие семантические оппозиции, как *рациональность ≠*

иррациональность, случайность ≠ закономерность, одновременность ≠ последовательность, мгновенность ≠ постепенность, целиком ≠ по частям, непредсказуемость ≠ заданность и т. п., выполняет тезаурусообразующую функцию, скрепляя различные элементы текста, обеспечивая их связанность и целостность. *Вдруг* – точка, почти ничто<...>в этом “почти ничто” у Достоевского пересекаются и линии развития сюжета, и мотивы, и состояние героев и самого автора. Здесь исчезает время, то самое время, которое так любит “укорачивать” Достоевский <...>» [Ружицкий 2015: 99].

Точка представляет собой своего рода «геометрический примитив» (если провести аналогию с «семантическими примитивами» А. Вежбицкой – неопределимыми словами, элементарными единицами смысла, которые сами неразложимы). Именно в точке, временной, пространственной и др., могут сконцентрироваться все возможные смыслы, она сама в высшей степени парадоксальна. Точка и связанные с ней граница, предел – нечто определённое и одновременно в высшей степени неопределённое, что как раз и важно для Достоевского (писатель любил не только евклидову геометрию, но и неевклидову, например, интересовался идеями Н.И. Лобачевского и др.³). Это два полюса, между которыми и

³ Этот интерес Ф.М. Достоевского нашёл отражение в романе «Братья Карамазовы», в двух диалогах И. Карамазова – с А. Карамазовым и с чёртом, своим двойником: [И. Карамазов А. Карамазову] «А потому и объявляю, что принимаю бога прямо и просто. Но вот, однако, что надо отметить: если бог есть и если он действительно создал землю, то, как нам совершенно известно, создал он её по евклидовой *геометрии*, а ум человеческий с понятием лишь о трёх измерениях пространства. Между тем находились и находятся даже и теперь *геометры* и философы, и даже из замечательнейших, которые сомневаются в том, чтобы вся вселенная или, ещё обширнее – всё бытие было создано лишь по евклидовой *геометрии*, осмеливаются даже мечтать, что две параллельные линии, которые, по Эвклиду, ни за что не могут сойтись на земле, может быть, и сошлись бы где-нибудь в бесконечности. Я, голубчик, решил так, что если я даже этого не могу понять, то где ж мне про бога понять» (Братья Карамазовы. Т. 14, 214); [Чёрт И. Карамазову] «Здесь, когда временами я к вам переселяюсь, моя жизнь протекает вроде чего-то как бы и в самом деле, и это мне более всего нравится. Ведь я и сам, как и ты же, страдаю от фантастического, а потому и люблю ваш земной реализм. Тут у вас всё

появляется пространство «возможных миров» (подробно о «возможных мирах» в семантическом пространстве Достоевского см. [Ружицкий 2017]). А ещё точка – самый абстрактный, нульмерный, объект в пространстве, неизмеримый и неизменный. Это некий абсолют, которого, по мнению Достоевского, быть не должно (за исключением, конечно, Бога, Христа), тем не менее именно открытое множество, представленное точкой, необходимо для возникновения «возможных миров». «Возможные миры» и создаются вокруг точки. Только определённая или только неопределённая исключает «возможные миры», становится пошлостью. Языковая игра – один из способов преодоления такой пошлости. У Достоевского в приведённых выше иллюстрациях употребления слова *точка* всё, на первый взгляд, абсолютно конкретно, точно, определённо и укладывается в евклидову геометрию: 1) место в пространстве или на поверхности; 2) место начала чего-л; 3) место пересечения; 4) почти ничто; 5) обращающее на себя внимание место. Однако именно эта определённая евклидова геометрия, которую Достоевский сам же создаёт в смысловом пространстве своих текстов, его часто и не устраивает.

Абсолютно определённый, соответствующий нормам русского литературного языка фразеологизм *дойти (довести) до точки* ('до крайнего предела, до крайности'), Достоевского совершенно не удовлетворяет. Хотя, конечно, он встречается в текстах писателя, регулярно появляются его модификации, чаще всего с конкретизирующим определением *известный*, скорее не уточняющим значение фразеологизма, но, наоборот, делающим его значение неопределённым, туманным:

[Рассказчик] <...> *дойдя до известной точки*, взбешённый человек вдруг как будто сам себя испугается, останавливается, как ошеломлённый, с ужасным вопросом: «Что это такое я наделал?»

очерчено, тут формула, тут *геометрия*, а у нас всё какие-то неопределённые уравнения. Я здесь хожу и мечтаю» (Братья Карамазовы. Т. 14, 73). Некоторые Достоевисты полагают, что идеи, излагаемые И. Карамазовым («евклидов ум»), наиболее приближены к авторской точке зрения.

(Дядюшкин сон, 387); [Горянчиков] Нередко сами себя обманывают, начинают с страшной горячкой, остервенением... думаешь: вот бросятся друг на друга; ничуть не бывало: *дойдут до известной точки* и тотчас расходятся (Записки из Мёртвого дома, 25); [М.М. Достоевскому] Ты, например, начал свою торговлю. Сколько труда-то, а какие результаты? Что ты нажил? Ещё слава богу, что жил чем-нибудь да детей воспитал. Торговля же твоя *дошла до известной точки* и остановилась (Письма. Т. 28.1, 376).

Ср. также использование «конкретизатора» *известный* для идиоглоссы *граница*, употребляемой в составе трансформированных фразеологических единиц:

И тот и другой употребляют краски, во-первых, обыкновенные, а потом, вдобавок к ним, пускают там и сям эффекты – тоже с естественным источником, но преувеличенные до последней степени, до той точки, где начинается уже карикатура. Собственно говоря, в этом сравнении для г-на Айвазовского оскорбительного ничего нет; всё искусство состоит в известной доле преувеличения, с тем, однако же, чтобы *не переходить известных границ*. Портретисты это знают очень хорошо (Публицистика. Т. 19, 162).

Известная (точка, граница), конечно, не единственный «конкретизатор», посредством которого Достоевский трансформирует устойчивые сочетания, такую же функцию в составе других фразеологизмов со словом *точка* выполняют *последняя, невозможная, высшая, серьёзная, весьма хорошая, любопытнейшая* и др. Интересны также «конкретизаторы» сочетания *с точки зрения – благородной и высокой, совершенно другой, ошибочной, несчастной, серьёзной, совсем немыслимой, новой, гнусной, экономической* и др.

Достоевский – личность абсолютно конкретная (конечно, не в современном, начиная с «лихих 1990-х» годов, употреблении слова *конкретный* по отношению к человеку). У него была страсть к различного рода деталям – привычка в молодости, когда ещё только начинал заниматься литературным трудом, ходить за каким-нибудь прохожим и наблюдать за всеми его действиями; сосчитать точное количество деревьев во дворе Петропавловской крепости; считать количество шагов или

количество этажей в здании; постоянно фиксировать вплоть до копейки все расходы и доходы; в подробностях описывать своё состояние до и после припадка... Эта склонность к конкретизации, безусловно, нашла отражение в творчестве писателя и в дневниковых записях: многочисленные уточнения; автономное употребление слова, т. е. использование слова в поясняющем его значении контексте; нанизывание друг на друга синонимов; амплификация и т. д. Так, Достоевский нейтрализует неопределённость времени, конкретизирует его, что, в частности, отражается в употреблении в некоторых контекстах слова *давеча*, где уточняется семантический компонент 'недавно'. Достоевский обозначает границы этого «недавно» (подробнее о функционировании слова *давеча* в текстах Достоевского (см. [Ружицкий 2015: 117–120]):

[Князь Мозглякову] А вот мы уже к мо-нас-тырю подъезжали... | – Знаю, дядюшка, *давеча*. | – Нет, нет, два часа тому назад, не более (Дядюшкин сон, 365); Конечно, и в мыслях его [Фомы] не было выйти из «этого дома», так же как и *давеча* не было, как не было и вчера, как не было и тогда, когда он копал в огороде (Село Степанчиково и его обитатели, 153).

Нет никакого сомнения в том, что Достоевский знал за собой склонность к конкретизации и детализации и компенсировал создаваемый им евклидов мир полем неопределённости, используя весь арсенал соответствующих лексико-грамматических средств, в том числе и языковую игру, что вполне естественно: нарушение стандарта, шаблона вносит хаотизацию в относительно закрытую языковую систему, что необходимо для возникновения движения, действия, создания «возможных миров».

Литература

- Арбан Д.* «Порог» у Достоевского (Тема, мотив и понятие) // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 2.Л., 1976. С. 19–29.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. М., 1972.

Гридина Т.А. Идиостилевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна // Лингвистика креатива–5: коллективная монография / под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2020. С. 14–60.

ДСА – Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870 гг. Т. 2. М., 2016.

Конкина Н.Р. Текстовое семантическое поле пространственного предела (на материале «Словаря языка Достоевского») // Rhema. Рема. 2019. № 1. С. 20–35. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-1-20-35

Павлова А.В. Признаки, условия успеха языковой игры и возможности её классификации // Лингвистика креатива–3: коллективная монография / под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2014. С. 137–148.

ПСС – Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972–1990.

Ружицкий И. В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: монография. М., 2015.

Ружицкий И.В. «Возможные миры» в семантическом пространстве Достоевского // STERHANOS. 2017. № 1(21). С. 9–21.

Ружицкий И.В. Ключевые концепты русской культуры в языковой картине мира Ф.М. Достоевского // Преподавание русского языка как иностранного и литературы в Индии: Тенденции и перспективы развития. М., 2019. С. 84–94.

Ружицкий И.В. Аттракционная функция слова «почти» в текстах Ф.М. Достоевского // Лингвистика креатива–5: коллективная монография / под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург, 2020. С. 113–124.

Рут М.Э., Иванова Е.Н. Языковая игра в дискурсе языковой личности XVIII–XIX вв. // Лингвистика креатива–1: коллективная монография / под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург, 2013. С. 78–86.

Рут М.Э., Цыплякова К.О. Сравнительная характеристика особенностей языковой игры в журнальной публицистике XIX и XX веков // Лингвистика креатива–3: коллективная

монография / под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2014. С. 178–207.

СЯД 2012 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (И–М). Т. III / под ред. Ю.Н. Караулова. М., 2012.

СЯД 2017 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Н–По) Т. IV/под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. И.В. Ружицкий. М., 2017.

СЯД 2021 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (По–С). Т. V / под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. И.В. Ружицкий. М., 2021.

СЯД (рукопись) – Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. (Т–Я) Т. VI/ под ред. Ю. Н. Караулова; науч. ред. И.В. Ружицкий.– *в рукописи.*

©Ружицкий И.В., 2023

Раздел III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

И.А. БУБНОВА

г. Москва, Россия

aribubnova@gmail.com

SPIN-код: 8509-4941

УДК 316.77
ББК С524.224

ЭМОДЗИ: КРЕАТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ «ЖИТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА» ИЛИ НОВЫЙ «ЭФФЕКТ СОБАКИ ПАВЛОВА»?

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению смайликов и эмодзи как знаков интернет-языка, широко используемых в коммуникации. Детально обсуждается история создания данных символов. Доказывается, что, несмотря на частое их отождествление, данные знаки кардинально различаются между собой, что обусловлено разными мотивами, лежащими в основе их создания. Приводятся аргументы в пользу того, что эмодзи не имеют отношения к феномену креативности, а их появление обусловлено общей целью глобального проекта, направленного на искусственное конструирование желаемой модели поведения, формирование отношения к чему-либо с помощью символа, воздействующего на сознание и постепенно изменяющего алгоритм работы мозга. Анализируется коммерческая составляющая данного проекта. Обосновываются выводы лингвистов, полагающих, что постоянное использование эмодзи в коммуникации является рефлексорным поведением, ведущим к разбалансированности индивидуальной структуры знаний и

закреплению в мозге новых связей. Высказывается предположение, что основным следствием этого процесса является постепенное перерождение мозга и, соответственно, превращение человека в новое биологическое существо, утратившее выработанные в ходе эволюции качества.

Ключевые слова: эмоджикон, эмодзи, смайлики, креативность, глобальные проекты, головной мозг, постепенная деградация, новое биологическое существо, Интернет, интернет-коммуникации, интернет-технологии, интернет-ресурсы, интернет-язык, знаки.

BUBNOVA IRINA A.

Moscow, Russia

ЕМОДЖИ: THE CREATIVITY OF MODERN "INTERNET RESIDENTS" OR A NEW "PAVLOV'S DOG EFFECT"?

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of emoticons and emoji as signs of the Internet language, which are widely used and often seen as interchangeable in communication. The history of the creation of these symbols is considered. It is proved that these signs are fundamentally different from each other due to the fact that their creation is based on different motives. Arguments are given confirming that emoji have nothing to do with the phenomenon of creativity. It is suggested and substantiated that the creation of emoji correlates with the overall goal of a global project aimed at artificially constructing the desired behavior model, forming an attitude to something with the help of a symbol that affects the mind and gradually changes the functioning of the brain. The commercial component of this project is analyzed. Methods are traced that have made it possible to intensify the use of emoji by ordinary users, and turn this action into a conditioned reflex that leads to an imbalance in the individual structure of knowledge and the consolidation of new unproductive connections in the brain. It is argued that the main consequence of this process is the gradual degeneration of the brain and, accordingly, the transformation of a person into a new

biological being that has lost the qualities developed during evolution.

Keywords: emoticons, emoji, creation, motive, creativity, global project, brain, gradual degeneration, a new biological being.

Бубнова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной филологии. Московский городской педагогический университет (Москва, Россия). Адрес: 129226, Россия, Москва, ул. 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4. E-mail: aribubnova@gmail.com

Bubnova Irina Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Philology. Moscow City University (Moscow, Russia)

В 2015 году крупнейшая **коммерческая** (sic!) компания Oxford Dictionaries в партнерстве с фирмой Swift-Key, главным направлением деятельности которой «совершенно случайно» является разработка мобильных технологий, избирает знак эмодзи *безудержная радость* (face with tears of joy) словом года среди таких номинантов как sharing economy, they, on fleek, ad blocker, refugee, Brexit, Dark Web, lumbersexual [Oxford Languages. URL]. Важно отметить, что ее президент Каспер Гразвоул впоследствии признавался, что они ожидали негативной реакции со стороны поколения X, бумеров и традиционалистов, однако осознанно совершили данный выбор, так как их целью было начать дискуссию о том, что сегодня характер коммуникаций меняется, и поставленная задача, по мнению руководства компании, была успешно реализована.

С К.Гразвоулом нельзя не согласиться: число публикаций, посвященных эмодзи, стремительно растет, причем весьма примечательным, на наш взгляд, является тот факт, что в обсуждении этих знаков, не просто широко используемых в современной Интернет-коммуникации, но уже и вышедших далеко за ее пределы, более чем активное участие принимают не лингвисты, а представители самых разных сфер деятельности, часто далеких от науки.

Ключевым вопросом, вызывающим серьезные разногласия в оценках данного феномена среди исследователей языка

интернета, является вопрос об эмодзи как некоем глобальном языке будущего.

Приверженцы данной точки зрения, довольно энергично продвигаемой в общественное сознание создателем Эмотикона Трейси Пикет, убеждены, что разрабатываемые и внедряемые в интернет-пространство динамичные и культурно релевантные эмодзи, используемые различными социальными группами на разнообразных платформах, станут языком, на котором будет общаться весь мир. Представляя эмодзи как новый этап в развитии смайликов, они делают акцент на двух факторах: во-первых, на необходимости восполнить элементы, обеспечивающие адекватное понимание в процессе общения в виртуальной коммуникации; во-вторых, на возможности, предоставляемой каждому пользователю такой системой, проявлять свой творческий потенциал в ходе создания новых знаков.

Однако эти аргументы не выдерживают серьезной критики, так как изначально они основываются на ложном утверждении о тождестве двух типов упоминаемых символов, которые в действительности имеют совершенно несходную основу.

Естественность появления эмотикона или смайликов, определяемых сегодня как «стилизованное изображение мимики человеческого лица, реализованное в псевдографике, с целью передать оппоненту эмоциональный настрой говорящего, в условиях общения, опосредствованного печатаемыми через клавиатуру символами» [Саксонова 2007: 95–96], в цифровом пространстве оспаривать сложно. Человеку необходимо выражать те многие телесные проявления эмоций и чувств – симпатию и антипатию, согласие и несогласие, поддержку, одобрение и т. д., метафорически обозначенные И.Н.Гореловым как «безмолвный **мысли знак**» [Горелов, Енгаличев 1991] [выделено нами – *И.Б.*], и эмотикон дает такую возможность, причем это очевидная его функция.

Более того, эмотикон не пионер в этой области, у него есть предшественники – первые официально признанные печатные символы, отображающие эмоциональную окраску: знак вопроса, многоточие и восклицательный знак, появившиеся еще на заре

книгопечатания. В XX веке идея о необходимости создания типографического знака, символизирующего улыбку, высказанная В.В.Набоковым, была воплощена в жизнь Скоттом Фалманом, предложившим использовать двоеточие, дефис и закрывающую скобку для выражения эмоции в сетевом общении. Именно так и возникли знаки, известные сегодня как смайлики, которые с сентября 1982, дня своего рождения, практически не изменившись, продолжают употребляться в коммуникации и вполне успешно выполняют свою роль символа для передачи эмоционального состояния. И в этом смысле они стоят в одном ряду и с изображениями, найденными в настоящее время в разных частях света учеными-археологами, и с рисунками ребенка, родившегося в любой точке мира уже в XXI веке, так как их появление обусловлено базовой потребностью человека, роднящей Homo sapiens с другими биологическими видами.

На наш взгляд принципиальное значение имеет тот факт, что смайлик как иллюстрация эмоции всегда «вписан» в речь, неважно – внутреннюю или внешнюю, однако он в любом случае лишь сопровождает вербальное сообщение, подчиняясь ему. Это его главная черта, которая очень ярко прослеживается в детском рисунке, где по мере взросления ребенка изображение уменьшается, уступая место букве, подписи, и, наконец, полноценному тексту. По сути, во всех наблюдаемых изменениях в рисунке, связанных с онтогенезом, как в капле воды отражаются этапы перестройки человеческого мозга, прошедшего путь от инстинктов к способности запечатлеть в рисунке свои эмоции, чувства, разные события, свои действия, мир вокруг себя и, затем, к способности записать и прочесть запечатленную уже в знаках мысль.

Иными словами, с точки зрения деятельности мозга, который в ходе исторического развития, сопровождавшегося появлением огромного количества новых нервных проводящих путей, позволивших развиться линейному мышлению, приведшему, в свою очередь, к специализации полушарий, сегодняшний смайлик, решающий задачу передачи эмоций в новых условиях коммуникации, является результатом работы сразу нескольких

отделов новой коры. Его внешняя форма (а современный смайлик, как уже упоминалось выше, – это эмотикон, пиктограмма, создаваемая из типографических знаков) подчинена смыслу, заложенному самим пользователем, в силу чего графическое изображение может быть различным и ограничено только воображением, внутренним творческим потенциалом человека, а также знанием довольно простых правил, ориентируясь на которые каждый, кто хочет, может изобрести все новые и новые смайлики, обозначающие самые разные действия или понятия.

Эмодзи кардинально отличаются от смайликов, причем эти отличия заключаются не только в графике, как это часто утверждают авторы многочисленных публикаций. Несмотря на то, что и смайлик, и эмодзи появились благодаря конкретным людям, их базовое несходство коренится в мотиве, лежащем в основе их создания, и, соответственно, в цели их использования в коммуникации. Если появление смайлика было обусловлено поиском средств, позволяющих выразить эмоцию в отсутствие прямого контакта с собеседником, то всем известный сегодня знак эмодзи, появившийся в 1963 году, т.е. значительно раньше смайлика, сразу представлял собой законченную картинку, стилизованное графическое изображение улыбающегося лица, нарисованное американским художником Харви Боллом [Nonan, Ball 2001] по заказу руководства страховой компании, решившего исправить мораль в коллективе путем пропаганды всеобщего веселья. Иначе говоря, изначально целью использования эмодзи было искусственное конструирование желаемой кем-то внешней модели поведения, формирование отношения к чему-либо с помощью символа, т.е. прямое воздействие на сознание.

Фактически эмодзи стали продолжением начатого еще в начале XX века проекта по формированию массового одномерного человека, основные качества которого детально проанализированы в работах Хосе Ортеги-и-Гассета [Гассет 2016] и Г.Маркузе [Маркузе 2003], программы, старт которой практически совпал с выходом известных сегодня каждому, кто работает в сфере воздействия, книг Эдварда Бернейса [Бернейс

2016] и Уолтера Липпмана [Lippmann 1922], где были представлены совершенно новые стратегии рекламы, ставящей своей конечной целью не столько продвижение и продажу какого-либо товара, но, прежде всего, руководство действиями людей, создание абсолютно нового человеческого типа – человека общества потребления. Именно тогда был сделан первый шаг в реинтеграции мозга, достижению которого способствовало слияние в рекламе мысли и слова. Следующей ступенью стал изобретенный несколько позже в рамках набирающей популярность поп-культуры интегрированный язык, где ведущую роль играл уже визуальный стимул (можно предполагать, явившийся прообразом современных эмодзи и стикеров), считываемый потребителем и формирующий на бессознательном уровне его потребности. Таким образом, появившиеся в шестидесятых годах эмодзи, в которых, как в рекламе и поп-культуре, но уже на другом уровне, объединились мысль, чувство и слово, явились просто еще одним этапом на пути к достижению поставленной цели, и, одновременно, еще одним чрезвычайно выгодным коммерческим планом.

С изобретением в 1999 году первого набора эмодзи, включившего в себя уже 176 символов, коммерческая составляющая данного проекта стала еще очевиднее. Эмодзи начинают навязываться пользователям различными гигантскими корпорациями (первой в этом списке оказалась Apple), разрабатывающими и продающими коммуникационные и медиа устройства, что способствует их быстрому распространению в интернет-пространстве через социальные сети и различные мессенджеры. Параллельно к популяризации эмодзи подключаются деятели масс-культуры и печать, их активно используют художники, издатели, они проникают в медицину и образовательный процесс, в городской ландшафт (в нидерландском городе Ватхорст их можно увидеть на фасаде одного из зданий), их демонстрируют на всемирных ярмарках искусств и популярных выставках, помещают в коллекции нью-йоркского Музея современного искусства, используют для пересказа фильмов и классических произведений литературы (в

2013 в Библиотеку Конгресса США добавляется пересказанный с помощью эмодзи роман Германа Мелвилла «Моби Дик», в 2015 таким же образом пересказывают речь Б.Обамы).

К настоящему моменту сферы использования эмодзи продолжают расширяться во многом благодаря постоянному пополнению их банка, предлагающего символы практически для любого феномена. Современная ситуация в мире (в частности, социокультурные явления, такие как, например, феминизм и толерантность к представителям LGBT-сообщества) немедленно отражаются на его составе, позволяя пользователям продемонстрировать их культурную и социальную принадлежность, с помощью разных типов эмодзи подобрать предпочитаемый цвет кожи, гендер, возраст. Уже существуют эмодзи для репрезентации однополых отношений, людей с ограниченными возможностями, профессиональной принадлежности человека, причем многие из них дублируются, что дает возможность выбрать из банка смайликов картинку как мужчины, так и женщины. Появились даже онлайн-переводчики, способные преобразовать вербальное высказывание на «язык эмодзи», и эти переводчики постоянно продолжают совершенствоваться.

Необходимо отметить, что в наши дни активное продвижение эмодзи в виртуальном пространстве уже перешло на следующую ступень: сегодня в некоторых мессенджерах и в социальной сети Вконтакте наряду с эмодзи пользователю рекомендуются стикеры – их более эмоциональные варианты, зачастую представляющие собой не статичную картинку, а целую анимацию, значительно усиливающую эмоциональный фон, на котором воспринимается сообщение.

В совокупности все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что эмодзи – это определенная коммуникативная интернет-технология, используемая с целью воздействия на аудиторию, трансляции требуемой информации, организации сетевых сообществ и координации их деятельности, формирования общественного мнения по важнейшим проблемам. Их способность придавать тексту не просто большую эмоциональную окраску, но и расставлять

смысловые акценты, служить средством презентации своих взглядов и предпочтений в различных жизненных сферах, а также постоянное пополнение существующего набора эмодзи и многовариантность его использования, создание переводчиков на язык эмодзи, попытки создания правил сочетания знаков между собой дают веские основания утверждать, что эмодзи действительно пытаются сделать неким новым «универсальным глобальным языком», который способен заменить родной язык пользователей интернета.

Однако, несмотря на огромное количество свидетельств деструктивного воздействия эмодзи на язык и на человека, мнение об их разрушительном эффекте разделяется далеко не всеми лингвистами. Значительная их часть убеждена в отсутствии какой-либо опасности, исходящей от повсеместно используемых новых символов (см., например, [Crystal 2011, 2001]). Их оппоненты, категорически не согласные с данной позицией, рассматривают эмодзи, стикеры, мемы как навязанные человеку принципиально новые типы когнитивных структур, противоположные вербальным знакам, не способные порождать новые значения, а потому иначе анализирующие мир [Функциональная неграмотность 2022] и, соответственно, иначе определяющие структуру индивидуального знания, представляющего собой основополагающие для нормального функционирования человека в социуме конструкции, «обладающие постоянством и существенно не зависящие от выполняемой задачи» [Ришар 1998: 5]. Однако именно в этих конструкциях, с точки зрения когнитивной науки, отражена наиболее общая составляющая опыта и скрытая от непосредственного наблюдения реальность внутреннего мира человека, которая, формируясь в различных сферах практической деятельности, детерминирует особенности психики личности [Александров, 2006] и, следовательно, обуславливает ее способность к анализу окружающей действительности и модели поведения в ней.

В контексте нашей работы необходимо подчеркнуть, что в рамках психологии доказанным считается следующий факт: многообразие и сложность структуры индивидуальных знаний в

огромной степени определяется фактором формата репрезентации, объединяющим два способа кодирования и хранения поступающей из внешнего мира информации – образным и вербальным [Clark, Pavio 1987, Eysenk, Kean 1997]. Каждый из этих способов характеризуется специфическим механизмом ее переработки, что обуславливает наличие в психике различных типов ментальных репрезентаций – образной (аналоговой) и пропозициональной (абстрактной), сбалансированность которых обеспечивает структурную стабильность знаний. Однако очевидно, что постоянное использование эмодзи, замещающего вербальный знак, не требует от мозга анализа символов, за которыми стоит некий смысл, его работа заключается просто в считывании цепи картинок, всплывающих как подсказки. Сама мысль в этом случае направляется образом, и при таких обстоятельствах, как отмечал еще А.Р.Лурия, мышление как глубокая осознанная деятельность отсутствует, вся нагрузка ложится на восприятие и память [Лурия 1994]. Как следствие, формирующаяся система индивидуальных знаний, основанная на доминирующем образном кодировании информации, пополняется только аналоговыми типами ментальных репрезентаций, что ведет к разбалансированности структуры знаний и, соответственно, изменению самих психических характеристик человека. Более того, благодаря присущему мозгу свойству пластичности, которая подчеркивается современными неврологами, психиатрами и другими специалистами в этой области (см, например, [Шпитцер 2014]), он, нарабатывая новые связи, «забывает» те, которые не используются. Иными словами, мозг эволюционирует под воздействием повсеместно навязываемого нового «языка»: идут процессы постепенного непрерывного количественного изменения, подготавливающие качественный скачок. И в тот момент, когда употребление новых структур становится постоянным, превращается в некий рефлекс, они окончательно закрепляются мозгом и, по сути, ведут если не к его гибели, то перерождению: человек выводится из человеческой матрицы, становится иным биологическим существом, утратившим свои выработанные в процессе

эволюции качества. А вот каким будет это существо, покажет ближайшее будущее.

Литература

Александров И.О. Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. 560 с.

Бернейс Э. Пропаганда. М.: Изд-во Библос. 2016. 140 с.

Горелов И.Н., Енгаличев В.Ф. Безмолвный мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. М.: Молодая гвардия, 1991. 240 с.

Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. М.: Издательство «Эйдос», 1994 г. 102 с.

Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Изд-во АСТ, 2003. 336 с.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: Изд-во АСТ, 2016. 200 с.

Ришар Ж.-Ф. Ментальная активность: понимание, рассуждение, нахождение решений. М.: ИП РАН, 1998.

Саксонова Ю.И. Психологические особенности интернет-общения подростков (чаты и форумы) // Современные наукоёмкие технологии. 2007. №3. С.95–96.

Функциональная неграмотность как объект психолингвистики Монография / Под ред. В.А. Пищальниковой / Пищальникова В.А., Степыкин Н.И., Бубнова И.А., Адамова З.Г., Мягкова Е.Ю., Кружилина Т.В., Бутакова Л.О. М.: «Р.Валент», 2022. 216 с.

Шнитцер М. Антимозг. М.: Изд-во АСТ, 2014. 360 с.

Clark J.M., Pavio F.F. A Dual Coding Perspective on Encoding Processes / Mc Danial M., Pressley M. (Eds). Imagery and related Mnemonic Process. Theories, Individual Differences, and Applications. 1987. P. 5–33.

Crystal D. Internet Linguistics: A Student Guide. NY, Routledge, 2011. 192 p.

Crystal D. Language of the Internet. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 272 p.

Eysenk M.W., Kean M.T. Cognitive Psychology. A student's handbook. 1997.

Honan William H., Ball, H. R. 79, Ad Executive Credited With Smiley Face // The New York Times April 14, 2001, Section C, P. 6

Lippmann W. Public. Opinion. New York: Harcourt, Brace and Co., 1922. Pp.427

Oxford Languages. URL: <http://blog.oxforddictionaries.com>

©Бубнова И.А., 2023

И.Л. МУЛЬ

(Омск, Россия)

mul.alex@mail.ru

SPIN-код: 7427-2440

УДК 811.161.1'38:811.161.1'374:61

ББК Ш141.12-4+Ш141.12-55

МЕДИЦИНА В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ЗА «ЧЕСТНЫМ СЛОВАРЁМ К. КАРАВАЕВА»)

Аннотация. Статья посвящена одному из сегментов российской медицины в его лингвокреативном (чаще – смеховом, ироническом) осмыслении, а именно номинациям врачей-специалистов, представленным в современном интернет-словаре К. Караваева «Слово дна». Описываются, с одной стороны, «заглавные» словные единицы как доминанты поста, игровым путём семантизированные; с другой стороны, анализу подвергаются комментарии пользователей, вовлечённых в языковое сотворчество. Качество и количество пользовательских откликов-реакций на конкретную игру, созданную авторами уникального лексикографического проекта, «каскады» игровых производных единиц, содержащихся в комментариях, позволяют говорить об импульсной (побуждающей) функции языковой игры в исследуемом фрагменте интернет-коммуникации. Игровая вербальная стихия реплицирующей части шуточного словаря выносит на поверхность значимые для носителя русского языка оценочные смыслы, связанные со спецификой деятельности как отдельных представителей профессионального медицинского сообщества, так и доктора в России как такового.

Ключевые слова: интернет-коммуникации, Интернет, интернет-технологии, интернет-комментарии, российская медицина, языковое сотворчество, интернет-словари, интернет-

пользователи, оценочные смыслы, функции языковой игры, языковая игра, репрезентация обыденного сознания, народные представления, медицинские работники, медицинская терминология, врачи, лексикография, социолингвистическая значимость.

MUL IRINA L.

Omsk, Russia

MEDICINE IN THE MIRROR OF THE LANGUAGE GAME (FROM OBSERVATIONS OF THE "HONEST DICTIONARY OF KARAVAEV")

Abstract. The article is devoted to one of the segments of Russian medicine in its linguo-creative (more often - comical, ironic) understanding, namely, the nominations of medical specialists presented in the modern Internet dictionary of K. Karavaev "The word of the bottom". Are described, on the one hand, "capital" verbal units as the dominants of the post, semantized in a playful way; on the other hand, the comments of users involved in linguistic co-creation are analyzed. Quality and the number of user responses-reactions to a specific game created by the authors of a unique lexicographic project, the "cascades" of game derived units contained in the comments allow us to talk about the impulse (encouraging) function of the language game in the studied fragment of Internet communication. The playful verbal element of the replicating part of the comic dictionary brings to the surface evaluative meanings that are significant for a native speaker of the Russian language and are associated with the specifics of the activities of both individual representatives: the professional medical community and the doctor in Russia as such.

Keywords: Internet communication, Russian medicine, linguistic co-creation, Internet dictionary, user comments, replicating part of the dictionary, evaluative meanings, language game functions, representation of everyday consciousness, folk representation about doctors, the sociolinguistic significance of gaming Internet comments.

Муль Ирина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент. Кафедра иностранных языков, Омский государственный медицинский университет Минздрава России.

Адрес: 644106, Россия, г. Омск, ул. Лукашевича, 10. E-mail: mul.alex@mail.ru

Mul' Irina Leonidovna – Candidate of Philology, Docent. Department of Foreign Languages, Omsk State Medical University of the Ministry of Health of Russia (Omsk, Russia).

Создание доступной и эффективной системы здравоохранения – это важнейшая задача, которую стремится решить любое цивилизованное государство, однако анализ глобальных трендов развития здравоохранения (изучение ситуации в медицине США, Великобритании, Германии, Израиля и других стран) показывает, что в мире не существует идеальной модели системы здравоохранения [Мир Око Хурами и др. 2022].

Социальная роль медицины как института, непосредственно связанного с жизнью общества и каждого человека, является предметом широкого научного обсуждения в последние десятилетия, поскольку проводимые реформы системы здравоохранения, решив некоторые насущные задачи, породили новые проблемы. К ним относят уменьшение количества медицинского персонала, увеличение нагрузки на работников, сокращение времени, отведённого на прием пациента, недостаточное количество медикаментов, низкий уровень заработной платы врачей и среднего медицинского персонала и т. д. [Майборода 2017].

К существенным преимуществам российской медицины, которая в основе своей всё ещё остаётся государственной и бесплатной, относят её гуманистические и демократические принципы, проявляющиеся в необходимости особого (личностного, деформализованного) внимания к больному человеку со стороны врача как представителя одной из наиболее престижных и помогающих (социономических) профессий [Родиков, Кочетова, Пахомова 2016].

Разнонаправленные динамические процессы в сфере здравоохранения отражаются на моделях коммуникативных взаимоотношений между врачом и пациентом, что стимулирует исследовательский интерес к медицинскому дискурсу, который в последние годы рассматривается с прагмалингвистических, диалогических, культурологических, социолингвистических позиций [о современных теоретико-методологических подходах к исследованию медицинского дискурса см.: Майборода 2017].

Лингвокультурные и когнитивно-дискурсивные отечественные исследования, проводимые на материале медицинских текстов и бесед с пациентами, убедительно доказывают, что концепт «врач», будучи сложным и многомерным, является одним из базовых ментальных конструктов современного общества [Маджаева 2010]. Внутренняя форма лексемы *врач* вполне закономерно актуализирует событийную пропозицию «Врач – врачует – лечит», и представитель одной из самых благородных профессий в сознании носителей русского языка традиционно ассоциируется с такими понятиями, как *белый халат*, *профессионализм*, *самоотверженность*, *доброта*, *благородство*. Врач – профессия социально значимая. С одной стороны, врач – это человек (субъект), «изменяющий положение дел в реальном мире по собственной воле, обладающий способностью к контролю, определённой энергией, знаниями», которые используются в процессе взаимодействия с пациентами; с другой стороны, анализ функционирования лексемы *врач* демонстрирует преобладание её объектной роли: врача *ругают*, *критикуют*, *уважают*, *выбирают*, *обучают*, врач может нравиться и не нравиться, ему могут симпатизировать, иногда врача ненавидят [Там же].

Следует подчеркнуть, что существующие в современной русистике направления изучения языка медицины с вполне закономерным акцентом на коммуникативное взаимодействие врача и пациента находятся в отношениях непротиворечия и взаимной дополнительности, создавая многомерную картину научного описания медицинского дискурса как особого в системе институциональных дискурсов. В то же время

необходимо признать, что не менее ценным является сегмент коммуникации, отражающий то, что следует за прагматически значимым диалогом между врачом и пациентом. Речь идёт о полифонии мнений пациентов относительно того, с чем им пришлось столкнуться при обращении за медицинской помощью в лечебное учреждение, к конкретному врачу-специалисту. Доктора сейчас как на ладони: в сети Интернет любой пользователь имеет возможность ознакомиться с восторженными или негодующими отзывами, которые оставляют пациенты после визита к тому или иному специалисту.

В фокусе нашего исследовательского интереса находится смеховая вербальная стихия одного из фрагментов интернет-коммуникации – Честного словаря Кирилла Караваева «СловоДна», представляющего собой в первую очередь своеобразную творческую площадку для словесного трёпачества и обсуждения в несерьёзной/шуточной манере отнюдь не шуточных тем, в том числе вопросов медицины. Даже поверхностное знакомство с данным интернет-словарём позволяет убедиться (с восторгом или ужасом?) в масштабности процессов игроизации, происходящих в современном мире, когда «наша жизнь «дублируется» в заэкранье монитора» [Тендрякова 2015:210].

Ранее мы уже обращались к существующему на тот момент преимущественно в Инстаграме (в РФ социальная сеть официально запрещена с марта 2022 г.) «Честному словарю Кирилла Караваева» (аккаунт Слово дня / slovodna), рассматривая в нём специфику языковой игры, которая в функциональном плане сопряжена с естественной (нативной) рекламой [Муль 2022 (1)].

Аккаунт был создан в 2019 году, а стал популярным в 2020-ом, во время карантина, объявленного в связи с пандемией коронавируса; именно тогда механизмы креативной деривации пришли в небывалое движение, «отражая психологическое стремление всех желающих высказаться, самореализоваться, в том числе через словотворчество, и способность человеческой природы освобождаться от коллективного стресса, от

коллективного страха через юмор, иронию, сарказм» [Русский язык коронавирусной эпохи 2021: 7]. В ноябре 2021 года у интернет-словаря было 770 тыс. подписчиков,

К моменту блокировки Инстаграма количество подписчиков аккаунта Слово дня / slovodna достигло 925 тысяч. В период свободного доступа к словарю мы продолжили свои наблюдения за ним, благо к этому располагало не только количество постов, но и, что более важно, качество языкового материала, за которым отчётливо угадывался автор как весьма яркий игрок-креатор. Когда в середине марта 2022 года Инстаграм превратился в Нельзязграм, нам ничего не оставалось, как наблюдать за развитием полубившегося словаря на площадке Телеграм, и сегодня приходится с сожалением констатировать, что от бывшего игрового изящества, от некогда удачного острого и хлесткого словца едва ли что осталось: возможно, в погоне за подписчиками на новой платформе авторы словаря решили сосредоточиться на «эстетике» телесного низа (вспомним про три С: смерть, скандал, секс – как самые притягательные сферы в информационном пространстве, по мнению западных пиар-специалистов), стали злоупотреблять обценными выражениями и производными от них. В результате на сегодня в Телеграм-канале у словаря 85 тыс. подписчиков и единичные комментарии под игровыми словарными публикациями.

Материал, который представлен в данной статье, был собран в период «расцвета» оригинального словаря, в декабре 2021 – феврале 2022г., и, как представляется, нисколько не утратил своей актуальности. Нельзя было не заметить на момент свободного доступа к словарю, что среди почти тысячи публикаций в нём особым одобрением подписчиков пользуются подборки «О врачах». Первая часть словаря медицинских профессий, включающая 10 словных единиц с толкованиями, появилась 16 марта 2021 года. Она набрала почти 47 тысяч лайков и 326 комментариев. Вторая часть «О врачах» была опубликована 16 апреля 2021 года (10 слов в ленте, около 59 тыс. лайков, 302 комментария), а 20 июня 2021 года появилась подборка к Дню медицинского «сотрудника» (10 слов в ленте,

39 тыс. лайков, 193 комментария). Приведённые цифры убедительно доказывают интерес подписчиков к словарному материалу, отсылающему к медицинской сфере со всеми её тайнами, сюрпризами и, возможно, нелепостями.

Обратимся к более детальному освещению заявленной проблематики.

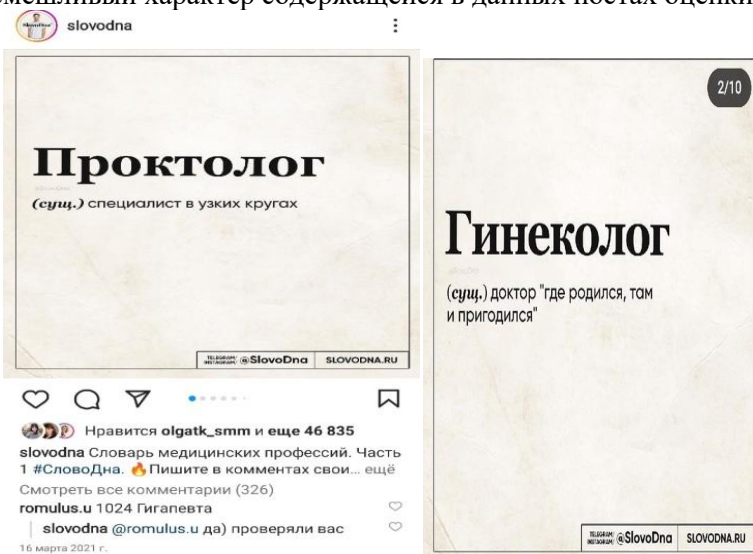
Объектом изучения в данной работе является один из сегментов российской медицины в его лингвокреативном (чаще – смеховом, ироническом) осмыслении, а именно номинации врачей-специалистов, представленные в современном интернет-словаре К. Караваева «Слово дня /дна».

Цель работы – описать, с одной стороны, «заглавные» словные единицы как доминанты поста, игровым путём семантизированные; с другой стороны, проанализировать с учётом акцентированных пропозитивно-оценочных смыслов комментарии пользователей, вовлечённых в языковое сотворчество.

Основная гипотеза: неудовлетворённость народа тем, что происходит в российской медицине, сопряжена с глобальной тенденцией игроизации, в том числе и прежде всего в сфере интернет-коммуникации, которая представляет собой открытое для всех желающих пространство экспликации оценок и мнений. В народной оценке деятельности российских врачей-специалистов, судя по вербальным и невербальным реакциям на игровое стимульное интернет-послание, доминирует сниженный (иронически заряженный) смеховой компонент.

Перейдём к описанию игровых трактовок словных единиц, номинирующих врачей-специалистов. Старт первой подборке словаря, посвящённой медицинским профессиям, даёт *проктолог*, который определяется как «специалист в узких кругах». Выбор именно этой словной номинации и её последующая игровая интерпретация задают тон трактовки и восприятия всей словарной подборки: будет не просто смешно, а с перчинкой, с элементами чёрного юмора, а значит, с примесью цинизма. Узуальное значение идиомы *в узких кругах*, ассоциативно отсылающее к представлениям о неразглашении информации, о возможности доверить нечто лишь избранным,

согласуется с элементами того ассоциативного поля, которое возникает в сознании носителя русского языка при восприятии слова *проктолог*: информацией о своём визите к этому доктору пациенты могут поделиться только с самыми близкими людьми, с теми, кому абсолютно доверяют и кого не стесняются. Утрированно деликатный смеховой посыл усиливается при наличии в сознании адресата ассоциативной привязки данной трактовки к узуальному ироническому выражению «широко известен в узких кругах» (так говорят о человеке мало известном, но претендующем на популярность или о том, чья деятельность специфична и не допускает огласки). Интимно-доверительная оценочная составляющая трактовки данной словной единицы резко контрастирует с игровым буквальным смыслом выражения *в узких кругах*, поскольку обозначенное пространство осмысляются физиологично, выступая в качестве эвфемистической замены легко угадываемого словосочетания анатомического характера. Кстати, *проктология* в данном словаре определяется как наука, которая до сих пор находится в том месте, которое она изучает, что лишь усиливает насмешливый характер содержащейся в данных постах оценки.

Примером игровой буквализации узуальных идиоматических выражений может служить смеховая трактовка номинации *гинеколог* – доктор «где родился, там и пригодился». Используемая в данном толковании известная поговорка в сознании носителей русского языка сопряжена с идеей душевной привязанности к родному краю, где человеку хорошо работается и легко дышится. Ассоциативный контраст между лирически возвышенным узуальным смыслом и физиологически сниженным (буквальным, плотским) семантическим наполнением поговорки в игровой трактовке лексемы *гинеколог* являются основой смеховой реакции пользователей. Ср. также: *акушер* – тот, кто всех всегда достаёт (разговорное выражение *достать всех*, буквализированное в данной трактовке, и здесь сохраняет свой негативный смысловой компонент, связанный с надоедливостью и доведением кого-либо (в нашем случае в первую очередь пациента) до крайне раздражённого состояния).

Согласно Честному словарю К. Караваева, *мануалист* – это тот, кто может поставить тебя на место; взаимодействие образной семантики предиката (*поставить на место кого-либо* – указать на бестактность, грубость или одёрнуть) и буквального плана содержания, отражающего специфику работы мануального терапевта (он лечит руками при помощи массажа), создают суровый образ доктора, который способен помочь, но с которым шутки плохи. Ср.: *рентгенолог* – тот, кого больше интересует внутренний мир (благодаря данной трактовке, специалист по рентгенологии воспринимается в благостно-располагающем, задушевном ореоле). *Гомеопат* характеризуется как врач нетрадиционной медицинской ориентации, и такого рода словесная игра, связанная с контаминацией выражений *нетрадиционная сексуальная ориентация* и нетрадиционная медицина, отнюдь не добавляет бонусов в профессиональную копилку гомеопата.

Специфика деятельности *психиатра* находит отражение в его характеристике через игровые дериваты *кукушковед* / *кукушколог*. Словообразовательная игра, связанная с продуцированием игрем по известным в языке моделям (ср.: правовед, музыковед / травматолог, нарколог), в новом

функциональном применении представляется всё той же игрой на снижение: ассоциативная привязка к единицам *ку-ку*, *кукушка слетела*, *кукушка поехала* (о состоянии психического расстройства, неадекватном поведении) усиливает сниженный смеховой компонент в народном представлении о работе психиатра.

Многословие как сигнал имитации бурной деятельности становится объектом выщучивания в игровых трактовках следующих номинаций: *эпидемиолог* – вирусолог с манией величия; *оториноларинголог* – самый сложный способ сказать слово «лор» и т.д.

Многие номинации трактуются в ироническом ключе через описание важных для пациента особенностей деятельности специалиста-медика. Так, *терапевт* определяется как гуру делегирования, как менеджер, а не врач. *Терапевт*, по данным словаря, может лишь померить давление и сказать, кто должен вас лечить. Основанный на опыте взгляд пациентов на доктора, в чьи обязанности входит первичная диагностика и лечение заболеваний внутренних органов, говорит о серьёзных проблемах в системе первичной медико-санитарной помощи в нашей стране. Весьма печальные ассоциации вызывает характеристика *патологоанатома* как специалиста, которому никто ни на что не жалуется. Мотив безысходности, бесполезности обращения за медицинской помощью выступает ключевым симптомом тех болезненных процессов, которые протекают в сфере медицины.

Итак, к основным способам игровой семантизации номинаций врачей-специалистов следует отнести буквализацию идиоматических выражений, контаминацию фразем, игру «на снижение» за счёт противопоставления контекстуальных антонимов и т.п. Принцип Этимологического словаря Б.Ю. Нормана – «максимальное правдоподобие в квазиреальном толковании»! – выдержан и соблюден [Норман 2006: 256]. В смысловом поле доминантных единиц каждого поста о врачах доминируют физиологичность и ироничность.

Особого психолингвистического и социоллингвистического внимания, на наш взгляд, заслуживают комментарии

пользователей к словарным публикациям о врачах. Важность комментария как раздела социальных сетей и сила его воздействия на сознание пользователей экспериментально подтверждена и признается многими отечественными и зарубежными исследователями, подробно описаны и технические инструменты комментария. «Поскольку процесс реплицирования в форме комментария в социальных сетях обычно не регламентирован с точки зрения количества знаков и не имеет жёсткой структуры, которой необходимо следовать, <...>, то можно считать, что перевод мысли в текст осуществляется практически мгновенно. Описанные особенности процесса реплицирования комментариев <...> позволяют их рассматривать как репрезентацию обыденного сознания и обуславливают возможность их изучения в том числе в социолингвистическом аспекте» [Дударева, Шпильная 2021].

Комментарии, на наш взгляд, могут рассматриваться как один из путей исследования «механизмов речемыслительной деятельности, транслирующих субъективные образы объективного мира в сознании говорящих» [Гридина, Коновалова 2020: 8].

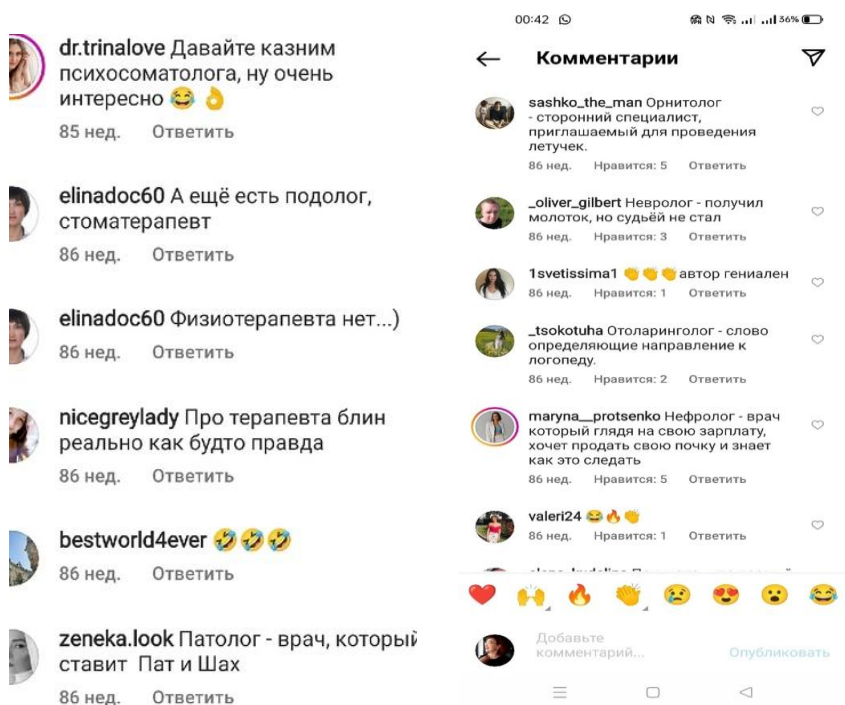
Представленная в словаре информация и его организация по принципу «слово-стимул, игровым образом переосмысленное -- -- **массовая реакция** подписчиков, оценивающих игровой посыл и/или вступающих в лингвокреативное сотворчество = показания обыденного языкового сознания», на наш взгляд, с некоторой долей условности может быть интерпретирована и как данные свободного психолингвистического эксперимента.

Представим и рассмотрим более подробно реплицирующую часть анализируемого контента:

2023 Лингвистика креатива №1

Linguistics of creativity

- slovodna Словарь медицинских профессий. Часть 1 #СловоДна. 🔥 Пишите в комментариях свои версии про любых врачей. Лучшие попадут во вторую часть
86 нед. · Отредактировано
- miss_valenti Венеролог - доктор по венам (с)
82 нед. Ответить
- v1ka_p1ka И где обещанная Часть 2? 🤔
83 нед. Ответить
- devochkalex А патологоанатом?) 😞
83 нед. Ответить
- sweeet.wer Требуем продолжения !!!!
83 нед. Ответить
- itis_life_babe 🔥🔥🔥
- lennnn.ka А где офтальмолог/ окулист?
86 нед. Нравится: 1 Ответить
- my.amelie_ @nata_mostovenko @angelinaagulyan 🤔🤔🤔
86 нед. Нравится: 1 Ответить
- zhukoff_tarass "Ятолькоспроситолог - постоянно всплывающие вне очереди "специалисты" 😊
86 нед. Нравится: 6 Ответить
- sashko_the_man Патологоанатом - тот, к кому не попасть в порядке живой очереди.
86 нед. Нравится: 13 Ответить
- Смотреть ещё 2 ответа
- zhukoff_tarass Пластический хирург настройщик ИнтерФэйса 😊
86 нед. Нравится: 4 Ответить
- petrov_sansanych Акушер_ка, терапевт_ка, стоматолог_инесса забыли добавить
81 нед. Ответить

Нетрудно заметить, что авторы словаря уже первой фразой настраивают подписчиков на игровой диалог, продолжают «заводить» и без того уже веселящуюся от удачной шутки публику: «Пишите в комментах свои версии любых врачей. Лучшие попадут во вторую часть». И адресаты этого призыва с удовольствием включаются в игру.

Среди пользователей, вступающих в виртуальный диалог с авторами словаря, немало представителей медицинского сообщества и членов их семей – эти люди знают нюансы профессии врача не понаслышке (см. комментарии типа: «У меня папа как раз акушер, а мама – терапевт! Описания в точку!», «Ленок, это про тебя!» и т.п.).

Комментарий, как видно, может быть вербализованным и /или представленным семиотически, с эмодзи, которые

символизируют сильные положительные (в подавляющем большинстве случаев) эмоции: смех и радость до слёз, восторг, аплодисменты, одобрение и т.п.

В содержательном отношении представленные комментарии можно разделить на три группы:

1) эмоционально-оценочные, связанные с выражением согласия / несогласия (значительно реже), восторженности, одобрения и т.д. Например: «Автор гениален!», «Про терапевта реально как будто правда», «Терапевт – точнейшее попадание!», «До слёз!!!» «Это прекрасно!», «Огнище!», «Шикарно!», «Жжёте, как я люблю ваши посты!», «Умора! Вы лучшие», «Про акушера долго доходило...» и т. д.

2) содержащие вербализованный или имплицитный запрос на создание игровой трактовки номинации того или иного врача-специалиста: «А где офтальмолог / окулист?», «Физиотерапевта нет...», «Давайте казним психосоматолога, ну очень интересно!», «Требуем продолжения!!!», «А ещё есть подолог, стоматерапевт», «Про ревматолога придумайте!» «Опять забыли эндокринологов...», «Про нарколога бы придумать» и т. д.

3) лингвокреативные, среди которых наиболее частотными, оригинальными и семантически многомерными являются следующие комментарии:

а) анекдотические (их основу составляют анекдоты / шутки, транслируемые пользователями и отражающие, по их мнению, реальное положение дел в отечественной медицине): «Как в старой шутке говорится: патологоанатом всё знает и всё умеет, но уже поздно...»; «Был случай: лору звонит пациент: «Здравствуйте! Это ухо-горло-нос?» – «Нет! Это ж..а, ноги, хвост!»; «Встречаются проктолог и хирург. Хирург проктологу говорит: «А ты в курсе, что вся медицина продвинулась вперёд, а проктология по-прежнему в з...це?»» [О типах анекдотов в смеховом медицинском дискурсе см.: Муль 2022 (2)].

б) основанные на разноплановой игровой семантизации «на свой манер» и актуализирующие личностно и общественно значимые характеристики специалиста-медика и его профессиональной деятельности :*стоматолог* – тот, кому ты рано или поздно отнесёшь все свои сбережения; *пластический хирург* – тот, кто может сделать человека пластиковым; *уролог* – тот, кто готов всех урыть своими шутками ниже пояса; *пластический хирург* – настройщик ИнтерФейса; *кардиолог* – доктор, которому вы откроете своё сердце; *нефролог* – врач, который, глядя на свою зарплату, хочет продать свою почку и знает, как это сделать; *патологоанатом* – тот, к кому не попасть в порядке живой очереди; *дерматолог* – это врач, спускающий три шкуры с пациента и т. д.

в) содержащие в качестве доминанты окказиональный многомерно интерпретируемый номинирующий дериват, в том числе основанные на тиражировании «трендовых» дериватов: «Акушер_ка, терапевт_ка, стоматолог_инесса вы забыли добавить», «ХЕург – то же, что уролог», «Психихиатр. А что Вам так смешно, уважаемый?», «Стоматолог – зубник, окулист – глазник, ЛОР – ушник», «Офтальмолог – в девичестве Глазнюк» и т. д.

Очевидно, что степень формально-семантической креативности комментариев в целом и их ключевых (игровых) сегментов зависит от индивидуального внеязыкового опыта и уровня речетворческих способностей каждого игрока-комментатора. Кроме того, учитывая, что реплицирующая часть трёх подборок словаря, посвящённых врачам, – это огромный языковой массив (более 800 комментариев), считаем возможным и значимым особенно в психо- и социолингвистическом плане продолжить начатое исследование с целью выявления ключевых количественных и качественных параметров тех оценочных смыслов, которые эксплицированы в представленном фрагменте игрового интернет-словаря.

Выводы

Игровая форма речи оказывается весьма приемлемой для выражения чувства неудовлетворения качеством медицинской помощи в нашей стране, работой тех или иных врачей-специалистов, организацией российской системы здравоохранения в целом. Лингвокреативные техники в исследуемой нами сфере убедительно доказывают, что игровые технологии, которыми человечество до зубов вооружается, «работают как компенсаторные механизмы и механизмы психологической защиты» [Гендрякова 2015: 210].

«Каскады» игровых комментариев как небанальных реакций на шуточный словарный пост позволяют говорить **об импульсной (побуждающей) функции** языковой игры в исследуемом фрагменте интернет-коммуникации. Заглавное слово поста, задевая за живое, приводит в действие людические способности / инстинкты пользовательской аудитории, которая с удовольствием откликается на призыв поговорить о наболевшем (в прямом и переносном смысле последнего). Активный творческий диалог авторов словаря и подписчиков – свидетельство наличия столь необходимой «конгруэнтности адресанта и адресата в плане владения лингвокреативной техникой кодирования и декодирования информации» [Гридина, Коновалова 2022]. Игровая вербальная стихия реплицирующей части шуточного словаря выносит на поверхность значимые для носителя русского языка оценочные (чаще – иронические, саркастические) смыслы, связанные со спецификой деятельности как отдельных представителей профессионального медицинского сообщества (напр.: визит к стоматологу дорого стоит, терапевт склонен перенаправлять больного к другим специалистам, не желая вникать в проблемы пациента и помогать ему выздороветь), так и доктора в России как такового: врач, по мнению «комментаторов», имеет скромную зарплату, довольно часто весьма поверхностно относится к жалобам пациента, не отличается деликатностью и высоким профессионализмом. Сравнительно небольшое, но всё же наличие положительно заряженных оценочных суждений о врачах может быть объяснено, на наш взгляд, следующими обстоятельствами: среди специалистов-медиков немало тех, кто

верен высоким идеалам и строгим нормам своей профессии и кого пациенты рады благодарить, называя «врачами от Бога».

Кроме того, на основе проведённого анализа представляется возможным выделить **диагностико-прогностическую функцию** языкового юмора в исследуемой сфере, поскольку сквозь «магический кристалл игры» через квазисмешную вербальную симптоматику происходящего можно разглядеть черты отнюдь не безоблачного будущего [Тендрякова 2015: 208].

Массовая оценочно-смеховая реакция пользователей на игровые вербальные послылы интернет-словаря, вовлечённость подписчиков в многоплановое творческое комментирование словарного материала даёт основания трактовать исследуемый нами процесс как естественный психолингвистический эксперимент, который, имея диагностическую ценность, позволяет увидеть за внешне несерьёзной языковой шуткой весьма серьёзные и масштабные проблемы в такой значимой для каждого из нас сфере жизни, как медицина.

Литература

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. – Екатеринбург: Урал. гос.пед ун-т, 2020. – 358 с.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Практики современной коммуникации: лингвокреатив и речевые аномалии // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2022. – №2. – С. 14–29.

Дударева Я. А., Шпильная Н. Н. Комментарий в социальных сетях как результат реплицирования (на материале интернет-комментариев о вакцинации от ковида) // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). – С. 54–64. <https://cyberleninka.ru/article/n/kommentariy-v-sotsialnyh-setyah-kak-rezultat-replitsirovaniya-na-materiale-internet-kommentariiev-ovaktsinatsii-ot-kovida/viewer>

Маджаева С.И. Вербализация концепта «Врач» – лингвокультурный

и когнитивный аспекты // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95). Выпуск 8. – С. 152–156. http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/50426/1/Madzhaeva_Verbalization.pdf

Майборода С.В. Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования // Коммуникативные исследования. 2017. № 1 (11). – С. 63–74. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29332682>

Мир Око Хурами, Ахмедов А., Турсунов Р.А., Олимов Д.А. Вопросы организации медицинской помощи в свете действующих моделей систем здравоохранения в мире. Аналитический обзор // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание] 2022. 68(3):6. Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1376/30/lang,ru/> DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-3-6

Муль И.Л. Искусство продавать играючи: о некоторых лингвокреативных техниках нативной рекламы в инстаграме // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. – С. 71–82. <https://elibrary.ru/item.asp?id=48507085>

Муль И.Л. Хоть и в шутку, но всерьез: российская медицина в калейдоскопе языковой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2022. № 20. – С. 225–236. <https://elibrary.ru/item.asp?id=50277399>

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. – М., 2006. – 344 с.

Родиков М.В., Кочетова Л.В., Пахомова Р.А. Модели взаимодействия врача и пациента в современной медицине // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25737> (дата обращения: 20.04.2023).

Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. – СПб.: 2021. – 610 с.

Тендрякова М.В. Игровые миры: от homo ludens до геймера. – М.; СПб.: 2015. – 224 с.

Kirill Karavaev. SlovoDna <https://kcaravaev.com/category/slovar/SlovoDna> / Официальный аккаунт в VK https://vk.com/slovo_dna

SlovoDna / Официальный аккаунт SlovoDna в Telegram
<https://t.me/slovodna>

©Муль И.Л., 2023

В.К. ХАРЧЕНКО

г. Белгород, Россия

vera_kharchenko@mail.ru

SPIN-код: 6136-2918

УДК 81'23:81'38:378.147

ББК Ш100.6+Ш105.55+Ч448.024

КРЕАТИВ ТОНКОГО ЮМОРА В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Рассматриваются различные способы создания смешного в профессиональной среде педагогов и студентов университета. Умение пошутить оценивается как креативная установка, отвечающая современным требованиям конвергентного образования. Идет речь о выигрышах комического, о возрастном раскладе, о постоянной готовности перевести повествование в юмористическую плоскость. Приведены примеры, подчеркивающие тот факт, что креативность юмора таит в себе глубокие смыслы, она улучшает ситуацию речи, открывая новое знание там, где его не было видно при обычном прочтении ситуаций.

Ключевые слова: юмор, смех, живая речь, лингвокреативность, черный юмор, новое знание, преподаватели, студенты, высшие учебные заведения.

KNARCHENKO VERA K.

Belgorod, Russia

CREATIVE SUBTLE HUMOR IN THE UNIVERSITY ENVIRONMENT

Abstract. Various ways of creating funny in the professional environment of teachers and university students are considered. The

ability to joke is evaluated as a creative attitude that meets the modern requirements of convergent education. We are talking about the gains of the comic, about the age distribution, about the constant readiness to translate the narrative into a humorous plane. Examples are given that emphasize the fact that the creativity of humor is fraught with deep meanings, it improves the situation of speech, revealing new knowledge where it was not visible during the usual reading of situations.

Keywords: humor in live speech, creativity, black humor, new knowledge.

Харченко Вера Константиновна – профессор кафедры русского языка и русской литературы. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия). Адрес: 308000, Россия, г. Белгород, ул.50-летия Белгородской области, д. 6. E-mail: vera_kharchenko@mail.ru

Kharchenko Vera Konstantinovna Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Предварительные замечания

Рассмотрим один диалог. Сколько лет вашему внуку? На мой ответ: 2 года 7 месяцев я услышала от женщины: «*Чужие дети мгновенно растут!*». Восхитительно прозвучало слово-эпитет: мгновенно, а это действительно так! Однако и доза юмора здесь присутствует, только она скрытая, но такая сердечная, теплая. Мы привели этот пример потому, что в основе тонкого юмора лежит жизненный опыт, которым как раз надо овладеть, чтобы понять природу этого юмора. Пусть покажутся некоторые примеры, приведенные далее, недостаточно смешными, но юмор в них есть, только его надо понять и принять. Все высказывания в статье авторские, они записаны в ходе изучения речи коллег, сограждан, в скобках указывается дата фиксации.

Начнем мы, однако, с озвучивания ряда выигрышей смешного. Первый выигрыш – **правдивость**. «Смешное обладает одним, может быть, скромным, но бесспорным достоинством: оно всегда правдиво. Более того, смешное потому и смешно, что оно правдиво. Иначе говоря, не все правдивое смешно, но все смешное правдиво» (Ф. Искандер). [На совещании председателей дис.советов. Речь о специальных аудиториях для онлайн-трансляции. Председатель одного из советов напоминает, что при защите КД по математике нужна большая доска. Ректор:] Ну, для математиков сделаем аудиторию с доской с мелом. Я знаю: вас, математиков, не отмыть от мела. – [Председатель:] С МЕЛОМ У НАС ТОЖЕ ПРОБЛЕМЫ! (смех) (10.09.2013).

Второй выигрыш юмора – **отважность**, смелость в непростых, а порою и крайне тяжелых ситуациях. Юмор противостоит страху, он делает нас отважнее. Смешное не может быть пугающим.

Третий выигрыш юмора – это **позитив** информации, особенно необходимый тогда, когда жизнь опрокидывает наши прогнозы и поворачивает мышление и восприятие в сторону переживания негатива. «Юмор – концепция, объединяющая объективизм с умеренным релятивизмом. Она не заостряет внимания ни на пороках, ни на достоинствах мира и людей. Она демонстрирует мир в подлинных его пропорциях и не спешит с обобщениями. Она не приемлет как крайний пессимизм, так и безудержный оптимизм» [Дземидок 1974: 112]. [Женщина и водитель троллейбуса лет 60-ти:] Спасибо, что подождали! – Подождал. ВЫ ЖЕ ЗАКАЗЫВАЛИ! (21.04.2015). [Профессор 67 л. на кафедре шутливо с улыбкой доцентам:] А мне сказали: упростили тесты! ОЙ, КАКИЕ ДЕВУШКИ! КАК С ВАМИ СЛОЖНО ЖИТЬ! КАК СЛОЖНО! (18.11.2013). [Застолье. Профессор 60 л.:] Иду напротив нового корпуса, а идёт какой-то мужик пьяненький, хрюндик. Иду, не оборачиваясь, а он нудит-нудит: ДЕВУШКА, ДЕВУШКА. А я шла злая! Я поворачиваюсь: Господи, мне уже столько лет, что у меня дочка уже не девушка! А он: «Ну, дочка не знаю, не видел, а Вы – девушка!» (смех) (06.11.2013).

Четвертый выигрыш – это внимание к **настоящему** моменту, к тому, что нередко ускользает, не видится нами. Смешное субъективно, и по большому счёту смешного в жизни гораздо больше пресловутых наших ожиданий. [Женщина, доцент, собирается на свой 80-летний юбилей, смеётся:] **КОСТЫЛЬ, ЧТО ЛИ КУПИТЬ? БЕЗ КОСТЫЛЯ ВРОДЕ И НЕУДОБНО!** (18.05.2012). [Приехали на экскурсию в Ботанический сад, выходя из автобуса, профессор лет 65:] **ВЫПЛЫВАЕМ (выходим)?** (25.09.2012).

Пятый выигрыш – это **доброжелательное** отношение к окружающим людям. [Профессор 59 л. о случае в молодости:] Я, когда бигуди накручивала, холодильник выключала, розетка-то одна. А потом, знали меня, и одна следила, чтоб я потом включила. Но один раз она забыла проверить. <...> А Светка зашла: «Н-у прочёсывают!» Я сижу такая убитая. Радик заходит: *«Девочки, она не виновата! Она такая! Это вы виноваты! Вы расслабились!»* (05.10.2012).

Мы выделили пять позиций, подчеркнем, что все они свойственны высшей, элитарной речи. Юмор относится к числу признаков элитарной речи. Умение пошутить – это важнейший признак элитарной речи, почему мы с пиететом относимся к людям, с которыми «не скучно работать и жить». «Смех, благороднейшая форма человеческого самопроявления, к тому же и гениальный воспитатель, творец душ. Посмеявшись, человек становится лучше, счастливее, умнее и добрее. Вывод из моей долгой практики: читая лекции, не надо жалеть времени на смешное. Любую научную информацию можно найти в книгах, научного смеха, как правило, там нет» (И. Грекова). По множественным случайным репликам можно судить о том, как преподаватель, профессор играет роль клоуна и в итоге... выигрывает.

Способность человека к юмору... «А потом произошло вот что. Думаю, ты меня поймёшь: самую жгучую ревность вызывает тот, кто умеет рассмешить человека, которого мы любим. Уметь рассмешить – почти то же самое, что уметь заниматься любовью. Это способ овладеть другим, овладеть через смех, доставить ему особый вид удовольствия» (А. Поссе).

В Екатеринбурге в 2008 году Т.А. Гридиной было инициировано развитие научного направления «Лингвистика креатива», в рамках которого под ее редакцией и непосредственном участии изданы 5 коллективных монографий, а также ежегодные выпуски «Уральского филологического вестника» (серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»), охватывающие разные сферы речевой деятельности: детская речь [Гридина, Коновалова 2017; Доброва 2014, Кулакова 2018, Устинова 2018], художественный текст и механизмы языковой игры [Гридина 2012, 2020, Норман 2012, Ружицкий 2020], медиадискурс [Иссерс 2012, Радбиль 2020], креатив в сфере эргонимии [Шмелева 2014], лингвоэкология [Иванян 2018], аспекты словотворчества [Никифорова 2019, Попова 2018] и др. Это лишь некоторые точки анализа на общем весьма выразительном фоне. Мы же обратимся к юмору и попробуем пронаблюдать его в обычных, рабочих ситуациях университета, чтобы выявить типичные модели создания смешного и его возрастную специфику.

На работе человек проводит львиную долю своего времени, поэтому юмор здесь более чем к месту. Занятия, перерывы в занятиях, общение профессоров, доцентов, совещания, комиссии, защиты диссертаций – все это бывает насыщено тонким юмором. Конечно, случается и так, что юмористический эффект вызывается анекдотом, сказанным, к слову или дежурной шуткой.

[Декан 43 г. оговорился, весело комментирует:] Я КАК ВОРОНА! «Летит ворона со дня рождения такая (вяло размахивает руками, как крыльями). Бах! Столб! Упала. «Гав! Мяу! ТЬФУ ТЫ! КАР-КАР!» (смех) (26.11.2013). [Декан 43 г. на планёрке:] Я не стал записывать все цифры, потому что, вы знаете, ЕСТЬ ЛОЖЬ, ЕСТЬ НАГЛЯЯ ЛОЖЬ И ЕСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА! (24.12.2013). [Профессор 52 г. технолог:] Как есть анекдот: системный администратор думал, что он самый главный, ПОКА НЕ ПРИШЁЛ ЭЛЕКТРИК и не выключил свет! (12.12.2014). [Декан 45 л. на совещании:] Потому что учитель истории должен идти ОТ АДАМА ДО ПОСТДАМА! (15.04.2015). [Тверь. Банкет после защиты.

Профессор-философ:] КОГДА ГОВОРЯТ ТОСТ, ДАЖЕ ЗМЕЯ НЕ КУСАЕТ (смех) (11.11.2013).

Однако мы будем рассматривать креативный юмор, прежде всего, не заимствованный, а авторский, звучащий в устах самих его «производителей».

В современной ситуации третьего десятилетия XXI века все острее звучит требование развития конвергентного образования. Действительно, новые явления в жизни: жидкость, огромная скорость, цифровизация, виртуальность адресата общения, которого может не быть ни в твоём городе и ни в дальнем регионе и вообще не быть нигде, – требуют воспитания людей весьма гибких, умеющих подстраиваться под новые задачи. Это несколько иная педагогика, требующая иных усилий, иного мастерства. Зачатки ее есть в современной жизни. Так вот, мы считаем, что юмористическая составляющая нашего общения как раз может помочь в этом непростом деле.

Что такое креатив тонкого юмора? Сначала уточним, что мы понимаем под термином «тонкий юмор». Под тонким юмором мы имеем в виду юмор, противостоящий грубому юмору. Это более светлый, мягкий, подчас завуалированный юмор, с которым мы сталкивались в университетской среде, поскольку именно там и проходит наша работа. Когда мы записывали все эти высказывания, то о креативе не думали, но сейчас у нас обострилось восприятие этого юмора как креативного. Почему это произошло? Креатив, креативность предполагает творческое обыгрывание ситуаций, и главным параметром этого является девиз «Думай около!». Креативное восприятие ситуации – вот что лежит в основе многочисленных вариантов юмора. Чтобы пошутить, нужно... думать около, относиться к ситуации несколько свысока, перебирать возможные прочтения ситуации, порой опрокидывать ее.

Обратимся к примерам. Таким проявлением креатива является, во-первых (перечни наши условны!) переосмысление ситуации в другой календарной плоскости.

[День рождения преподавательницы совпадает с днем рождения ВЛКСМ, которому исполняется 95 л. На кафедре профессор об имениннице:] Я ЕЁ УЖЕ ПОЗДРАВИЛА С 95-

ЛЕТИЕМ! (смеются) (29.10.2013). [Совещание. Проректор декану:] Алексей Анатольевич, мобилизуйтесь! [Другой декан:] В ВОСКРЕСЕНЬЕ ТЕПЕРЬ МОЖНО РАБОТАТЬ? (смех) (01.10.2014). [Декан и зав. кафедрой 70 л. на планёрке о работе 31 декабря:] Работаем до 12-ти! – ДНЯ! Дня! (смех) (23.12.2014).

Во-вторых, это переосмысление ситуации в политической плоскости.

[На аттестационной комиссии зав. кафедрой шутливо о преподавателе:] Мы просим максимальный срок... БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ (смех)! (19.06.2014). [Перед голосованием:] Ознакомьтесь со списками, я зачитывать каждую фамилию не буду. У нас теперь будут НАНОВЫБОРЫ! (25.06.2012). [Проректор женщина 55 л. декану о новом решении избираться до трёх лет:] Есть ли какие-то возражения? [Декан 44 г. весело:] Возражений нет! Наоборот, НАДЕЖДА НА ОСВОБОЖДЕНИЕ (от трудной миссии декана объединённых факультетов) (смех) (18.10.2013).

В-третьих, креатив срабатывает как переосмысление ситуации в учебной плоскости.

[Профессор-методист:] Светка мне рассказывала: захожу, говорит, в маршрутку и говорю: «ЗДРАВСТВУЙТЕ, САДИТЕСЬ!» И сама сажусь. Маршрутка рухнула! (06.05.2015).

Разновидностью этого может служить переосмысление ситуации в внутри учебной плоскости.

[Декан 45 л.:] У нас очень хороший вырисовывается алгоритм высшей школы: студенты должны ХОДИТЬ ПО МЕРОПРИЯТИЯМ, а преподаватели ГОТОВИТЬ ДОКУМЕНТЫ! В связи с ликвидацией госэкзаменов... (смех) (21.04.2015).

В-четвертых, креатив возможен как переосмысление ситуации в торговую и ресторанный плоскость.

[Профессор о преподавателях на кафедре шутливо:] Уже все НА БАЗЕ! (24.05.2012). [Профессор, член аттестационной комиссии, приходит на заседание, говорит шутливо:] Здравствуйте-здоровствуйте! ВОЗЬМЁТЕ ЗА ВАШ СТОЛ? (23.11.2012).

В-пятых, креатив юмора возможен, когда ситуация переносится в быт, как в следующем первом примере. А два других высказывания характеризуют одежду и процесс одевания-раздевания.

[Два декана перед совещанием:] Этот стул поломан. – Что ж это, в Вашей аудитории стулы поломались? – Это не моя аудитория. – А я думал: на третьем этаже все ваши?! – Я ТОЖЕ ТАК ДУМАЛ! ОНИ МНЕ ДАЖЕ СНИЛИСЬ! (08.06.2012).

[Профессор из Волгограда, 44 г.:] У нас дежурная шутка: КУДА НИ ПРИДИ – ВЕЗДЕ ПЕРЕОДЕТЫЕ ЗАОЧНИКИ. В магазинчике там выбираешь, и... (смех) (27.09.2013).

[Соискательница 40 л., г. Тула, отвечая на вопросы на защите докторской диссертации:] Глаголов удара очень много (в тульских говорах), а глаголов... Так же как глаголов одевания больше, чем глаголов раздевания [Профессор лет 55 с места:] ЭТО ХОРОШО! (смех) (17.10.2013). [Профессор-методист о поездке в Польшу:] А когда я привезла, а у нас с мужем одинаковый размер, и утром он спрашивает: кто сегодня надевает НАШИ ДЖИНСЫ? (смех) (11.03.2015).

В-шестых, юмористический витамин может добавлять переосмысление ситуации в пунктуационном плане. «Думай около» срабатывает и здесь.

[Доцент 55 л. по телефону:] А у меня чего-то ЧЕРЕЗ ЗАПЯТУЮ: то голова, то живот, то аллергия непонятно на что... (30.07.2012).

В-седьмых, креатив юмора возможен, когда происходит переосмысление ситуации в театральную.

[На аттестационную комиссию декан пришёл без избираемого. Шутит:] Я без ПЕРСОНАЖА! (21.06.2013).

В-восьмых, креатив юмора касается переосмысления ситуации из бытовой в транспортную. Транспорт вообще часто становится средством создания комического эффекта.

[На кафедре бурное обсуждение, где лучше купить немецкую обувь. Мужчина профессор 49 л., имеющий машину, с шутливой грустью:] Я вот сижу-слушаю. КТО БЫ О КОЛЁСАХ ПОГОВОРИЛ, О РЕЗИНЕ! (смех) (23.10.2013). [Тверь. Председатель дис. совета и член совета:] Если совет разрешит,

давайте дадим слово первому оппоненту до зачтения отзыва ведущей, иначе Виктория Владимировна опоздает на поезд. – А МОЖЕТ, ПОЕЗД ЗАДЕРЖАТЬ? (смех) (13.10.2014).

В-девятых, нередко переосмысление ситуации касается перевода ее в «тюремный» режим.

[Планёрка в деканате о постоянных просьбах по обеспечению явки студентов. Декан 43 г. и женщина заместитель:] Вот будет система – 10 процентов аудиторных, тогда... – А где мы их тогда искать будем? – А я предлагал: закупим на всех БРАСЛЕТЫ СЛЕЖЕНИЯ (смех) (26.11.2013).

[Декан 43 г. на планёрке:] Скажете студентам, что завтра в спортивной форме, мастер-класс будет по алтимат-фрисби (бросание тарелки), (подчёркнуто не выговаривает), я так думаю: ЭТО В КАРТЫ И НА ДЕНЬГИ! (смех) (04.12.2013).

[Декан 43 г. на планёрке:] Будет запрос об увлечениях первокурсников: кто поёт, тех... (в хор или в ансамбль), кто танцует – тех... А КТО НИЧЕГО, ТЕХ В ТЮРЬМУ! (смех) (17.12.2013).

[Декан на Дне открытых дверей:] Наш факультет всесторонне развивает личность. НАПРИМЕР, ИГРА В «МАФИЮ»... (29.11.2014). [Председатель дис.совета и член совета о кворуме:] Мы за брянскими посылаем тюремный фургон! – С КОНВОЕМ! (смех) – Я ночью не сплю, думаю: будет ли кворум? – Совет закрывают, как только мы ввели двух женщин из Тулы, они же С ОРУЖИЕМ! (смех) Откат какой! (28.11.2014).

В-десятых, перенос ситуации на военный объект.

[Планёрка в деканате. Заведующая кафедрой, декан 44 г.:] У нас вроде никто не зверствует. – Я помню, как первый проректор Технолога говорил. Ему: Снизьте, пожалуйста, планку требований. – Так на земле лежит. – Правильно! СДЕЛАЙТЕ ПОДКОПЧИК! (смех) (04.02.2014). [Декан 45 л. с наигранной серьёзностью:] Разрешилось Положение о практике, дипломных и курсовых. РАЗРЕШИЛОСЬ ПОЛНЫМ РАЗГРОМОМ ВРАГА. Никаких отдельных положений никто не разрабатывает (14.10.2014). [О бейджиках для экспертов:] Они будут вешаться, розовенькие, жёлтенькие. И все будут видеть, ЧТО ЭТО ВРАГ (19.02.2015). [Перед аккредитацией декан

раздаёт бежевого цвета бейджики тем зав кафедрами, которые будут проходить аккредитацию:] Чтоб знали, КТО ЖЕРТВА, КТО.. [зав. кафедрой, профессор-историк 50 л. подхватывает:] ПРОСТО ЧЕЛОВЕК! (28.02.2015). [Декан на планёрке шутливо:] Если эксперт – женщина, то Дима, если мужчина, то Марина будет работать, там продумать: СТРЕЛЬБА ГЛАЗАМИ... (смех) (02.02.2015).

Все? Нет, конечно. Есть способ перенесения ситуации в мир животных.

[Совещание о документации к проверке. Проверяющая докладывает проректору:] Нет отзывов с места прохождения практик магистров. Это где мы проходили: в лесу? В зоопарке? – НУ, В ЗООПАРКЕ МОЖНО ВЗЯТЬ! – У СЛОНА МЕСТНОГО! (смех) (18.11.2014). [Профессор о конкурсе поэтов в Москве и доцент 63 г. шутливо:] Вышел Марк Розовский и прочитал: «Все мы немного лошади!» – И СОБАКИ ТОЖЕ! По электронной почте... (24.03.2015).

Во-первых... в-пятых... в-десятых ... и далее. Мы имеем дело по существу с расширением ситуации, с иным ее прочтением. Расширение ситуации – черта креативного стиля. Как видим, здесь заложено несколько вариантов прочтения ситуации, которая становится живой, говорящей, дарующей при работе с ней прекрасную порцию юмора.

Однако словом «расширение» не охватываются все возможные ситуации. Сужение ситуации тоже может стать креативным.

[Праздник факультета. Вопрос ведущей команде студентов:] Зачем у университета открыли Аллею Нобелевских лауреатов? – ЧТОБ ВОЗЛАГАТЬ ЦВЕТЫ! (09.11.2013).

Креатив возникает, когда учебное слово сталкивается в сознании с бытовым.

[Проректор о подготовке к аккредитации:] Так, «Лечебное дело». ПОРАДОВАЛИ ТОЛЬКО ОДНИ ПСИХИАТРЫ (смех) (01.10.2014). [Проректор о проверке документов:] Папок нет? ДВЕ ТЫСЯЧИ ПАПОК – СЪЕЛИ, ЧТО ЛИ?! (19.02.2015).

Креатив срабатывает как новое прочтение самой ситуации, опрокидывание традиционного прочтения.

[Доцент 61 г. рассказывает преподавателям:] На заочном у меня учился инженер, говорит: люблю язык, литературу, и хорошо учился, диплом писал, в то время редкость, чтоб диплом на заочном. Я говорю: а в школу пойдёте? «Зачем? У меня ТАКАЯ МИРНАЯ ПРОФЕССИЯ! Я на заводе...» – А мы здесь, как в Чечне! (смех) (05.11.2014).

Креативным может быть перенос состояния субъекта в ситуации.

[Тверь. Соискательница благодарит членов совета:] Уважаемые члены диссертационного совета! Я что-то очень волнуюсь! [Профессор подхватывает:] МЫ ВСЕ ОЧЕНЬ ВОЛНУЕМСЯ (смех в зале) (12.11.2013).

Центром креатива может стать выразительный эпитет к слову.

[Декан на планёрке:] Давайте к Пасхе уберём аудитории, а кто ЯРЫЙ АТЕИСТ – к 22-му (день рождения Ленина) (17.03.2015). [Фотография на память. Профессор, установив камеру:] Смотрите: когда замигает, сделайте КАКОЕ-НИБУДЬ лицо! (07.12.2014). [Профессор, г. Горловка, лет 60, в столовой:] Картошка старая, ОБНОВЛЁННАЯ укропом! (28.06.2012). [Во время застолья профессор женщина 72 г. вспоминает гинеколога в Свердловске:] Да-да! Четыре сына! И внуки – одно мужичьё! – И девочки нету? – НИКАКОЙ! (все смеются) (06.11.2013).

Бывает и так, что срабатывает коннотация к слову, например, «парень».

[Профессор, член комиссии о другом члене:] Чтобы он не пришёл?! Он ПАРЕНЬ обязательный! (18.12.2014).

Иногда в одном и том же высказывании наблюдается парад различных форм смешного.

[Декан 44 г. на планёрке:] Сейчас у нас БУРНЫЙ ТРЕНД преподавания на иностранном языке. В нашей МНОГОСТРАДАЛЬНОЙ дорожной карте это прописано. Но должны быть сертификаты. И должен в Пегасе быть УМКД с полным текстом. Базовое образование – это для школы, а для вуза нужен сертификат! Положим, Н-ва готовит этот курс, какую-то ЕРУНДЕНЬ... Почасовка по 500 рублей час, если на иностранном языке (09.04.2014). [На банкете о закрытии

диссертационного совета и министре науки и образования:] Как хорошо пьётся на фоне УХОДЯЩЕЙ АТЛАНТИДЫ! Жена моя просит: Господи, прикрой совет! НА ЧТО ГОСПОДЬ БОГ СКАЗАЛ: Я ВАМ НЕ ФУРСЕНКО! (23.05.2012). [Тост за оппонентов по трём защитах:] Соискатели их РАСТОПТАЛИ. Сидят РАСТОПТАННЫЕ. Но если б они хотели, они могли бы каждого РАЗМАЗАТЬ ПО СТЕНЕ конференц-зала! (23.05.2012). [Председатель заместителю, у которой только что защитились ещё две аспирантки:] СКОЛЬКО ЗВЁЗДОЧЕК НА ВАШЕМ ФЮЗЕЛЯЖЕ? Восемнадцать? Сегодня был ДУБЛЬ. Она ОДУБЛИРОВАЛАСЬ (23.05.2012). [Председатель Редакционно-издательского совета автору учебного пособия по медицине:] Ишемическая болезнь, что это? – Это Ваш диагноз? Приходите, полечим. – Так что это? – НЕОБРАТИМЫЕ ПРОЦЕССЫ! [Председатель Редакционно-издательского совета автору учебного пособия объёмом в 30 страниц:] Забирайте свой труд! ДОНЕСЁТЕ? (25.05.2012).

Внутренняя установка «Думай около» срабатывает как восприятие ситуации в ее самых различных видах. Это не застывший фрагмент разговора, а живой, подвергающийся переосмыслению объект. Специфика ситуации – это важнейшая черта зарождения юмора. Как видим, тонкий юмор – это работа с ситуацией, оживление ситуации, ее олицетворение, и способов такого прочтения ситуации не просто много, а очень много. Ситуация идет не как застывшая данность, а как модель, подвергшаяся переосмыслению.

Таким же действенным типом юмора могут стать и становятся сами слова, передающие ситуацию, и часть «механики юмора» приходится и на них.

«Думай около» означает, что произошел перенос слова с субъекта на объект.

[Профессор 76 л. тянется к блюду на столе с бутербродами с икрой:] Возьму РАЗВРАТНЫЙ бутерброд! (28.11.2014). [Декан 45 л. с наигранной серьёзностью на планёрке:] Страшное происшествие случилось у нас! Десять стульев из 329-й аудитории похищены. – Нам самим не хватает. – А потом, откуда они ДОНАШИВАЮТСЯ? (14.10.2014).

Не менее интересен и обратный процесс, перенос слова с объекта на субъект, когда язык описания становится ярче того, что описывает автор.

[Курск. В перерыве между защитами разговор о докторской по сквернословию, два профессора беседуют:] Закрытая была защита? – Какая ж закрытая? Государственных секретов нет. Это наше народное достояние, «ЭТО НАШЕ ВСЁ» (смех) – **НО ЕЁ ЯЗЫК, КОГДА ОНА ЗАЩИЩАЛАСЬ, ПОГАНЕЕ ТОГО, ЧТО ОНА ОПИСЫВАЕТ!** Солдатско-матросский жаргон какой-то. Чувствуется большой опыт и большая любовь к предмету исследования (смех) (17.10.2013).

Ситуации с защитой диссертации тоже бывают комическими. Здесь наблюдается перенос объекта действия на субъект.

Например, о забытых кавычках после цитаты, кончающейся словами: «Ну черт с ним, с Мерцаловым!» идет сразу официальный текст, и такое прочтение вызывает смех.

[Защита кандидатской диссертации. На одном из сайтов надпись, вызвавшая смех членов совета, адресовавших её себе:] «Дураки вы все, вот што! Небойсь, прижали хвосты, а я вот нисколько не боюсь родителя... На волос не боюсь и всё приму на себя» (Мамин-Сибиряк) (смех) (24.09.2013).

Юмористический эффект может дать использование эвфемизма.

[Председатель дис.совета, г. Курск, 72 г. о банкете:] Наши коллеги, некоторые, уезжают рано. Не можем же мы ТОЛЬКО ОТСЮДА их отпустить (намек на банкет) (15.02.2012).

Юмористический эффект может придать повествованию слово из сниженной сферы, противоречащее ожидаемой сфере.

[Проректор женщина 50 л. на совещании профессору:] Я не могу Вам дать две недели свободных, сейчас все так работают! Поэтому мы В РЕЖИМЕ ОШПАРЕННОЙ КОШКИ: мы плохо выглядим, мало спим! Но к 5 ноября должно быть готово всё! (22.10.2014). [Член счётной комиссии шутливо:] Приходите ГОЛОСИТЬ! Правильно ли ГОЛОСИЛИ? (21.11.2013).

Креатив вызывает состыковка слов, не наблюдающаяся в обычной речи.

[Декан 43 г. на планёрке о присланных расценках за обучение:] Самое интересное, что и СТОМАТОЛОГИЯ ПОПАЛА В ГУМАНИТАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ! (смех) (24.12.2013).

Явно избыточный повтор слова тоже вызывает юмористический эффект.

[Председатель и оппонент лет 65:] Вы удовлетворены? – ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ! (31.03.2015).

Нередко бывает, что слово воспринимается в своем переносном значении, хотя подразумевалось прямое значение.

Девушка, выступающая на защите, отвечая на вопрос, почему не все получила автореферат, говорит: «К сожалению, автореферат НЕ ДОШЕЛ до некоторых членов совета». Не дошел – значит: не понят был? Переносное значение побеждает прямое. [Профессор 50 л. во время застолья:] НАДО ГОВОРИТЬ: СКОЛЬКО ВЫ УЖЕ ЖИВЁТЕ, А НЕ СКОЛЬКО ПРОЖИЛИ! (смех) (06.11.2013). [Доцент 51 г.:] Вероника с Сашей ездили в Англию на две недели. Их сопровождала из академии бабушка одна. Говорит: а теперь мы отправляемся В НАШ ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ: В АЭРОФЛОТ. А мужчина был остроумный: вообще-то, говорит, пожить бы ещё хотелось! (смех) (09.11.2013). [Профессор 65 л.:] Я звоню декану: Андрей Игоревич здесь? – Нет, он отошёл с Николаем Николаевичем!» А у меня ПОХОРОННЫЕ ассоциации! (смех) (04.12.2014).

Иногда обыгрывается прямое значение, например, глагола «выбирать».

[Тверь. Перерыв на голосование. Председатель совета хвалит рубашку официального оппонента, который рассказывает в ответ:] Мне говорят: как вы выбираете рубашку? КАКУЮ ЖЕНА ПОВЕСИТ НА СТУЛ, ТАКУЮ И ВЫБИРАЮ! (смех) (11.11.2013).

Прямое значение слова может стать знаком юмористической ситуации, когда это обобщенное значение приписывается ситуации «здесь и сейчас».

[Тверь. Технический перерыв. Два члена совета задержались, позвонили, что уже на лестнице:] Что-то долго поднимаются! – ВОЗРАСТ! (смех в зале) (10.12.2012).

Иногда внимание участников коммуникации обращается на слова в переносном значении, когда подчеркивается их другое, интимное значение.

[Декан 55 л. шутливо члену аттестационно-кадровой комиссии от факультета:] Геннадий Александрович! Вы здесь пролонгируйте, чтоб нас первыми пропустили, ВЫ ДЛЯ ЧЕГО ЗДЕСЬ ЧЛЕН (смех)? (23.05.2014). [Проректор, г. Горловка, лет 60-ти, оглядываясь и ожидая автобус, говорит участникам конференции в Казани:] Обратите внимание, как магазин называется! «ЖЕНСКИЕ ПРЕЛЕСТИ»! (29.06.2012).

Типичным юмором может стать и становится ситуация, когда студент по-своему прочитывает чужую лекцию или когда учебники он называет по обложкам.

[Тверь. Банкет. Профессор из Воронежа 65 л.:] Студент отвечает на экзамене о Фердинанде де Соссюре: Как писал ФЕРДИСОС... (смех). Они же сокращают, а потом говорят на экзамене: В своей книге «КУПЕ ОБЩЕЙ ЛИНГВИСТИКИ» («курс» прочитали и переписали как «купе») (смех) (11.11.2013). [Профессор-методист 60 л. доценту-методисту 62 л. о вариативности школьных учебников по русскому языку:] Они в дневниках пишут «Розумовская 45» (sic!), «ПОШАНСКИЙ...» (смех). Я говорю: детям не надо знать редактора: скажи: по жёлтому, по зелёному! Возьмите голубого Блинова! А мне говорят: «Т.Ф., а у нас будет сегодня ГОЛУБОЙ БЛИНОВ»? (смех) (10.12.2013).

Типичную группу мы выделяем, когда юмористически обыгрываются рабочие ситуации.

[Декан 44 г. на планёрке:] Заявление должно быть в любом случае! Мол, пара перенесена на завтра на такое-то время. Переносить (можно), ВЕДЬ ЗАРПЛАТА ИДЁТ! (07.04.2014). [Планёрка. О председателе ГЭК зав. кафедрой и декан:] Мы с ней связались. Она собирается приезжать на защиты (не на экзамены). – ПРАВИЛЬНО! ОНА ЖЕ НОРМАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК! (смех) (09.04.2014). [Официальный оппонент, г. Воронеж, 58 лет, комментирует отзыв:] Во-первых, теоретическое основание работ, они согласуются с опубликованными статьями. Я не буду называть страницы: ВСЁ

РАВНО ВЫ НЕ УСПЕЕТЕ ПОСМОТРЕТЬ (смех) (13.05.2014). [Официальный оппонент, г. Воронеж, 58 л., комментирует отзыв:] В работе есть досадные опечатки, **НО В ПРИЛИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ** я их зачитывать не буду (смех) (13.05.2014). [Тверь. Перед защитой члены совета рассаживаются. Женщина-профессор мужчине:] **ИДИТЕ КО МНЕ! ТОЛЬКО СО МНОЙ НЕЛЬЗЯ РАЗГОВАРИВАТЬ!** (15.12.2014). [Перед совещанием зав. кафедрой и начальница отдела лет 40:] Мы Вас удовлетворили своими писульками? – На **ИНТИМНЫЕ** вопросы я Вам отвечу позже! (смеются) (24.12.2014). [Председатель аттестационной комиссии, 78 л., кандидату наук, зав. кафедрой:] Детишек сколько у тебя? – Трое. – **А ПОЧЕМУ ТОЛЬКО ТРОЕ?** (22.06.2012).

Отдельную группу образуют высказывания, в которых обыгрывается реальная ситуация с аббревиатурами в вузе. Причем иногда эти аббревиатуры бывают навязанными, как бы случайными, но действующими в том же плане («Думай около»), как в предпоследнем примере из далее приведенных.

[Декан лет 45-ти о реструктуризации вуза:] Одну поменяли аббревиатуру УМРИКО – Управление методической работой и качеством образования (смех), а есть ещё лучше: ПИФИЯ – педагогический институт – факультет иностранных языков! (смех) (26.08.2013). [Доценты 48-50 л. на кафедре:] А во втором семестре у него (сына) одни ПЗ. – ПЗ? А что это? – А ты не знаешь? Практические занятия! Студенты так и говорят ПЗ по СРЯ! – И ДРЯ! (современному русскому языку, древним языкам) (06.09.2013). [Декан 44 г. вспоминает:] А Санкт-Петербурге был ещё ПРОПОН – проректор по направлениям (смех) (15.04.2014). [Профессор 48 л. об аспирантке:] Пришла с заявлением об отчислении. И тема такая интересная «Субстантивированные прилагательные в английском языке»! А я ей говорю: ЗДРА! МА! РА! (Здравствуй, моя родная!) О чём ты думала два года?! (16.05.2013). [Тверь. Свободная дискуссия на защите докторской диссертации. Профессор:] Были упрёки в отношении стиля написания, хотя лично мне все эти **НАУЧНОПОПЫ** как раз импонируют (смех) (11.11.2013).

Интересную группу составляют высказывания, в которых обыгрываются имена собственные. Связано это, как правило, с иностранными студентами и преподавателями или с кличками домашних животных.

[Воронеж. Соискатель араб:] Я благодарен ведущей организации в лице Веры КОНСУЛЬТАТИНОВНЫ (19.03.2015). [На свободной дискуссии о научном руководителе члене совета месье Жероме шутливо:] Я бы хотел поздравить ЖЕРОМА ГРЕГОРОВИЧА и Елену Леонидовну.– Да, у меня папа – Грегор! (31.03.2015). [Архангельск, женщина профессор в автобусе перед поездкой на защиту знакомой:] Дети подобрали котёнка. Как назовёте? Ещё не решили: или Иоганн, или Фридрих. Потом я прихожу, звоню: «Олечка, ты одна?» – НЕТ, Я С ФРИДРИХОМ!» (смеются). А он гадил в ботинки. Принесли к ветеринару прекрасному. И что-то там засмеялись, что Фридрих! Так он сбежал! И всё! Животные всё понимают! (27.09.2013).

Креативный перенос осуществляется, когда в ход идут терминологические понятия.

[Декан на планёрке и заместители:] Из 329-й вываливаются окна!– Аккредитацию проводить собрались! – Это будет АУДИТОРИЯ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА! – «Специализированная аудитория» (смех) (14.10.2014). [Профессор 67 л. во время свободной дискуссии на защите:] Что такое «реалии-номинанты». Я как не понимал, так и остался непонимающим. Но это, как говорят, МОИ ПРОБЛЕМЫ, МОЕГО КОГНИТИВНОГО СВОЙСТВА! (смех) (06.12.2012).

Иногда креатив юмора возникает как продолжение цитаты, перенося ситуацию в семейные отношения.

[На совещании два зав. кафедрой о входящих членах президиума иронично:] «БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!» – КАК РОДНЫЕ! (24.12.2014).

Иногда акцент ставится на вполне приемлемом слове, но оно и вызывает смех. Ситуация опрокинутого ожидания: не немецкий язык. Не какой-нибудь другой, а русский.

[Свободная дискуссия. Профессор из Брянска, женщина лет 50:] Вы же владеете несколькими языками, а среди лингвистов

только один немец указан! [Председатель:] Она И РУССКИМ ЯЗЫКОМ ВЛАДЕЕТ! (смех) (28.11.2014).

Специфическим способом является перенос ситуации с процедуры защиты на студентов и, наоборот, подчеркивание «студенческого» характера у профессора.

[Тверь. Профессор задаёт вопрос соискателю, исследовавшему рематические компоненты спонтанного повествования и рассуждения:] У меня элементарный вопрос: как выделить рематические компоненты в своей речи, чтобы ДО СТУДЕНТОВ ДОШЛО? (смех в зале) (12.11.2013). [Тверь. Защита по спонтанным повествованиям и рассуждениям. Профессор:] Где проходит у Вас граница между спонтанным и не спонтанным? Профессору Волкову (только что задавал вопрос) это понятно, ОН К ЛЕКЦИЯМ ГОТОВИТСЯ! (смех в зале) (12.11.2013).

Черный юмор тоже наблюдается в университетской среде, он исследуется наряду с обычным юмором, и это не случайно. Взрослые люди по-особенному относятся к юмору, означающему явно негативные случаи жизни. Этому посвящено исследование калининградских ученых «Черный юмор как способ философствования», в котором раскрывается несколько функций такого юмора:

а) он высвобождает человеческую психику от скрытой агрессии;

б) он нейтрализует некрофильские установки и утверждает биофильские начала;

в) он является лекарством от болезни смерти (Кьеркегор);

г) он являет собой вербальные и акциональные шутки, преднамеренные, когда человек становится жертвой черного юмора;

д) он становится способом философствования.

«Философствуя посредством мрачной шутки, человек честно размышляет о мире наедине с собой, но эти размышления быстро становятся всеобщим достоянием. Они стремительно распространяются в сетевом пространстве, теряя авторское начало и обретая свойство фольклорной всеобщности. Поэтому сетевой черный юмор близок фольклору, и ему вполне можно

доверять в плане выражаемой в нем идеологии» [Берестнев, Цветкова 2017]. Есть ли такой юмор в живом общении? Конечно, есть, хотя разновидности его могут быть не самыми заметными. Этот черный юмор бывает как бы несколько смягченным.

[Тверь, студентка подругам в коридоре университета на скамейке:] Мне подарили беговую дорожку за 23 тысячи. Я могу продать. Смычок могу продать. Мне квартира нужна (смеётся). – Хочешь, мы тебе подарим тайские тарелки? УМРЁШЬ ЕЩЁ БЫСТРЕЕ! (смеются) (30.10.2012). [Зав.кафедрой о декане, отвечает секретарь лет 22:] Нет, А.И. уехал, всё, в новый корпус, С КОНЦАМИ! (19.02.2015). [Председатель, закрывая первую часть предсъездовской конференции Союза переводчиков РФ:] Может быть, это последнее наше заседание? ВЕДЬ У НАС ДО 60 ЛЕТ НЕ ДОЖИВАЮТ... (смех в зале) (24.05.2013). [Декан лет 48-ми из Сербии на встрече по перспективам сотрудничества:] У нас Болонский процесс всё образование испортил! СЕЙЧАС У НАС НЕ ЗАКАНЧИВАЕТ УНИВЕРСИТЕТ ТОЛЬКО ТОТ, КОГО СБИВАЕТ МАШИНА, КОГДА ПЕРЕХОДИТ УЛИЦУ (28.04.2015).

Обобщение наблюдается в самых подчас примитивных ситуациях, но обобщение порождает порцию юмора, как в следующих примерах.

[Декан 43 л. на планёрке о том, что нет мотивов у школьников участвовать в олимпиадах:] Но олимпиады будут продолжаться! [Зам. декана:] Что будем обещать? – ОБЕЩАТЬ МОЖНО ВСЁ, ЧТО УГОДНО: КРАСИВУЮ ЖИЗНЬ, МЕСТО В ОБЩЕЖИТИИ (смех) (17.12.2013). [Декан 43 л. на планёрке о делегатах на конференцию трудового коллектива:] Семёныча не забыть! БЕЗ НЕГО РЕШЕНИЕ НЕ СМОГУТ ПРИНЯТЬ! (смех) (17.12.2013). [Профессор 76 л. на банкете:] Жульенчик! Видимо, по всему! РЕЖЕМ ПО ЖУЛЬЕНУ! (28.11.2014).

Иногда удачная шутка помогает признать ситуацию в целом.

[Молодой профессор и декан:] В Москву нас в марте выберут. – А говорят: в стране денег нет! – ТО В СТРАНЕ, А ТО В МОСКВЕ! (смех) (04.02.2014).

Юмор может быть незаметен, если не знать, что слово использовано самим инициатором действия, как в следующем примере.

[Проректор 48 л., ректор и декан юрфака 54 г. на Совете университета:] Есть предложение открыть магистерскую программу «Юриспруденция». – А Евгений Евгеньевич не возражает? – ИНИЦИИРУЮ! (26.05.2014).

Юмор становится весьма выразительным, когда он обращен на других участников, например, совещания в первом примере и на весь народ во втором

[Проректор женщина лет 50-ти на совещании и голос из зала:] В зачётке 104 часа, в учебном плане 140, а в ведомости – 110. – ТАК ЭТО ЕСТЕСТВЕННИКИ, ЧТО ВЫ ХОТИТЕ? (смех) (22.10.2014). [Профессор 64 г. на улице о новостях вуза:] «Культуру речи» вообще отменяют! [Бывший преподаватель женщина 52 г., смеясь:] И ЭТО ПРАВИЛЬНО! ПУСТЬ НАРОД РАЗВИВАЕТСЯ ЕСТЕСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ! (28.11.2013).

Домашние задания тоже вызывают улыбку.

[Студент-медик преподавателю о зачётном задании – тексте с множеством трудных для произношения слов:] Да я его наизусть выучил! У меня папа, когда я его поправлял, сказал: ДА ЛУЧШЕ Б ТЫ В ПТУ ПОШЁЛ!» (27.11.2013).

Традиционный способ – перенесение высказывания в противоположную плоскость – тоже имеет место в университетском общении.

[Начальник управления:] Но это только как исключительные случаи! Но при проверке мы столкнулись с тем, что ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЕВ ОЧЕНЬ МНОГО (04.02.2015). [Профессор профессору:] В отпуск хочешь? – Не то слово! Я уже ПЬЮ ТАБЛЕТКИ ОТ ПАМЯТИ, НО НЕ ПОМНЮ: ПИЛ ИЛИ НЕ ПИЛ (07.06.2012).

Иногда сама жизнь подсказывает юмористическую концепцию.

[Проректор о подготовке к аккредитации:] Заходим второй раз – таблички перевешаны. До смешного доходит: на туалете висит «ЛАБОРАТОРИЯ» (04.02.2015).

Бывает и так, что добавление всего одного слова переводит ситуацию в разряд креативных.

[Декан 45 л. на планёрке о помещении для работы экспертов:] Ш-в (проректор) собирался посмотреть помещение: наличие чайников, СЕРВИЗОВ... (10.02.2015).

Получается весьма интересная картина. Мы имеем множество приемов создания юмора из переосмысления ситуации, причем один из приемов «глобальный» (перенос ситуации в другую плоскость: календарную, политическую, торговую, учебную, бытовую, военную, криминальную), и все они сочетаются со многими приемами переосмысления слова, что также требует развитого чувства юмора. На наш взгляд, это прекрасно доказывает, почему взлет использования юмористической компоненты осуществляется сравнительно поздно.

В 2012-2015 годах мы, создавая пятитомную «Антологию разговорной речи. Некоторые вопросы теории» [Харченко 2016], фиксировали все явления разговорной речи, долетавшие до нашего слуха, за исключением сквернословия. Работа шла по 58 пунктам, в числе которых был пункт «Юмор». В этом году мы расположили собранный материал по юмору в зависимости от возраста говорящих на три группы: юмор молодых (20-30 лет), зрелых носителей языка (40-50 лет) и людей серебряного возраста (60 лет и старше). Профессия – преподаватель университета – и все остальные ситуации: поездки в транспорте, походы в магазины, на рынок, в парикмахерскую, случайно услышанные разговоры – все вписывалось в наши подсчеты. Что же оказалось в итоге? В конечном итоге оказалось, что пик юмора приходится не на молодой возраст, а несколько позднее, на возраст зрелый: 46–130–70. Получается, что язык мы усваиваем всю жизнь, и обилие тонкого юмора в 40-50 лет свидетельствует о высочайшем развитии способности обогащать ситуацию еще и комедийной компонентой.

Рассмотрим афоризм: «Красота – страшная сила», – говорила Фаина Раневская. Если подходить к афоризму с точки зрения темы и ремы, то мы видим явное противоречие: юмористическая рема с явным преувеличением (*страшная*

сила!) и философское понятие, выраженное в теме *красота*. Мысль весьма глубокая, причем представленная в форме юмористического образа. Поэтому многие высказывания комического характера можно прочитывать с позиций их главной мысли. Таким образом, тонкий юмор, заложенный в самой структуре, открывает нам еще одно важнейшее свойство таких высказываний – принятие афористической мысли в ее юмористическом виде. «В наших обстоятельствах спасаются преувеличениями...» [Ласкин 2012]. Мы привели этот пример, чтобы подчеркнуть, что креативность юмора таит в себе глубокие смыслы, она не только улучшает ситуацию речи, но работает еще и на конвергентное образование, открывая новое знание там, где его не было видно при обычном прочтении ситуаций.

[Из президиума конференции, Санкт-Петербург, женщине профессору лет 60:] Микрофон можно дальше (держать)! – Может быть, Я ХОЧУ ДОКРИЧАТЬСЯ! (26.06.2013). [Распределение выпускников. Проректор 58 л. и выпускник:] А с армией как? – Ну, в армию тоже СХОДИМ! – ЗАЙДЁМ! (смех) (08.04.2015). [На совещании о подготовке к аккредитации. Зав. кафедрой и проректор:] Да, было много проблем, но в отчётах и документах всё правильно. ВАМ ПОЧЕСТНОМУ ОТВЕЧАТЬ ИЛИ ПРАВИЛЬНО? – Сейчас честно! (14.01.2015). [Совещание. Об итогах анкетирования преподавателей на факультете:] И преподаватели ответили? – ТАК, КАК НАДО! (смех) – Ну по-человечески? (14.01.2015). [Планёрка. Декан:] Вам как бы продлили, но, так как у нас СЛУЖЕБНЫЙ ПОДЛОГ – ЭТО ОБРАЗ ЖИЗНИ У НАС (смех)... (27.01.2015). [Доцент 52 л. перед совещание о муже:] Саша там с милиционерами встречался лет 10 тому назад. Спросили: а сколько вы получаете? Пятнадцать тысяч. А они: «Так, это ладно! А ЖИВЁТЕ-ТО ВЫ НА ЧТО?» (29.04.2015). [Декан лет 48 из Сербии на встрече по перспективам сотрудничества:] У нас даже ректор иногда просит у декана денег на публикацию журнала. А у вас деньги от поступивших идут на факультет? – Нет, у нас консолидированный бюджет. –

Я БОЮСЬ, ЧТО К НАМ ПРИДЁТ ВАША СИСТЕМА, А К ВАМ – НАША! (28.04.2015).

Выводы

1. Тонкого юмора в университетской среде более чем достаточно. Мы насчитали до тридцати различных способов создания смешного. «Думать около» означает огромную массу возможностей по-иному интерпретировать ситуацию и ее словесный шлейф.

2. Тонкий юмор отвечает самой идее креативности, реализуя установку оценивать ситуацию с иных, подчас творческих и неоднозначных позиций.

3. Креативность юмора означает в перспективе его приверженность высшему конвергентному образованию.

4. В юмористической шутке есть доля нового знания, актуального для сегодняшнего дня.

Литература

Берестнев Г.И., Цветкова А.А. Черный юмор как способ философствования // Вестник Балтийского гуманитарного университета. Серия Филология, педагогика, психология. – Вып. № 3. – 2017.

Гридина Т.А. Идиостилевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна // Лингвистика креатива–5: коллективная монография / под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2020. – С. 14–60.

Гридина Т.А. Художественный текст как поле языковой игры // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. – 2012. – № 5. – С. 101-110.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Техники языковой игры в процессе обучения словообразованию в школе и в вузе // Педагогическое образование в России. – 2017. – №8. – С.79-84.

Дземидок Б. О комическом. Пер. с польск. М.: «Прогресс», 1974.

Доброва Г.Р. Лингвокреативность детей раннего возраста: к вопросу о необычных стратегиях речевого поведения // Лингвистика креатива-3: Коллект. моногр. / под общей ред.

проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – С. 75-88.

Иссерс О.С. Лингвокреативные игры в пространстве Интернета: от смешного до серьезного // Лингвистика креатива: Коллект. моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – С. 101-120.

Ласкин А. Высокий и Толстой: Повесть // Нева. – 2012. – № 8. – С. 76-121.

Иванян Е.П. Проблемы лингвоэкологии в свете лингвистики креатива // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2018. – С. 209-215.

Кулакова И.В. Textoобразующая роль игрем – окказиональных слов // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2018. – С. 266-274.

Никифорова Е.Б. Формирование новых слов как результат лингвокреативной деятельности социума // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. – С. 134-138.

Норман Б.Ю. Лингвистика поэзии: прозрения и заблуждения // Лингвистика креатива: Коллект. моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – С. 177-198.

Попова Т.В. Новое в изучении графодеривации // Лингвистика креатива-4: Коллект. моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 229-269.

Радбиль Т.Б. Новые явления в языковой среде русскоязычного интернета: к проблеме семантического и прагматического освоения языковых инноваций в свете «лингвистики креатива» // Лингвистика креатива-5: коллективная монография / под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург, 2020. – С. 113–124.

Ружицкий И.В. Аттракционная функция слова «почти» в текстах Ф.М. Достоевского // Лингвистика креатива-5: коллективная монография / под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург, 2020. – С. 113–124.

Устинова Т.В. Развитие лингвокреативного мышления школьников средствами смыслового чтения поэтического текста, содержащего окказионализмы // Филологический класс. – 2018. – № 3. – С. 85-91.

Харченко В.К. Антология разговорной речи. Некоторые вопросы теории разговорной речи. В пяти томах. М.: ЛЕНАНД, 2016.

Шмелева Т.В. Ономастические игры в городской среде // Лингвистика креатива-3: Коллект. моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – С. 315-332.

©Харченко В.К., 2023

Электронный научный журнал

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА

Официальный сайт журнала: <https://linguacreativ.ru/>

Издатель: ФГБОУ ВО

«Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции:

620091, г. Екатеринбург, пр-кт Космонавтов, 26, каб. 281

E-mail: linguacreativ@mail.ru

Тел.: (343) 235-76-64; (343) 235-76-41

Периодичность издания: 4 раз в год

Выходные сведения:

Лингвистика креатива:
электронный научный журнал. 2023. № 1

Размещено на сайте 27.06.2023